

Фред Б. Крэддок

ПРОПОВЕДЬ

**Издательство «Вера и святость»
Санкт-Петербург
2007**

ББК 86.376 К85

Fred B. Craddock
PREACHING

Abingdon Press
Nashville

ISBN 0-687-33636-8

Copyright © 1985 by Abingdon Press

Переводчик *О. А. Рыбакова*
Богословские редакторы
А. В. Шиповалов. О. А. Дружинина

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может копироваться и публиковаться никакими средствами (печатными, фотографическими, электронными, звукозаписывающими и пр.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-7454-0846-5
0403000000—846
47A(03) 07 ообъявл.

© Русское издание.
Издательство Церкви Назарянина
«Вера и святость», 2007

Предисловие

С тех пор как я впервые начал писать о проповеди, после публикации *Как не имеющий власти (As One Without Authority)* в 1971 г., мои коллеги, пасторы и сотрудники по семинарии стали поддерживать меня в том, чтобы написать учебник. Я представляю это себе как книгу, которая провела бы читателя через весь процесс проповеди, от выбора текста до изложения.

Эта книга — ответ на призыв. Хотя я писал ее в коттедже в горах Блю Ридж, на севере Джорджии, я никогда не удалялся от моих учеников. Под «учениками» я подразумеваю семинаристов и служителей приходов, которые вместе со мной годами изучали предмет проповеди. Каждое утро, садясь за стол, я вспоминал их, представлял себе их лица, предвосхищал вопросы, слушал предложения об альтернативных методах, отвечал на голоса, уверенные и опытные, или дрожащие от волнения, с которыми подходят к кафедре впервые.

Я должник всех, с кем работал и кого учил. Я хочу также выразить свое уважение и благодарность всем, кто вдохновлял меня своими книгами и лекциями, в особенности тех, кто остался верен своей задаче в те годы, когда проповедники блуждали по безводной сухой пустыне.

Я хочу воспользоваться случаем, чтобы поблагодарить Джима Уэйтса, декана Богословской школы Кэндлера, который дал мне отпуск для работы над книгой, и Дженет Грей, которая печатала рукопись и охраняла мое вынужденное уединение.

Фред Б. Крэддок,
Богословская школа Кэндлера
Университет Эмори

Страница оставлена пустой преднамеренно

ЧАСТЬ I

Проповедь: общий обзор

Страница оставлена пустой преднамеренно

Глава первая

Вступление

Задача и форма

Эта книга задумана как учебник проповеди. По мнению некоторых наблюдателей, он вышел слишком поздно, потому что время учебников уже прошло, как в этой, так и в других дисциплинах. Это мнение отчасти подкрепляется ныне известным доводом, что развитие знаний делает учебники устаревшими еще до момента их опубликования. Конкретно, в случае с проповедью, однако, считается, что полезного учебника написано быть не может, так как сфера коммуникации пребывает в состоянии постоянного изменения из-за экспериментов с новыми технологиями. Но эти утверждения почти так же убедительно говорят, что выпускать учебник проповеди в настоящее время скорее слишком рано, чем слишком поздно. Подобный вывод можно подкрепить. После поколения одиночек, которые были объектом всеобщего осмеяния и заботились о самобичевании, проповедь находит новых друзей среди других дисциплин и возобновляет старые знакомства с библейскими исследованиями, литературной критикой и теорией общения. Отказавшись от положения потребителя, эта наука снова стала производить новое. Это плодотворное время. Статьи, очерки, диссертации и книги о проповеди и непосредственно связанных с ней предметах составляют весьма солидную библиографию. Возможно, не надо прерывать этот процесс прорастания всходов, чтобы заморозить его результаты в виде учебника. Возможно, надо подождать с учебниками, пока плод полностью не созреет и не будет рассмотрен более критически, с размышлениями и спорами. Эти рассуждения звучат довольно здраво.

Однако, изо дня в день, мы продолжаем обучать проповеди и учиться ей. Методы, помогающие в этом процессе, должны изобретаться все время, не только отражая новые идеи, обновляющие предмет, но и соответствуя способностям и потребностям проповедников, которые сами являются продуктами культуры, где передача информации происходит по-новому. Не будем себе позволять без критики увлекаться всем новым. Некоторые старые книги о проповеди можно с пользой переиздать, не как сентиментальное возвращение к старым путям, но как признание того, что отчасти недостатки предмета связаны не с упрямым нежеланием отступить от традиции, но с бездумным неумением внимательно к ней прислушиваться. Концертным пианистом становятся не забрасывая гаммы, но добиваясь в них мастерства и повторяя это основное упражнение. Кто может сказать, спустя столько веков, что *Риторика* и *Поэтика* Аристотеля или наставления Августина о проповеди больше не могут быть полезны для проповедника? Это основы хорошей письменной или устной проповеди, которые остаются в силе, но для учебника было бы обременительно собирать и предлагать их, *особенно* во времена увлечения экспериментами. Разумеется, учебники в этой или другой области не будут иметь столь долгой жизни, как некогда было, но над продолжительностью их жизни не властен никто, и уж конечно, не автор. Фактически, книга, задуманная для того, чтобы служить изучению предмета годы, может быть, мало кому понадобится и сейчас.

Таким образом, эта книга задумана как учебник проповеди для тех, для кого проводятся все исследования и пишутся все труды, – проповедников. Регулярные проповеди в церкви окончательно определяют, оправдан ли труд гомилетов, или же они могут участвовать только в обучении коллег.

Говоря, что эта книга задумана как учебник, следует упомянуть о читателях, для которых она предназначена, и о форме, в которую облечено ее содержание. Что касается предполагаемых читателей, то это мужчины и женщины, для которых проповедь является или будет являться постоянной обязанностью в служении. Это те, кто обладает благодатью и отвагой, достаточной

для того, чтобы быть гибкими, слушать, открывать новое и совершенствоваться. Некоторые из них – учатся в семинарии, другие повышают свою квалификацию частным образом или в рамках учебной программы. Конечно, семинарист и практикующий проповедник относятся к занятиям с разных точек зрения: один из них только готовится, другой действует на основании опыта. Нет необходимости обсуждать здесь, какой момент наиболее хорош для обучения; у обоих есть свои достоинства и недостатки, как и в ситуации, когда в классе есть уже проповедующие студенты, а есть и те, кто никогда не проповедовал. Когда опыт отсутствует, присутствует открытость к восприятию разных подходов. Когда присутствует опыт, обычно существует тенденция защищать и отстаивать собственный набор методов и подходов.

Вопрос следующий: может ли один текст помочь обеим группам? Ответ утвердительный, если мы соблюдем два условия. Во-первых, педагогический подход должен быть основан скорее на узнавании, чем на заучивании. Многие из нас способны заучить лишь небольшое количество информации, но обладают огромным потенциалом узнавания. Учиться с помощью узнавания, значит просто быть способным увидеть, что мы уже знаем о предмете, которого, как мы считали, мы не знаем, и о котором у нас нет четкого представления или мнения. Те, кто проходит начальный курс проповеди, могут обучаться с помощью этого метода; он годится не только для тех, кто освежает в памяти материал, пройденный в семинарии. Ребенок, впервые вступивший в мир грамматики или математики, легко может обучаться с помощью узнавания. Фактически, узнавание того, что человек уже знает, так раскрепощает и служит основанием уверенности в себе, что жажда знаний и способность воспринимать то, что требует заучивания, резко возрастает. С другой стороны, если основной педагогический метод основан на заучивании имен, терминов, определений, дат и мест, учащийся чувствует себя невежественным, не говоря уже о перегруженности новой информацией, которая имеет сомнительное отношение к стоящей перед ним задаче, обучению эффективной проповеди.

Нет необходимости говорить, что в этой книге мы пытаемся уделить максимальное внимание узнаванию как основному методу обучения.

Во-вторых, одна и та же книга может быть полезна как проповеднику, так и тому, кто готовится им быть, если сама ее форма позволит читателю пройти через весь процесс подготовки и изложения проповеди с ясными указателями на пути, которые помогут тем, кто хочет вспомнить или повторить какую-то конкретную фазу процесса. Построение этой книги – это попытка ответить на вопрос: как я готовлю и излагаю проповедь? Мы надеемся, что подразделение вопроса на четкие этапы и шаги не сделает его механическим. Мы сознательно пошли на этот риск, чтобы любой, кто интересуется конкретным пунктом, мог легко найти нужное место.

Во всей книге приводятся примеры и упражнения, чтобы пояснить рассматриваемый вопрос и позволить читателю поучаствовать в нем. Такое участие позволит студенту заранее столкнуться с проблемами и препятствиями, с которыми все мы боремся всю жизнь. Кроме того, участие в процессе дает студенту возможность делать самостоятельные открытия, обнаруживать свои особенные дарования и постепенно перенимать опыт и ответственность от авторов учебника и преподавателей. Большинство примеров взяты из библейского текста или близко связаны с ним. Это неслучайно и не связано с тяготением автора к своей специализации. Этот выбор основан, скорее, на убеждении и опыте: убеждении, что источником питания, информации, дисциплины и власти проповеди должно быть Писание, и опыте, полученном из Писания, говорящем о том, что не существует единого жанра, определяемого как проповедь. И в Ветхом, и в Новом Заветах широко представлено множество форм провозглашений. Все обращаются к Библии, ища, **о чем** проповедовать, но не вникают в ее текст достаточно, чтобы понять: он много говорит и о том, **как** это делать. Таким образом Библия послужит дополнением к этому учебнику, и частое ее использование поможет нам не только говорить о том, что мы делаем, но и делать то, о чем говорим.

Основные предпосылки, связанные с обучением проповеди

Обсуждение проповеди в этой книге основано на двух предпосылках. Первая – учиться проповедовать трудно, и эта трудность не уменьшается от наличия умелого наставника или обнаружения в себе таланта красноречия. Фактически, проповедование – очень сложная деятельность. Поэтому многие считают, что даже найти удовлетворительное определение проповеди – нерешенная задача. Одни стараются все охватить и включают в определение послание, посланника, слушателей и метод, и тем не менее, чувствуют, что есть и другие факторы, которые надо учесть. Например, представьте, что вы имеете дело со студентом, только что закончившим занятия в семинарии. Студент рассказывает, что профессор читал лекцию сорок минут, а потом проповедовал оставшиеся десять. Если он не опишет это подробнее, как вы представите себе переход от лекции к проповеди? В чем разница? Профессор отложил свои заметки? Он стал говорить более живо и воодушевленно? Содержание стало более личным, стало касаться самого лектора и студентов? Может, он стал использовать меньше описаний и больше увещеваний, может, о чем-то предупреждал или упрекал? Продолжили ли студенты конспектировать, или стали конспектировать больше, или же перестали это делать на десять минут? Решив для себя, в чем заключался переход от лекции к проповеди, расскажите эту гипотетическую ситуацию другому. Будет ли его ответ таким же? Мы все знаем, что такое проповедь, и все же кажется, что никто из нас этого не знает.

Чтобы определить сложность проповеди, скорее подходят выражения типа «и... и», чем «или... или». Проповедь предполагает вовлечение в процесс способностей тела, разума и духа. Это деятельность, требующая определенных навыков. Но проповедь имеет особое содержание, она передает определенное послание. Как еда – это не просто пережевывание, но пережевывание пи-

щи, так и в определение проповеди входит не только речь, но и ее содержание.

И, так как основное содержание – не произведение говорящего, а скорее дар ему, проповеди не только обучаются, она дается. Однако вряд ли можно описать ее как совокупность действия и содержания, ибо активное присутствие Духа Божьего превращает ситуацию в то, что исследователи Библии называют «событием». Проповедники и слушатели придерживаются весьма разнообразных учений о Духе, но отсутствие силы Божьей превращает изложение проповеди в печальное повторение бесплодных попыток семи сыновей Скевы, описанных в Деяниях 19:11-16. Злой дух, перед которым они подражали словам и действиям Павла, обратился к ним со словами: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» (стих 15).

Проповедь – это одновременно описание и обращение. Давний спор между исследователями Нового Завета насчет того, представляет ли собой Благая Весть рассказ о жизни, служении, смерти и воскресении Иисуса, как в евангелиях, или же слово о кресте, с которым Павел обращался к своим слушателям, не может быть разрешен – или... или. Одно и другое не только составляет часть библейского свидетельства, но одно нуждается в другом. Собственно говоря, любой рассказ об Иисусе должен подразумевать, если не открыто выражать, обращение к слушателям, чтобы быть определенным как проповедь. Рассказ «о» Боге или Иисусе, или родственных вопросах, не обращенный «к» слушателям, может быть интересным, может сопровождаться оживленной дискуссией, но это не проповедь. Проповедь намеренно обращена к слушателям, следовательно, даже индикатив в ней подразумевает под собой императив. Подобным образом, «обращение» к слушателям, не содержащее веры, – не проповедь, а пустой призыв.

Проповедь – процесс частный и публичный. Она является частной, когда идет подготовка, которая, если ей не пренебрегают откровенно, вызывает в проповеднике острое чувство соприкосновения с посланием, его глубокое восприятие. Это не значит, что можно проповедовать только то, что ты сам практи-

куешь (это завышенное требование даже к святейшим из нас), или что эффективность проповеди полностью зависит от веры и жизни проповедника. Но следует сказать, что молитва, исследования, изучения и размышления, на которых построена проповедь, имеют тенденцию облекать послание толстым слоем собственных ценностей, мыслей и чувств, порождая в проповеднике сильное убеждение в важности послания, и это делает изложение не таким, каким оно было, если бы послание ничего для него не значило. Но любой, кто говорит о предмете, чрезвычайно важном для него лично, знает, что между сердцем и языком лежит огромная дистанция. Поэтому о таких вопросах нелегко говорить, особенно перед незнакомой и случайной аудиторией. Однако проповедь – это также общественное и публичное явление. Проповедь – это не просто чья-то исповедь и не попытка применить богословие к собственной жизни и рассказать, как ты к этому относишься. Нет, проповедник оглашает послание перед собранием верующих, формулирует его для этого собрания и для всего мира. «Ибо так возлюбил Бог мир» (Ин. 3:16) – выражение, которое задает проповеди соответствующий контекст. Действительно, интроверты часто страдают, когда выступают перед всеми и каждым, но страдание не должно побеждать. В противном случае только немногие счастливицы смогут получить Благоую Весть, и то, что они услышат, будет, скорее всего, субъективной и искаженной интерпретацией Евангелия.

Проповедь – это одновременно слова и Слово. Отрицать связь между собственными словами и Словом Божьим, из-за чьего-то представления о кротости или отказа от власти и ответственности служителя, значит лишать проповедь ее места и цели. Если подходить с этой точки зрения, логично было бы хранить молчание на кафедре. С другой стороны, идентифицировать собственные слова со Словом Божьим, значит принимать на себя роль Бога в проповеди. Ни убежденность в каком-то вопросе, ни знание множества стихов Писания не могут оправдать таких притязаний. Изменение тона голоса не может выделить Слово Божье среди многих слов человека. Скорее, проповедник использует слова, которые дают ему культура и традиция, вы-

бирает среди них наиболее ясные, жизненные и подходящие, организует их так, чтобы передать истину и вызвать интерес, произносит их наилучшим образом и предлагает их Богу в проповеди. Именно Бог составляет Слово из слов.

Вероятно, по поводу первого из основных постулатов сказано все. Вопрос становится более чем ясным, когда мы претворяем его на практике. А сложности начинают ощущаться довольно рано в процессе обучения. Даже студенты первого курса начинают спрашивать: должна ли проповедь переводить идеалы в стандарты? А при этом не утрачивается ничего важного? Крупную банкноту можно разменять на металлические деньги, но, хотя формально ценность останется точно такой же, практическая ценность радикальным образом изменится. Всегда ли необходимость разъяснения связана с компромиссом? Если наша задача – вызвать отклик у других, то как же честность, которая требует, чтобы прежде всего мы применили принцип к себе? Может ли каждая блестящая идея выдержать испытание огнем интенсивного исследования? Тщательные исследования никогда не перестанут пугать и вызывать робость. И так далее. Научиться проповедовать трудно, потому что проповедь – вещь сложная.

Другая основная предпосылка последующего обсуждения гласит, что, хотя научиться проповеди сложно, это можно сделать. Много спорили, можно ли научить проповедовать, принимая во внимание тот факт, что проповедь находится в точке пересечений традиции, Писания, опыта проповедника, потребностей конкретной группы слушателей и ситуации в мире в конкретное время и в конкретном месте. Это хороший вопрос, хоть и без ответа. Но более разумно будет спросить: можно ли *научиться* проповедовать? На этот вопрос можно ответить, и утвердительно. Разумеется, учащийся не может перечислить всех своих учителей, потому что обучение требует прислушиваться ко многим голосам. Один слушает голос просыпающихся в нем способностей, дара Божьего тому, кто призван проповедовать. Другой прислушивается к голосу семейной традиции, друзей и других значительных людей, встречающихся на его пути. Про-

шное человека, будь оно выдающимся или полным лишений, благословенным или болезненным, может быть вновь истолковано и пересмотрено с великой выгодой для проповеди, будет ли человек рассказывать об этом прошлом с кафедры или нет. Следует прислушиваться и к голосам преподавателей других предметов, если предмет полезен и связан с проповедью. Распространенная ошибка молодых проповедников – это неумение уделять адекватное внимание богословию, истории церкви, изучению Библии и религиозной социологии, которые должны служить источником информации и основой для проповеди. Любой предмет, полезный в жизни, полезен для проповедника.

Нет сомнений, что человек, который хочет научиться проповедовать, должен пользоваться возможностью послушать других выступающих, в особенности хороших, независимо от области их интересов и опыта. Политики, тренеры, комедианты, актеры, дети, певцы, местные сказители – все они могут чему-нибудь нас научить. Нет ни одного человека, образованного или нет, от которого мы не могли бы чему-нибудь научиться, если обладаем благодатью восприятия. Конечно, очень важно слушать других проповедников, это гораздо более ценно, чем читать их проповеди. Так как проповеди произносятся вслух, слушать их лучше, чем читать. Кроме того, многие проповедники, у которых мы могли бы поучиться, никогда ничего не издают. Однако помните, что учиться, не значит подражать. Подражание может быть вызвано совершенно искренним восхищением, но на кафедре оно превращается в карикатуру. Мы можем учиться у проповедников, плохих, средних, хороших и превосходных, но ни одному из них не надо подражать. Давид не может сражаться в доспехах Саула.

Вероятно, здесь уместно будет настаивать на развитии навыков речи. В тот момент, когда человек вступает на путь, ведущий к кафедре, он должен уделять внимание развитию своих ораторских способностей. Мы здесь имеем в виду не только специальные занятия, хотя они могут быть бесценны для постановки голоса и обучения организации мыслей, но и неформальные возможности, которые не надо упускать. Можно совершен-

ствовать свое умение объяснять, описывать, цитировать, рассказывать, спорить и рассуждать вслух самостоятельно, малыми группами, в различных организациях и классах. Но дня не должно проходить без возможности рассказать историю, поговорить с детьми, побеседовать со старшими, обсудить что-то с друзьями, пошутить, объяснить дорогу прохожему, описать ситуацию или поделиться переживаниями. Некоторые предложения по совершенствованию в этой области есть в разделе данной книги, посвященном изложению проповеди, но будет разумно принять это во внимание сейчас и начать упражняться. В конце концов, отрабатывать навыки речи только на занятиях для проповедников или на кафедре — это слишком мало и слишком поздно. Вероятно, проявление инициативы в этой области больше, чем что-либо еще, отмечает разницу между теми, кто «занимается проповедью» и искренне хочет проповедовать. Необходимость инициативы со стороны студента подчеркивается здесь на основании двух фактов.

Первый — в том, что многие колледжи и университеты не требуют от студентов посещения курсов по разработке речевых навыков, а в некоторых они даже не преподаются. Эта подготовка дается лишь в немногих семинариях, а студентов, которые пытаются совершенствоваться в этой области, еще меньше.

Второй факт — это то, что большая часть процесса образования в настоящее время происходит в тишине. С начальной школы и до высшей учащиеся слушают преподавателей, читают, пишут, делают конспекты, контрольные, сдают экзамены и заканчивают учебу. Многие студенты с прекрасными характеристиками приходят в семинарию после шестнадцати лет безмолвного обучения, чтобы теперь готовиться к призванию, которое потребует от них устных выступлений каждую неделю до конца их жизни. И во многих случаях значительная часть времени обучения в семинарии тоже уходит на слушание преподавателей, чтение, конспектирование, написание работ и экзаменационных сочинений — все это молча.

В поддержку тезиса о том, что проповедовать можно научиться, мы еще ничего не сказали о роли занятий в этой подго-

товке. Их значения не следует ни принижать, ни пренебрегать им; большинство работающих по этому учебнику, вероятно, будет заниматься этим в рамках занятий, следовательно, они сами поймут, какие преимущества могут извлечь из таких уроков. Но надо сказать, что даже профессора гомилетики, которые, после многих лет серьезных попыток, все еще задаются вопросом, можно ли научить проповедовать, признают с благодарностью, что ряд их студентов действительно научились. Их знания в значительной степени получены на занятиях по подготовке проповедников, где студентам дается хорошая библиография, информация о выступлениях, оказывается поддержка в момент суровой самокритики, разрешается разрабатывать новые методы и преподаются основные принципы, на почве которых может процветать творчество. Конечно, не существует одноединственного подхода к проповедованию. Фактически, каждый проповедник не просто отличается от других, но будут отличаться также развитие и настроение его проповедей при ориентации на разные цели. Одинаковое оформление всех проповедей не может быть оправданно никакими разумными причинами, хотя некоторые из нас знают уважаемых проповедников, которые так именно и делают. Когда мы становимся старше, наши проповеди изменяются не просто потому, что мы становимся мудрее, но потому, что возникают новые, более актуальные послания и методы, которые в устах молодых звучали бы неестественно и театрально. И наоборот.

И еще одно об обучении проповеди. Некоторые служители пришли к мучительному выводу, что проповедовать они не могут, по меньшей мере, проповедовать хорошо. Если с этим мнением согласны любящие друзья и соратники, надо искать иное служение, не связанное с кафедрой. Этот человек не становится служителем в меньшей степени, и церковь должна ясно заявить об этом. Как ни важно дело проповеди, от мнения, что только проповедники являются истинными служителями, не будет пользы ни кафедре, ни церкви. Это отношение слишком долго сохранялось на кафедре, что заставляло людей, имеющих способности в другой области, отказываться от служения вообще.

Основные убеждения, связанные с проповедью

Те, кто начал изучать эту книгу, имеют право знать, какие убеждения питают и поддерживают выраженные здесь взгляды на проповедование. Они являются основными, и, хотя, подобно выступам скалы, поднимаются на поверхность дискуссии лишь в некоторых местах, на самом деле все сказанное здесь покоится на них. Эти убеждения приведены не для того, чтобы вы с ними соглашались или не соглашались, но из соображений ясности и честности. Если эти убеждения заставят читателя сформулировать свои собственные принципы, значит, будет сделан шаг по направлению к действительно сильной проповеди. Слушатели очень быстро смогут различить, что у проповеди нет твердого фундамента. Некоторые, менее внимательные, могут подумать, что проповеднику надо «поработать над голосом», но внимательные слушатели поймут причину неуверенности в голосе, блуждающего взгляда и жестов, противоречащих словам.

Проповедник. Личность проповедника – жизненно важный элемент для эффективности проповеди. Это говорится не для того, чтобы возобновить старый спор между Августином и Донатом, зависит ли эффективность проповеди от веры и морали служителя. Не хотим мы и занять позицию «служитель как образец», споря с теми, кто настаивает, что священнослужители, как и любые профессионалы, должны оцениваться на основании профессиональных навыков, а не личного поведения. Наше представление о проповеднике основано на двух основных наблюдениях.

Первое – проповедник работает в необычных, интимно-доверительных условиях, в которых невозможно отделить личное от профессионального. Юристы и врачи, работающие с людьми, часто оказываются в таких ситуациях личного доверия, при которых ожидания, которые на них возлагаются, выходят за рамки закона или медицины. Это еще в большей степени относится к служителям, паства которых – собрание, и вместе с соб-

ранием они проходят через проповедь, молитву, похороны, свадьбы, крещения, наставничество и другие моменты, животрепещущие и чрезвычайно важные. Какой бы ни была наша богословская концепция служения и что бы лично мы не предпочитали, это условие работы проповедника остается неизбежным фактом.

Второе – это то, что проповедь некоторым образом является исповедью проповедника. Мы имеем в виду не практику некоторых, делающих с кафедры признания и начинающие каждую проповедь словами: «Забавный случай произошел со мной сегодня по дороге в церковь». Под влиянием психологии Фрейда в литературной критике возник подход, получивший название биографического. Чтобы понять литературное произведение, надо изучить жизнь писателя. В довольно негативной оценке Д. Х. Лоуренс сказал, что произведения «отражают болезни автора». Гомилетическая оценка самораскрытия проповедника будет дана позже, однако осознание этого проявления его личности должно присутствовать с нами с самого начала; этого надо не бояться, не презирать, не стесняться, но понять. Осознание того, что в проповеди человек говорит больше или меньше, чем хочет сказать, должно привести к принятию решения о собственной молитвенной жизни и вере. Многие, посвятившие жизнь служению, считают, что из всех упражнений для сохранения проповедниками подобающей атлетической формы христианских ценностей, перспектив и веры на их пути ничто не помогает лучше, чем подготовка и изложение проповедей. Те, чье служение не связано с кафедрой, находят другие пути подкрепления и питания личности служителя. Но проповедник никакими частыми посещениями церкви не может возместить ущерб, понесенный его духом, если он пренебрегает исследованиями и размышлениями, необходимыми для проповеди. Нет более сильного довода против привычки чтения проповедей других. Если проповедь раскрывает наше «я» даже тогда, когда мы проповедуем о Христе, а не о себе, пусть это «я» окажется развивающимся, неделю за неделей исследующим Писание, традицию, опыт, людей, ищущим подходящие для слушателей слова. Но

предупреждаем: если самораскрытие станет основной заботой проповедника, проповедь превратится в рассказ о себе, то слушателям придется пережить ту знакомую драму отвращения, когда проповедник хвалится своими слабостями и кротко признается в сильных сторонах.

Подводя итоги, скажем, что проповедник должен обладать верой, чувством, авторитетом и благодатью. *Вера* заставляет людей верить нам, а если посланник не достоин доверия, то и посланию не поверят. Отсутствие веры практически невозможно скрывать длительное время. Никто не сможет поднять кафедру на такую высоту, чтобы слушатели не уловили отсутствие убежденности. *Чувство* делает нас убедительными. Мы не призываем к подражанию свирепым фанатикам, которых бессердечие побуждает искать жертв и совершать насилие, но просто к состоянию, в котором чувство соответствует важности рассматриваемой темы. Проповедовать так, как будто в проповеди нет ничего важного, – противоречие. Из Евангелия можно извлечь такие истины, которые имеют значение, силу и влияние, даже если проповеднику недостает красноречия. Такой человек не оставляет собрание равнодушным. Во многих отношениях это – пугающая перспектива, подтвержденная опытом: если по завершению проповеди по разные стороны кафедры остается ворох «да» и ворох «нет», в следующий раз проповедник будет чувствовать не только желание добиться результата, но и искушение его не добиваться. *Авторитет* – это то, что дает проповеднику право говорить. Авторитет служителя – очень сложная вещь. Он является еkkлeзиастическим по причине рукоположения; харизматическим – в связи с призванием; личным – в зависимости от таланта и образования; демократическим – в связи с желанием слушателей уделить тебе внимание. Авторитет – все это и нечто большее, но парадоксально то, что слуга Божий – вождь, и отказ от этой роли, как бы он ни поощрялся некоторыми текстами, – отказ от рукоположения. И, наконец, *благодать* – это то, что заставляет говорящего слушать. Проповедь, как пение, начинается со слуха, и тот, кто услышал слово божественной благодати, может произнести его правильно. Благодать –

это не всеобъемлющая терпимость, которая улыбается при виде зла или склоняет взор перед несправедливостью. Благодать — это присутствие Бога, Который посылает дождь доброму и злому, Который добр даже к неблагодарным и эгоистам. Истинное действие благодати — сделать нас тоже благодатными.

Слушатели. В том, что было выше сказано о проповеднике, многое касалось и слушателей, но надо непосредственно сформулировать идею, что слушатели — активные участники проповеди, говорят они что-то, или это участие молчаливое. Считаем ли мы согласно нашей богословской концепции проповеди, что Слово Божье находится на устах проповедника или в ушах аудитории, факт в том, что они взаимосвязаны. Проповедь — это не просто разговор на христианские темы; проповедь сама по себе — христианский акт. Это значит, помимо прочего, что наша проповедь не должна принижать, оскорблять, принуждать или игнорировать тех, чей вклад в послание не меньше, чем у говорящего. Сказать, что слушатели — участники проповеди, значит сделать, по меньшей мере, три утверждения о ее природе. Во-первых, это послание предназначено для слушателей. Конечно, есть отношения, в которых мы все скорее похожи, чем отличаемся, поэтому проповеди могут подходить для различных мест, времени и групп. Однако проповедь — это не речь на все случаи жизни, но, скорее, обращение к конкретной группе в конкретном месте и в конкретное время. Такие проповеди требуют хорошего знания и тесного общения с собранием. Другими словами, слушатели становятся участниками проповеди еще до ее рождения. Слушатели общаются с проповедником до того, как он обращается к ним; служитель слушает, прежде чем говорить. Иначе проповедь не создает возможности для контакта, какой бы ни была содержащаяся в ней общая истина. Для того чтобы истина эта была своевременной, не нужно выделять каждую неделю определенное время для встречи служителя с представителями общины, чтобы обсудить тему следующей проповеди. Этот метод, очевидно продуктивный в некоторых ситуациях, может быть непродуктивным в других, и только заинтересованные лица могут точно знать, когда к нему следует прибегнуть.

Второе замечание, касающееся участия слушателей в процессе проповеди, – это то, что проповедь должна проходить или развиваться так, чтобы давать людям пищу для размышлений, чувств, решений и действий. Если во время проповеди работает в основном проповедник, а после нее – слушатели, которые «идут и делают», это неправильное разделение труда. В некоторых местах традиция в течение поколений сводит роль слушателей к словам одобрения на выходе: «Мне понравилась ваша проповедь», – или, если она не понравилась, к молчанию в знак отрицательного комментария. Конечно, не все слушатели готовы принять на себя ответственность думать, чувствовать и принимать решения в процессе проповеди, но иногда видимое сопротивление вызвано недостатком практики, навыков или даже доверия. Что это, новая гомилетическая уловка, которую наш пастор где-то откопал? Проповедник, который искренне считает проповедь делом всего собрания, не только будет разрабатывать навыки такого стиля проповеди, но и будет терпелив, пока слушатели не преодолеют многолетнюю привычку молча повиноваться чьим-то выводам. Что касается навыков, здесь может быть полезно последующее обсуждение строения проповеди; терпение же зависит от сознательности самого пастора.

Третье и последнее утверждение о проповеди, порожденное убеждением жизненной важности сопричастности слушателей, – это то, что проповедь должна быть **для** собрания и обращена к нему. Библия – книга, принадлежащая церкви, а не только слушателю, следовательно, провозглашение ее истин – слово церкви, а не только его. Конечно, существует множество ситуаций, когда проповедник противостоит собранию, заставляя его выслушать оценку их веры и обычаев, как сделал Иисус в синагоге Назарета (Лк. 4:16-30). Однако сила проповеди Иисуса в тот день заключается в том, что Он читал и толковал слушателям их собственное Писание. Несколько раз в последующих главах мы обсудим, какое сильное впечатление может произвести внезапное узнавание и как мы можем учиться и расти, услышав то, что уже знаем. Молодые проповедники, которые забираются в глубины Книги Наума, выискивая ранее не использовавшиеся тек-

сты ради эффекта новизны, чтобы привлечь и удержать внимание слушателей («Это точно их проймет!»), забывают о том, какое впечатление может производить давно знакомое. Никто не может построить церковь, каждое воскресенье прыгая с колокольни храма. Мы никоим образом не хотим этим сказать, что надо проповедовать то, что люди хотят *услышать*, но, скорее, утверждаем, что иногда надо проповедовать то, что люди хотят *сказать*. Если проповедник серьезно относится к роли слушателей в проповеди, его проповеди будут отражать мысли всей церкви, и Бога как первого слушателя; ту веру, сомнения, страх, гнев, любовь, радость, благодарность, которые испытываем все мы. Слушатели скажут: «Да, это мое послание; это то, что я хотел бы сказать». Все мы узнаем здесь тактику, которая некогда срабатывала во многих негритянских церквях, но отсутствует в традициях, где проповедники только говорят, не для собрания верующих и не являясь частью его. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Писание. Проповедь выдвигает на первый план Писание как живой голос, звучащий перед собранием. Библейские тексты имеют будущее, так же как и прошлое, и проповедь пытается воплотить в жизнь это будущее, продолжая разговор с текстом в настоящем. Этот континуум между текстом и проповедью необходим по нескольким причинам.

Во-первых, Писание — норматив для жизни церкви. Если проповедь отходит от этой нормы по небрежности или преднамеренно, церковь отсекается от первоисточника питания и дисциплины. Проповеди, не основанные на Писании и не вдохновленные им, вырваны из своей среды, это сироты, не имеющие ни матери, ни отца.

Во-вторых, Писание, оставаясь стражем, хранящим жизнь и веру церкви, помогает уберечься от долгих упражнений самоанализа и самоспасения, не дает сделать проповедь доступной лишь узкому кругу и подавляет настроения жалости к себе или самовосхваления. Спорность проповедей, служащих самим себе, становится видна на основании самих текстов, которые выбираются для подкрепления послания.

И наконец, Писание постоянно напоминает как проповеднику, так и пастве, не только, что проповедовать, но и как это делать. Во множестве самых разнообразных его фрагментов оно выступает против скучных надуманных форм, которые не соответствуют содержанию текста, и подстегивает проповедников и слушателей, настроившихся на монотонность. Как некоторые бабушки думают о лекарствах: «Если оно вкусное, то не поможет», – так иногда некоторые полагают, что если проповедь не скучна, то это не проповедь. Хорошо прочитанный волнующий текст порождает у слушателей надежду, что проповедь не разочарует их.

Однако проповеди, в которой Писание звучит как живой голос церкви, легче пожелать, чем достичь. Проповедь, которая придерживается текста пассивно, тяготеет к цитированию, с надеждой, что текст сам все скажет за себя. Такой некритический подход – безответственность, хотя и искренняя. С другой стороны, только кивать по направлению текста в порыве быть актуальным и непосредственным – не меньшая безответственность. Позже мы обсудим связанные с этим проблемы и методы сохранения правильной дистанции между текстом и настоящим, но сейчас важно принять факт необходимости этой дистанции. Библия – это не только Писание, то есть слово, обращенное к настоящему, Библия – это также древняя книга, которую непросто слушать.

Когда ее тексты были канонизированы и, следовательно, стали авторитетными, истолкование стало неотъемлемой частью проповеди. Например, когда филиппийцы получили послание Павла к филиппийской церкви, оно было прочитано перед собранием. Когда Павел говорит: «Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе» (Флп. 4:2), значение обращения очевидно без комментариев не только этим двум женщинам, но и всему собранию. Однако, когда это послание было канонизировано как часть Писания, его стали читать на христианских собраниях повсюду. Как могут христиане Рима, Бангкока или Литл-Рока понять значение слов: «Умоляю Еводию, умоляю

Синтихию мыслить то же о Господе»? Первая обязанность проповедника – толковать Писание.

Вероятно, сейчас, до того как мы будем обсуждать истолкование и построение проповеди, следует сказать, что нет особого смысла в классификации проповедей на основании их отношения к библейскому тексту. Традиционные категории экзегетических, текстовых, разъяснительных, тематических проповедей имеют значение для преподавания гомиластики, но здесь мы уделим этим различиям минимальное внимание. Однако следует уделять максимум внимания волнующим и часто задаваемым вопросам: должна ли проповедь говорить и делать то, что говорит и делает библейский текст? Этот вопрос устанавливает каноны, согласно которым текст выдвигается в проповеди как живой голос церкви, что гораздо лучше, чем процитировать ряд текстов или повторить ряд слов Библии. Проповедь может похоронить себя под текстом, двигаться от фразы к фразе и никогда не выйти на свет; и такая проповедь будет «небиблейской» в том смысле, что не достигнет результатов, которых достигает текст. С другой стороны, проповедь может скорее блуждать вокруг текста, чем двигаться через него, или останавливаться время от времени, чтобы выхватить из него кусок такой неожиданной, что браться за него будет сложно даже для самого опытного проповедника, и, тем не менее, быть волне «библейской» в том плане, что текст будет оказывать воздействие на слушателей. Тот, кто каждую неделю проводит много часов за изучением, исследованием и продвижением по Писанию, будет знать, звучит ли текст, как живой голос, для собрания.

Дух Святой. Если мы осмелились говорить о проповеди как о представлении живого голоса Писания в церкви, мы обязаны сделать замечания и о Духе Святом. На эту тему можно сказать и слишком много, и слишком мало. Сказать, что Дух – повсюду, слишком мало, потому что «повсюду» – это часто изящный способ сказать «нигде». Однако слишком смело было бы уверять в присутствии Духа так, словно мы обладаем в этом вопросе эффективной технологией, которая создает все условия, гарантирующие пребывание Духа среди нас. Церковь предупреж-

дена против этого рассказом о попытке волхва Симона, который хотел приобрести Духа Святого, чтобы тот помогал ему (Деян. 8:9-13). «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Дух – *Божий*, и не зависит от наших желаний и действий. Дело в том, и это часто вызывает в церкви замешательство, что среди христиан нет согласия, по каким признакам судить о присутствии Духа или Его отсутствии в момент события. Конечно, потом свидетельства любви, надежды, веры, доверия и справедливости могут послужить ясными следами, говорящими: «Да, здесь побывал Дух». Фактически, мы не знаем, где искать в проповеди признаки присутствия Духа, хоть многие и говорят: «Вот здесь» или «Вот там». Во время подготовки, которая часто бывает медленной, трудной и неинтересной? Да, то есть исследователь очень на это надеется. Во время изложения? Да, проповедник на это надеется. А может, в слушателях? Да, на это уповают слушатели. Говорить, это не значит признаваться в недостатке веры, но скорее не осмеливаться слишком далеко уходить по тропе, с которой легко соскользнуть в богохульство. Существуют некоторые области опыта, которые даруются Богом, но никто не может прокомментировать их со знанием дела.

Мы можем утверждать лишь, что мы надеемся на выполнение обещания присутствия Бога в проповеди, как и в поклонении, и в служении. Сила, превратившая ужин в Ем-маусе в таинство (Лк. 24:28-35), может преобразовать наши слова в Слово Божье. С этим убеждением составлялось каждое предложение этой книги. Но мы не будем напоминать об этом читателю на каждой странице, потому что от частого повторения это не станет более истинным. Автор убежден, что читатели этой книги – люди, серьезно относящиеся к делу проповеди, которые верят, что Бог, призвавший их проповедовать, не оставит их одних, вооруженных только собственным красноречием. Все мы знаем, что именно Бог открывает слух и придает живость языку.

Выразив это убеждение, мы считаем важным ясно заявить, что на практическом уровне задача проповеди не может быть разделена на работу Духа и нашу работу. То есть, вера в Духа Святого не позволяет трудиться впоси́лы. Учение о Святом

Духе, освобождающее человека от работы и ответственности,
ложно.

Глава вторая

Проповедь в ее контексте

Чтобы правильно понять проповедь и исполнить ее назначение, надо рассматривать ее в контексте, или даже в нескольких контекстах. Конечно, такое утверждение можно сделать о многих событиях, но в связи с проповедью оно особенно истинно в одном плане. Проповедь – это послание, поэтому она происходит в присутствии конкретной группы слушателей и одного выступающего. Знакомство с аудиторией может внести большой вклад в понимание послания, чем знакомство с выступающим. Однако редко задают вопрос: кто слушал эту проповедь? Почти всегда спрашивают: кто читал эту проповедь? Несмотря на то что рот только один, а ушей – много.

Знание контекста жизненно важно для понимания проповеди, и это объясняется более глубокими причинами. Проповедь – не просто сообщение, но сообщение устное. Да, некоторые проповеди записываются и публикуются в книгах и газетах, или же распространяются иным образом. Многие проповедники сначала пишут проповеди, а потом их произносят, возможно, читают вслух. Однако все это не опровергает факта, что проповедь по своей природе – явление акустическое, основанное на устном сообщении, а не на письменном тексте. Хорошие проповедники, записывающие свои проповеди, старательно трудятся, чтобы добиться разговорного стиля при написании. Что же говорит о контексте проповеди ее устный характер? Проповедь, как устное слово, – общественное достояние, она существует в конкретное время, в конкретном месте, среди группы участников, которые не только находятся под влиянием природы и цели собрания, но и вносят в слушание личные и общественные факторы, тоже составляющие часть их восприятия. Проповедь – явление неповторимое, которое нельзя сохранить. Если случает-

ся так, что затем проповедь публикуется, ее читатели испытают впечатление, совершенно отличное от впечатления слушателей. Некоторые проповедники раздают прихожанам копии текста проповеди. И те, кто читает проповеди после прослушивания, получают впечатление, отличное от тех, кто читает их, не слушая.

Авторы романов и рассказов несут на себе все бремя написанного, так как не знают ни тех, кто прочитает их произведения, ни в каких условиях это будет сделано. Тот же самый роман можно читать во время перерыва на работе, в постели поздно вечером, на парковой скамейке, в библиотеке, в самолете. Но проповедь – устное сообщение, и проповедник ждет, что контекст и слушатели примут на себя часть бремени данного процесса. Нельзя сказать, что все проповедники помнят об этом, когда готовятся; некоторые, очевидно, поспешно принимают на себя все, оформляют проповедь сами и подают ее полностью завершенной и упакованной в надежде, что кто-нибудь из слушателей примет подарок. Мы согласны, что это – самый легкий путь, меньше всего связанный с беспокойством по поводу контекста и готовности аудитории сотрудничать. Но, каков бы ни был метод подготовки и изложения, как бы ни решился проповедник не поддаваться влиянию воскресных утренних перемен и примесей, остается тот факт, что проповедь – лишь собрание параграфов, если не помещена в свой конкретный контекст. Она находится в контексте истории и традиции, влияющих на ее изложение (у всех нас много учителей) и слушание (у всех нас много предшественников). Проповедь находится в контексте пасторства, так как все взаимодействие и отношения служителя с прихожанами сильно влияют на то, что говорится и слушается. Кроме того, большинство проповедей подготавливаются и произносятся в литургическом контексте, они произносятся и выслушиваются на собрании, пришедшем молиться и славить Бога. И наконец, проповедь находится в богословском контексте, она соткана из собственных верований служителя, преподается, как часть длительной богословской беседы с собранием, и слушают ее люди, обладающие собственными ценностями и убеждениями.

ми, отточенными на опыте и в раздумьях, которые смешиваются со словами проповедника, чтобы получилась настоящая проповедь.

Исторический контекст

Может показаться, что мы начинаем с исторического контекста, чтобы отдать долг академизму. В конце концов, немногие проповедники выходят на кафедру, думая об истории проповеди, если вообще так кто-то делает. В особенности это относится к тем, кто закончил семинарию в конце шестидесятых — начале семидесятых, когда гомилетика еле-еле удерживалась в расписании занятий, а история высмеивалась как место, где скрываются от настоящего. Читатель может расслабиться: мы не возвращаемся к прошлому. Истории проповеди, и краткие, и многотомные, найти нетрудно. Мы же хотим вкратце рассмотреть два момента, в которых исторический контекст влияет на чтение и слушание проповеди.

С одной стороны, существует история, которая заключена в личной памяти проповедника и слушателей. В жизни проповедника были люди, которые, оказывая на него влияние, создали у него неформальное, но действенное мнение, как надо проповедовать. Пасторы, которых он помнит с детства, необычайно талантливые заезжие ораторы, которые произвели на него впечатление, служители летних лагерей, проповедники семинарии, преподаватели богословия: некоторые из них или все они приходят на ум, когда кто-нибудь говорит «проповедник». Одного мы вспоминаем со словами: «Если бы только я мог проповедовать, как он!». Другой заставляет нас сказать: «Никогда не буду таким проповедником!». Но и тот, и другой оказали влияние. Это влияние может быть очень слабым: некоторые жесты, тон голоса, поза. Но оно может быть и глубоким, заключающимся не столько в прямом подражании, сколько в мыслях: *А он одобрил бы, как я это подал? К какому выводу пришла бы здесь она?* Все эти важные для нас — люди, живущие или уже умершие,

сидят в своих ложах, и мы надеемся, что им нравится наша проповедь. Неплохо знать об этом самим и говорить об этом с другими. Прихожанам будет интересно и полезно подумать о людях, внесших вклад в разработку подготовки и стиля проповеди. Не надо умалять наших собственных уникальных дарований или стесняться их. С другой стороны, некоторые развивают и подогревают в себе эти дарования. Это служит как для блага дела, так и для смирения.

В той же ситуации находятся и слушатели нашей проповеди. Редко бывает, что слушатель знает только одного проповедника и слушает один только голос с кафедры. Большинство прихожан слушает проповедь, пропуская ее через множество других, с вниманием к тем, кто раньше занимал кафедру. Нельзя сказать, что во время всего служения люди сознательно сравнивают и противопоставляют проповедников. Некоторые, конечно, делают и так, и все их знают; это делали с тех пор, как Иисуса сравнивали с Иоанном Крестителем, а Павла – с Аполлосом. Мы хотим сказать скорее, что проповедь, которую читаем мы, отличается от проповеди, которую слышат они, потому что чтение Писания, молитвы, гимны, фразы проповеди вызывают у них воспоминания о других временах, других случаях, других голосах. Предлагаем вам: иногда встречайтесь с прихожанами и просите каждого из них ответить на вопрос: где вы учились слушать проповеди? Другими словами, где те церкви и кто те проповедники, которые повлияли на то, как вы теперь слушаете проповеди? Вам расскажут множество историй, иногда юмористических, иногда грустных, иногда горьких. Если благодать будет с вами, терпение и понимание возрастут, и в следующее воскресенье в церкви будет один усовершенствованный проповедник и несколько усовершенствованных слушателей.

Прежде всего, проповедник не должен пытаться соревноваться с предшественниками или изобретать способы уничтожить память о других служителях, которых знали и любили его прихожане. Эта защитная, оборонительная реакция предполагает, что память слушателей – негативный фактор, сокращающий эффективность собственного служения. На самом деле

такие воспоминания не только обогащают жизнь собрания в вере, но и помогают вам сделать ваши проповеди лучше, чем проповеди предшественников. Например, служитель проповедует на конкретную тему, которая вызывает в слушателе не только узнавание, но и поток воспоминаний о другой проповеди, которая оказала на него большое влияние в критический момент жизни. Сам того сознательно не понимая, слушатель воспринимает все совершенно иначе, приписывая текущей проповеди качества, которые на самом деле являются положительными отголосками проповеди предыдущей. Конечно, иногда случается и обратное, но кто будет утверждать, что всегда? Когда мы проповедуем, слушатели слышат не проповедь; они слышат много проповедей, и выгода от этого явления куда больше, чем его негативное влияние. Память церкви – это сокровищница, которая обогащает нас всех.

Однако память церкви шире и глубже, чем личные воспоминания ее членов, следовательно, исторический контекст проповеди существует и на другом уровне, помимо обсужденного нами. На всех нас оказывает влияние традиция, и это влияние существует и вне сознательной оценки. Много столетий спустя иудеи собираются на пасху, чтобы помянуть исход, христиане – на таинство евхаристии, – чтобы вспомнить Иисуса, а американцы – на праздник четвертого июля в честь Декларации независимости. Это очень важно, так как память свойственна учреждениям и народам, а не только отдельным личностям.

В этом же плане кафедра обладает памятью, основанной на многовековой традиции. Эта традиция включает в себя и поэтическое высказывание Исайи: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир» (Ис. 52:7), и гневное предупреждение Ионы: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!» (Иона 3:4). Традицию продолжал Иоанн Креститель, который одевался, как предшественники, но говорил о будущем, «проповедуя крещение покаяния для прощения грехов» (Мк. 1:4). И, конечно, Иисус пришел, чтобы проповедовать. Фактически, цитируя из Исайи 61, «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим...», Лука утверждает

ет, что Иисус заявил: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами» (Лк. 4:21). Двенадцать апостолов тоже принадлежат истории кафедры. О них Лука написал: «И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5:42). Павел тоже занимает важное место в этой традиции не столько по свидетельству других, сколько по своим собственным словам: «Ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать» (1 Кор. 1:17). Фактически, Новый Завет свидетельствует о центральном месте проповеди в христианском обществе. Евангелия содержат часть устной традиции проповеди, Деяния насыщены текстами проповедей и их фрагментами, а Послание к евреям – настоящая проповедь в форме, которая процветает по сей день. Традиция продолжается, она включает в себя сочинения Оригена, который своими экзегетическими гомилиями заслужил прозвище «Отца христианской проповеди», и Августина, который объединил христианскую проповедь с греческой риторикой в первом в мире учебнике науки и искусства проповеди.

Нам нет нужды продолжать дальше этот краткий очерк, тема ясна. Кафедра каждой церкви находится в контексте долгой и богатой традиции, и тот, кто выходит на кафедру, не только продолжает эту традицию, но и находится под ее влиянием как части коллективной памяти христианского сообщества. Уже говорилось, что традиция влияет на нас, даже если мы этого не осознаем. Однако есть ясная и несомненная выгода в том, чтобы проповедник научился осознавать и познавать исторический контекст проповеди. Здесь следует упомянуть три положительных последствия.

Во-первых, знание исторического контекста проповеди может ободрить и поддержать проповедника, когда душа его блуждает в безводной пустыне. Такие периоды случаются с каждым проповедником, когда общественной критике кафедры удастся проникнуть в общину и даже в сознание проповедника. Сомнение в своих возможностях подрывает силы и вызывает снижение эффективности. Еженедельная обязанность становится рутиной, логика говорит, что такая незначительная вещь не требу-

ет долгой подготовки, и стереотип подменяет собой проповедника. Где человек может найти поддержку, ободрение и свежие силы, снова убедиться в значимости кафедры, когда она кажется всего лишь словами, словами, словами? Верный источник, без уловок и стимуляций, – традиция проповеди. Надо лишь вспомнить несколько имен из традиции, чтобы вернуться на кафедру с возродившимся рвением и обновленным духом.

Во-вторых, знание истории проповеди помогает человеку выработать способность к конструктивной самокритике. Он с легкостью может выработать удобный шаблон подготовки и стиля проповеди, который не вызовет критических замечаний и не будет давать места альтернативам. Фактически, проповедь может через какое-то время начать идентифицироваться с чьим-то конкретным стилем изложения, какой-то одной формой построения проповеди, даже если эта форма и стиль не будут подходить к каким-то случаям, или даже если этот способ сообщения перестанет быть эффективным. Изучение истории проповеди показывает, что формы, образцы и стили относительны, они зависят от времени, места и аудитории. Благая Весть – это Благая Весть, но в разные эпохи и в условиях разных культур ее свидетели прислушивались к советам риторики, теории общения, литературной критике и талантливым ораторам в любой области. Стиль или метод может изжить самого себя, но отказываться от него нелегко. Смена стиля может быть воспринята как «отказ от проповеди». Некоторые проповедники, изменявшие стиль, признавались, что чувствовали себя изменившими своему профессору гомиластики, давно почившему к тому времени. Любая перемена сложна, особенно если касается важной деятельности, но, если понять, что все методы и формы проповеди с исторической точки зрения относительны, она становится легче. Знание истории освобождает от истории, дает возможность разрабатывать методы, соответствующие Благой Вести, но не возносить их чрезмерно, ибо они – лишь слуги послания.

И в-третьих, как бы подводя итог ранее сказанному, вспомним, что история проповеди может быть богатым источником поиска и развития путей составления проповедей и стилей их

изложения. Мы не обязаны заново придумывать все, что мудрые люди изобрели до нас. Традиция проповеди содержит попытки, которые не случайно потерпели поражение. Некоторые формы сообщения либо не соответствуют природе Благой Вести, либо не предназначены для человеческого слуха. Есть причины, по которым притча может передать суть Благой Вести, а загадка — нет. Другие методы были предложены, но недостаточно разработаны, чтобы заслужить оценку. Например, апострофа редко использовалась и еще реже изучалась в роли эффективного способа провозглашения. И, конечно же, в ткань исторического контекста проповеди вплетены обсуждения и примеры методов, которые никогда не были датированы, потому что в их основании лежат твердые принципы, продолжающие отличать эффективное сообщение. Такого рода мысль Августина о том, что проповедь вызывает к уму, сердцу и воле (*О христианском учении*). Конечно, можно составить проповедь без знания традиции — как человек может собирать красивые камушки, гуляя по алмазным приискам. Может быть, сравнение преувеличено, но истина в нем есть.

Пасторский контекст

За исключением случая со странствующими проповедниками и теми, кто проповедует по радио и телевидению, проповедь существует в пасторском контексте. Фактически, было бы правильнее сказать, что проповедь не только существует в пасторском контексте, но и сама по себе является пасторской деятельностью. С точки зрения проповедника, функции пастора и его отношения с людьми влияют на то, что говорится в проповеди, и на то, как оно выражено. С точки зрения слушателя, влияние пастора на его или ее жизнь глубоко воздействует на то, как он или она слушают проповедь.

В большинстве случаев проповедник является в то же время и пастором. Из-за множества обязанностей и нехватки времени многие служители чувствуют противоречие между одним и дру-

гим и иногда хотят от одной из обязанностей отказаться. Другие чувствуют напряжение не из-за времени, а из-за радикального различия двух этих функций.

Другими словами, противоречат ли друг другу пасторство и проповедь, подрывает ли их сочетание эффективность обоих? Есть люди, убежденные, что один человек не может владеть и обоюдоострым мечом Слова, и пасти стадо. Такое резкое и непримиримое разделение обязанностей не соответствует описанному в Библии. Бог и «возгремит с Сиона» (Ам. 1:2), и «как пастырь будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки» (Ис. 40:11). Иисус проповедовал и покаяние и приближение Царства Божьего (Мк. 1:14-15), Он исполнил пророчество Исайи об Отроке Божьем, Который «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» (Ис. 42:1-3; Мф. 12:17-21). Даже вечно спешащий Павел, единственным занятием которого было благовест-ование (1 Кор. 1:17), обращался к церквям, как отец к детям (1 Кор. 4:4-15), как женщина в родовых схватках (Гал. 4:19), был нежен с ними, как кормилица (1 Фес. 2:7). Ближе к истине будет сказать, что пропасть между проповедью и пасторством возникла на основании преувеличенных представлений и карикатур на то и другое. С одной стороны, проповедник изображался как сухой, авторитарный тип, моралист с сектантскими настроениями и массой агитаторских уловок. С другой стороны, пастора рисовали как псевдопсихолога, разбирающего мельчайшие детали личной жизни прихожан.

Оба эти предложения – в прошедшем времени, потому что проповедь и пасторство теперь находятся в здоровом взаимодействии и взаимном обогащении. Нельзя сказать, что споры закончились. Гомилетика продолжает подпитываться от двух потоков, которые сохраняют напряжение между проповедниками и пасторами. Протестантская традиция, продолжающая преобладать в Европе, хоть и с некоторыми модификациями тут и там, не только ставит проповедь в центр, в положение господства по отношению к другим формам служения, но и возражает против того, чтобы слушатели слишком активно участвовали в проповеди. Собрание – получатель, а не источник проповеди. В

Америке эта традиция сильно изменилась, по меньшей мере, на практике. Американская кафедра ищет разнообразные способы сделать аудиторию более активной в процессе проповеди. Вспомните попытки, процветавшие еще недавно: ящик для вопросов и предложений, с помощью которого слушатели могли выражать свое отношение к теме; малые группы, работающие над проповедью вместе с пастором; обсуждения после проповеди; проповедь в форме диалога; проповеди, основанные на жизненных ситуациях; проповеди в форме пресс-конференции, в которых краткое заявление сопровождалось вопросами и ответами; перестановка, с помощью которой кафедра оказывалась среди людей. Есть много книг и статей, отражающих каждый шаг от высокомерной и далекой кафедры – к креслу проповедника в кругу беседующих.

Вопросов много, они сложны, но в нашем текущем обсуждении важно сделать одно замечание: проповедь проводится в пасторском контексте и в значительной мере находится под его влиянием. Фактически, на каждом этапе, от замысла темы проповеди до ее изложения, функции пастора и его отношения входят в круг забот проповедника. Изучение и подготовка предполагает внимание не только к тексту, но и к словам паствы. Изучение прихожан в контексте их личной, семейной, политической и экономической жизни не заменяет, но дополняет изучение Писания в подготовке послания. Форма и ход развития проповеди отражают попытку применить учение в жизни всех верующих; то есть, слушателям дается возможность принять на себя ответственность за свою веру и поступки. Проповедь, которая развивается подобным образом, построена с уважением к слушателям и является гораздо более пасторской, чем дополнение библейских и доктринальных истин несколькими примерами из жизни. В таком развитии проповеди содержится больше пасторской заботы, чем в тяжеловесных включениях автобиографических анекдотов, обнажающих слабую и непостоянную душу проповедника, даже если в них содержится исповедь. Отождествление между говорящим и слушателями может быть чрезвычайно эффективным в общении, как мы обсудим позже,

но без критической дистанции это может быть эмоционально тяжело для обоих. В этом случае чувство беспомощности увязает и растворяется в трясине жалости.

Когда проповеди являются пасторскими в том плане, в каком описано выше, по содержанию и развитию, то почти гарантировано, что они будут изложены в стиле, соответствующем их природе. Только в случаях истощения сил, личного кризиса или недостаточной подготовки в изложении такой проповеди будут отсутствовать благодать и свобода.

В завершение надо сказать пару слов по поводу критического замечания, что величина и серьезность обязанностей пастора не позволяют тратить столько времени на проповедь каждую неделю. Служитель обязан разумно использовать свое время. Во-первых, следует заметить, что еженедельная подготовка проповеди вовсе не требует больше времени, чем более редкая, потому что постоянное приложение усилий сокращает расход времени и сил на бесполезные движения. Вдобавок, накопление знаний по разным темам проповеди постепенно делает время подготовки все короче. В следующей главе мы обсудим приемы исследования, которые способствуют экономии времени и его качественному использованию.

Мнение, что многочисленность пасторских обязанностей делает еженедельную проповедь напрасной тратой времени, может вызвать три возражения. Во-первых, проповеди — жизненно важная часть работы пастора, которая позволяет и проповеднику, и прихожанам взвесить, подвергнуть богословскому исследованию, усвоить, прояснить и выразить вопросы, которые порождены различными отношениями и деятельностью пастора. В этом плане проповедь ведет к завершению и целостности темы, которые иначе остались бы разобщенными и неясными.

Во-вторых, проповедь — часть общего служения церкви, следовательно, она не может быть оторвана от него, как событие, занимающее определенное количество времени. Пастор действительно не может ответить на вопрос: сколько времени тратится на подготовку проповеди? Неспособность ответить на

него вызвана не отсутствием дисциплины при подготовке, но тем, что все стороны служения взаимосвязаны и переплетены.

И в-третьих, проповедь продолжает жить в общении христиан и вне кафедры. Конечно, было бы трудно оправдать трату стольких часов на подготовку проповеди, если бы, произнесенная за двадцать минут, она исчезала и забывалась. Проповедник не должен предоставлять прихожанам самим продолжать обсуждение. Некоторые послания могут и не достичь цели. Но, если служитель подготовлен как исследователь жизни и Писания, знает свой предмет и верит в его важность, он может разумно включать части этой проповеди в свои встречи, беседы, наставления и другие выполнения пасторских обязанностей. Это можно делать без высокомерия, никого не оскорбляя. Это может быть сделано как акт благодати, как дар с кафедры. Если служителю это не удастся, значит, он плохо распоряжается своим временем и усилиями и уступает популярному мнению, что служитель работает проповедником только несколько минут раз в неделю.

Литургический контекст

Каждого проповедника иногда приглашают проповедовать не только на собрания для поклонения. Проповеди говорятся на выпускном вечере в зале высшей школы или в светском клубе на банкете в честь Дня благодарения, где обеденный зал лишь тонкой занавеской отделяется от ресторана. Приглашающие стараются сделать все, что могут. Веселое пение «Военного гимна республики» или несколько аккордов из «Благословенна вера» на полурасстроенном пианино — вот и все богослужение. Но эти приглашения принимаются с благодарностью. Проповедник готовится к ситуации пустой сцены, зная, что проповедь может быть единственным средством вызвать у слушателей ощущение присутствия Бога. Помимо прочего, потребуется длинное вступление, чтобы создать настроение, воздвигнуть

святилище и подготовить души и умы к принятию Слова. Эта задача сложна и заслуживает максимального применения сил.

Однако за этим исключением, как правило, проповедь происходит в контексте поклонения. Верующие собираются для поклонения; то есть, чтобы словесно, действиями и гимнами выразить общие воспоминания и надежды, прославляя Бога, Который искупает, наделяет дарами и освящает. Они приходят, чтобы получить новое видение, слушать и говорить о том, какими должны быть жизнь и мир, с такой верой в Бога, что говорится об этом в прошедшем времени, словно эти вещи уже случились. В этом месте и в этот момент молитвы и хвалы мы и будем проповедовать.

Литургический контекст очень важен для здоровья проповеди. Вне его проповедь может быть подвергнута различного рода заболеваниям. Некоторые обрушиваются на себя за потакание эмоциям, другие начинают умственные блуждания в поисках новой интересной темы; третьи – просто выкрикивают, наполняя воздух бесконечными глаголами долженствования. Вне поклонения проповеди могут также стать слишком высокомерными и хвастливыми, словно проповедник говорит: «Эти люди пришли послушать и посмотреть на меня». Но полное убеждения и хорошо организованное богослужение обычно ожидает от проповеди большего, и обычно получает это.

Литургический контекст также важен для свободы проповеди. Поклонение упорядоченно; его строение, шаблоны и повторения дают верующему чувство ориентации, ощущение того, что он дома в святилище и в мире. Некоторые священники позднего иудаизма во время службы у жертвенника надевали одеяния, украшенные изображениями солнца, луны и звезд; это означало, что жертвенник – центр вселенной, и в поклонении хаос превращается в космос. Поклонение придает упорядоченность и дает место каждому, кто предстает перед Богом, таким образом удовлетворяя его основную потребность. Древнее имя Бога ясно отражает эту жажду человека и ее удовлетворение. В богослужении нет сюрпризов, новостей и уловок, а проповедь свободна от этого порядка, она нарушает его и дезориентирует,

насколько позволяют условия и Благая Весть. Богослужение и проповедь – близнецы-противоположности, порядок и изменение.

Мы не хотим сказать этим, что богослужение всегда неизменно или что проповедь всегда должна сбивать с толку. Бывает, когда они меняются ролями. Мы имеем в виду, что свобода возможна и в условиях порядка. Когда проповедник решает, что любой порядок грозит свободе и пытается организовать безумно экспериментальную службу, собрание обычно чувствует смятение и неприкаянность, несмотря на пророческое присутствие. Как мы еще заметим, мощное пророческое слово может быть произнесено эффективно в условиях привычной упорядоченности. Если заменять порядок дезориентацией, то проповедь, которая была задумана, как дезориентирующая, теряется в беспорядочности, участники бывают скорее ошеломлены, чем чувствуют вызов. Жертвенник делает проповедь и слушание ее возможными.

После того как мы рассмотрели богослужение как контекст проповеди, остается сказать, что проповедь не просто происходит в контексте поклонения, но и сама является актом поклонения. Многое написано о Слове и Таинствах, связи проповеди и евхаристии, участии зрения, осязания, обоняния, вкуса и слуха в сообщении Благой Вести. Однако, позволим себе добавить, что проповедь связана с двумя другими актами поклонения: чтением Писания и молитвой.

Родственность проповеди с чтением Писания в том, что она основана на библейских текстах, и оба они обращаются *к* верующим со словом извне. Оба обращены к собранию, а не просто выражают хвалу или исповедь саму по себе. То, что проповедь обращена *к* церкви, а не исходит *из* нее, ярко проявляется в тех церквях, где регулярно проводятся службы, которые никто не посещает. Иногда присутствуют только органист, ведущий собрание и проповедник. Если их спросишь, зачем они это делают, если паствы нет, они отвечают прямо: мы призваны свидетельствовать миру о могуществе и благодати Бога. Некоторые практически мыслящие люди могут сказать, что в этом нет

смысла, но в некотором плане это имеет значение. То, что мы проповедуем Слово, безусловно; мы не должны ждать благоприятного отклика, чтобы распространять его. Есть и другие виды деятельности, которые существуют в том же виде и значении, вне зависимости от одобрения или неодобрения или даже нашего присутствия. Ни один дирижер симфонического оркестра не скажет: «Я думаю, здесь уже достаточно людей, чтобы начинать; мы уже ждали двадцать минут». Нет, он повернется к залу спиной, поднимет палочку, и начнется волшебство. Почему? Не потому, что **мы** наконец пришли, но потому, что в восемь часов начинается концерт и они – музыканты. Радостно ждать событий, которые все равно произойдут независимо от того, присутствуем ли мы. Еще большая радость – это слушать, как читают Писание и произносят проповедь с такой свободой и авторитетом, что мы уверены, это произошло бы, даже если бы прихожане не пришли. В конце концов, это свидетели могущества и благодати Бога перед миром.

Согласно Луки 10:1-6, Иисус наставляет семьдесят человек и отправляет их по двое. Иисус наставляет, что послание для тех, кто примет посланников, следующее: «Приблизилось Царствие Божие». Тем, кто отвергнет послание, тоже надо передать: «Приблизилось Царствие Божие». Послание то же, независимо от реакции; не надо проверять, какое настроение в аудитории, чтобы решить, что говорить. Слово, которое мы провозглашаем, не нуждается в проверке, оно истинно. Пусть это звучит негибко, но сердца и умы стремятся к слову, которое дано свыше. Многие устали от эгоцентризма, устали от потребления добреньких проповедей. Они хотят не искать, но быть найденными, не узнавать, но быть познанными.

Итак, мы увидели, что проповедь подобна чтению Писания в том смысле, что оба они несут собранию Слово извне. Теперь давайте рассмотрим, чем проповедь, с другой стороны, родственна молитвам собрания – она говорит с Богом от имени людей. Мы уже несколько раз заметили, что проповедь не только обращена **к** людям, но и **для** них. Это требует дальнейшего рассмотрения. Проповедь подобна молитве не только в том, что ее

слушателем является Бог, но и в том, что послание принадлежит церкви; оно не приходит в город с пастором, но уже пребывает там. Иногда оно не произносится до проповеди, иногда запутано и не ясно, но оно присутствует, так как присутствует Библия, присутствует вера, нужда, надежда и чувство миссии в мире.

Когда пастор становится среди прихожан, чтобы проповедовать, те, кто говорит: «Молись за нас; мы не знаем, как нужно молиться», – могут сказать также: «Проповедуй за нас; мы не знаем, как нужно говорить». И, когда пастор делает это, люди про себя говорят: «Да, это именно то; это наше послание; это наша вера». Во многих негритянских церквях этот ответ будет дан не только про себя, но и вслух. Если проповедник озвучивает послание, принадлежащее прихожанам, – это лучший путь к высшему уровню участия в проповеди, которое отличает ряд негритянских церквей. Такие собрания способны признать свою проповедь гораздо лучше, чем другие, находящиеся в полной собственности служителя, перед которым собрание тихо сидит и смотрит, что им приготовили сегодня.

Когда мы говорим, что в негритянских церквях прихожане признают проповедь как свою, мы имеем в виду, что они с ней знакомы. Здесь для многих существует одна проблема. Среди проповедников распространено заблуждение, что знакомое – неинтересно, бессильно и лишено пыла пророчества. Так как они в это верят, то некоторые очень хорошие проповеди не читаются вторично, а если это и происходит, проповедник чувствует себя виноватым и считает, что все гомилеты в семинариях всего мира единодушно его не одобряют. Очевидно, считается, что интерес и эффективность проповеди зависят от ее новизны, от умения проповедника подать собранию нечто новенькое. Но действительно ли это так? Давайте рассмотрим обратную ситуацию, которая выдумана, но весьма знакома нам. Служителя пригласили проповедовать на ряде служб маленькой церкви соседнего городка. Каждый вечер он проезжает 50 км и читает несколько проповедей, которые раньше были хорошо приняты в его родном городе. На третий вечер, как раз перед проповедью, в маленькое святилище входят девять преданных прихожан из

его паствы, приехавшие, чтобы послушать и поддержать своего пастора. Увидев их, проповедник немедленно понимает, что эти девять человек слышали проповедь, не прошло и трех месяцев. Он начинает волноваться и следующие пять минут старается лишь видоизменить проповедь так, чтобы ее не узнали. Легко запоминающаяся история вычеркнута, введение и заключение переписаны, ход изменен. Нет необходимости говорить, что служитель от этого нервничает, приглашающие приходят к выводу, что это самая слабая проповедь из серии, а девять прихожан приходят к выводу, что дома их пастор проповедует значительно лучше. Все это – последствия болезненного самолюбия проповедника, возможно, услышанного им когда-то совета никогда не повторять ту же проповедь и ложного представления о том, что узнанное послание – не послание вовсе.

Давайте еще поразмышляем на эту тему, но не для того, чтобы оправдать повторение старых проповедей и поощрять лень при подготовке. Ленивым и недисциплинированным разрешения на небрежность не нужно; они уже нашли лазейки и бесчисленное количество способов избежать исследований, маскируя это видимостью, которую некоторые прихожане благословляют как «пасторское рвение». Конечно, проповедники тратят всю жизнь на подготовку и исследования. Конечно, некоторые проповеди не надо повторять во второй раз, но обычно по той простой причине, что их и в первый раз-то не надо было читать. Мы говорим здесь о действенности узнавания, которое позволяет ощутить то, что вы уже знаете, это также процесс роста на основании того, что мы уже знаем. Очень вероятно, что те девять собственных прихожан пастора получили бы из этой проповеди (так как слышали ее раньше) больше, чем кто-либо еще. Все мы знаем, что те, кто готовился к уроку, больше получают от лекции. И какой проповедник не замечал, что дети становятся внимательнее, когда он рассказывает библейскую историю, которую они слышали утром в воскресной школе. Теперь они внимательны, как люди, которые знают то, что говорится, и признают его своим; проповедь принадлежит теперь не только проповеднику. Собрание узнает себя, свою боль и радость, грехи и их прощ-

ние, страхи и надежды в молитве пастора за людей. Почему бы ему не узнать свою веру в проповеди?

Проповедник может много узнать об узнавании, посетив музыкальный магазин. Молодые люди приходят, несколько раз слушают кассету и потом покупают ее. Зачем покупать песни, которые уже слышал? Или можно сходить на концерт и обратить внимание, что самое громкое одобрение вызывает самая знакомая всем музыка. Если музыканту можно делать заявки, никто не просит спеть песню, которую не слышал до этого десяти раз.

Но, опять же: не будет ли это просто потаканием прихотям людей, утешением и ностальгическим воспоминанием без пророческой нотки? Хотя бы частично ответить на это может рассказ Луки о проповеди Иисуса в Его родной синагоге (Лк. 4:16-30). Его проповедь в тот день обладала таким пророческим накалом и вызвала такой гнев, что люди даже покушались на жизнь Иисуса. Что Он сделал, чтобы вызвать такое негодование? Ничего нового или необычного. Иисус был в Своем родном городе, среди родных и знакомых. Была суббота, Иисус регулярно ходил на молитвенные собрания. В Его участии не было ничего необычного. Он прочел Исаяи 61, очень известный всем отрывок. Он рассказал две истории, обе известные и любимые: одну – об Илие и вдове из Сидона, вторую – о Елисее и прокаженном из Сирии. Разве могло быть что-то более знакомое им? Любой в синагоге мог бы рассказать эти истории. В том-то и дело; их упрекали в их предрассудках против язычников их собственная традиция, их собственное Писание, их собственный родственный и сосед. Если бы слова Иисуса были новыми, странными, взятыми из другого источника, люди легко отмахнулись бы от них и от Него заодно. Но они были давно известны, знакомы, поэтому проповедника можно было изгнать, даже распять, но слова оставались, неуязвимые и истинные, в их сердцах и на устах. Иисус прочитал им их собственную проповедь.

Проповедь на службе поклонения во многом подобна молитве, которая выражает то, во что люди верят и что чувствуют. И

она может быть волнующей, если люди наконец услышат то, о чем слушают часто.

Богословский контекст

Мы рассмотрели исторический, пасторский и литургический контексты проповеди и увидели, что она не отделима от этих контекстов, как яйцо от гнезда. Напротив, проповедь взаимосвязана с этими контекстами. Она не только является частью традиции, но и актом пасторства, *нѐ* только входит в богослужение, но и сама является богослужением. Теперь мы увидим, что проповедь не только происходит в богословском контексте, но и сама является актом богословия.

Проповедь провозглашает событие и сама в нем участвует, рассказывает об откровении и является его частью, не только добросовестно несет его слушателям, но и передает живым голосом для тех, кто собрался здесь и сейчас. Таким образом, проповедник – богослов. Не все считают это утверждение истинным. Не только миряне, но и священнослужители протестуют против такого подхода. И существует много причин для этого. Для некоторых богословие – слово, несущее в себе отрицательное значение, это некая смутная, абстрактная, устаревшая, безжизненная, неактуальная и придуманная людьми часть религии. Богословие часто противопоставляется откровению и Писанию, как некая дымовая завеса, скрывающая погрешности, софистическое укрытие для тех, чья вера находится под сомнением. Есть служители, неуважительно отзывающиеся о богословии, чтобы повысить свою популярность за счет нападок на интеллектуализм, или потому, что в семинарии на уроках богословия их учили не мыслить богословски, а различать развитие терминов в четвертом веке.

Несомненно, неумение ясно представлять себе взаимоотношения богословия с проповедью может оказаться вредным для кафедры. Богословие может возобладать над языком проповеди, заменив образность, яркую и конкретную речь, вызываю-

щую звуковые и зрительные, осязательные и обонятельные ассоциации абстрактными, концептуальными терминами, свойственными богословскому рассуждению. Непосредственность проповеди, которая отражает жизнь, уступает рассуждениям о жизни. Богословская система может быть нереальной, может даже Писание заставлять подчиниться своим формулировкам, при этом утратив богатство, разнообразие и непосредственность многих библейских текстов. Богословские построения, подобно институтам, имеют тенденцию забывать о своем вспомогательном характере, о том, что их задача – размышление над тем, что сделал Бог, а не создание системы, внутри которой Бог должен функционировать. Но богословие – такая интересная область, его вопросы так нужны для полноценной и свободной жизни, его предмет имеет такую необыкновенную важность, что проповедник может быть очарован им, а не только бояться. Поэтому проповеднику нужно разбираться в вопросе взаимосвязей богословия и проповеди.

Существует два основных способа отношения к данному вопросу: один выражен фразой «богословие и проповедь», другой – фразой «богословие проповеди». Последнее станет темой следующей главы. Богословию проповеди будет уделено много внимания, потому что для эффективной проповеднической деятельности в течение долгого времени надо понимать природу проповеди, ее значение, ее роль в искуплении и выполнении работы Бога в мире. Что такое проповедь и какова ее роль в выполнении замыслов Бога? Эти вопросы должны стоять перед тем, кто проповедует. Кафедра не может держаться только на традиции, какой богатой и священной бы она ни была, или на личных предпочтениях: «Мне нравится проповедовать». Богословие проповеди поддерживает и питает кафедру с постоянством, не зависящим от взлетов и падений чувств стоящего на кафедре, а также улыбок и гримас тех, кто сидит перед ней.

Следовательно, здесь, говоря о богословском контексте проповеди, мы рассмотрим утверждение «богословие и проповедь». Связь богословия и проповеди можно формулировать в двух предложениях. Во-первых, богословие и проповедь сосущест-

вуют, взаимно обогащая друг друга. С одной стороны, богословие — это тщательное размышление по поводу проповеди к церкви. Богословие предоставляет орудия, методы и категории, с помощью которых церковь может оставаться самокритичной, прислушиваться к собственному голосу и оценивать то, что слышит. Только так она может оставаться здоровой; иначе кафедра будет идти на поводу у толпы, поощрять лжепророков, будет боязливо хранить молчание или нежиться в теплых лучах общего одобрения. Свет Писания, жизнь и служение Иисуса Христа, проповеди апостолов, вера церкви в течение веков — все это материал для богословских размышлений о вере на кафедре. Проповедь — выступление, для нее нужны определенные навыки, поэтому богословие должно всегда иметься в виду и заботиться об истине, в которой должны жить и проповедник, и слушатели. С другой стороны, проповедь — это исполнение богословия, причина его существования. Богословие процветает в провозглашении церкви миру. Без этой цели внимание богословия к посланию было бы бессмысленным и бесплодным и, скорее всего, прекратилось бы.

Второе утверждение о связи богословия с проповедью может быть выражено количественно: богословие побуждает проповедь рассматривать важные вопросы и избегать тривиальностей. Проповеди очень легко сбиваются с верного пути, не в изложении истины, а в выборе действительно значимых тем. Готовя проповедь, проповедник должен был бы написать сверху страницы: «И что из этого?», тогда многие небольшие рекламные беседы или остроумные игры со словами, про «солонки и электролампочки», спокойно попали бы в мусорную корзину. Богословие требует от нас выносить на кафедру более глобальные темы: сотворение, зло, благодать, завет, прощение, суд, страдание, забота Бога о земле и всем Его творении; справедливость, любовь и примирение мира с Богом. Богословие заставляет нас спрашивать о проповеди: какое видение этого должно предстать перед нами? Существуют ли слова, дела и отношения, с помощью которых мы можем приблизиться к нему? Как отнесется Бог к нашей неспособности достичь этого? Проповедь, рассмат-

ривающая очень важный вопрос, практически не может быть неинтересна слушателям и не повлиять на них. Малые же темы – как мелкие монетки; пусть они отполированы и сверкают, но все равно остаются мелочью.

Третье и последнее утверждение о богословии и проповеди связано с языком. Богословие работает с понятиями, для которых разрабатываются определения, в то время как проповедь использует более ясный и конкретный язык, слова, которые вызывают в сознании образы, термины, подстегивающие воображение. Однако проповедник может быть безответственным в выборе слов, увлечься новым, интересным, поразительным, используя язык, который ошеломляет и звучит, но не несет большой смысловой нагрузки. Подобные искушения особенно сильно действуют на тех, кто считает себя хорошо владеющим словом. Мы говорим об этом не для того, чтобы благословить бедную и неуклюжую речь. Напротив, умение владеть языком – очень желательная способность, но мы должны помнить, что именно способные, а не неспособные больше всего подвергаются искушениям гордости и самомнения. Богословие помогает нам возвращаться в составлении проповеди к языку понятий не потому, что понятия более пригодны для кафедры, но потому, что в рамках богословских концепций наши слова приобретают здравый смысл и силу.

Проповедь не только происходит в богословском контексте, но и сама является актом богословия. Но что это значит: проповедь – акт богословия? Чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть не просто отношения между богословием и проповедью, надо рассмотреть богословие проповеди. К этой теме мы и обратимся сейчас.

Глава третья

Богословие проповеди

Мы призываем читателя уделять внимание богословию проповеди. Важно правильно понять это: мы не призываем проповедовать богословие. Богословская проповедь может быть представлена как сочетание нескольких небольших фрагментов учения, подкрепленных или не подкрепленных библейскими текстами. Если и есть какая польза в таком упражнении, то это не богословие проповеди, потому что не проясняет и не исследует, что делает проповедник и каким образом проповедь связана с откровением. Мы совершим серьезную ошибку, если будем считать, что сам вес авторитетных библейских текстов, преданность постоянной аудитории и вдохновение достаточны для поддержания кафедры, и проповеднику не обязательно рассматривать вопрос «что это мы делаем?». В центре подобного служения образуется пустота, которая будет отзываться эхом в душе проповедника, и эхо это не останется незамеченным церковью. Мы призываем вас бороться за выяснение этого вопроса, пока вы не получите благословение достаточной ясности и не поймете причину и побуждающий мотив своего проповеднического служения.

В этой главе мы рассмотрим проповедь как представление слушателям откровения Божьего. Здесь откровение предстает не как содержание, хотя содержание оно, понятно, имеет, но как образ действия. Если проповедь некоторым образом является продолжением божественного откровения в настоящем, значит то, что мы делаем и как мы это делаем, должно гармонировать с нашим представлением об откровении. Пусть это звучит тщеславно, но можно сказать, что мы учимся своим методам передачи сообщения от Бога. Другими словами, на основании действия, которое мы называем откровением, мы понимаем и приме-

нием действие, которое называем проповедью. То есть путь Слова Божьего в мир – это путь проповеди в мир. Далее мы обсудим это понимание и предпримем попытки охарактеризовать его, соединяя откровение и проповедь. Чтобы было легче, мы разделили обсуждение на три этапа: проповедь исходит из молчания, шепот откровения и провозглашение на кровлях.

Исходит из молчания

То, как мы воспринимаем слово в мире звука, в значительной степени зависит от того, произнесено оно после длительного молчания или среди множества других слов. Всем нам случалось слышать звуки, нарушающие тишину: тиканье часов в больничной палате, звон коровьего колокольчика в тумане, стук по гвоздю, забиваемому в крышку гроба, «привет» в тишине парка, крик козодоя у палатки, плач младенца в три часа утра. Когда в доме запирают на ночь двери и приглушенный свет остается только в прихожей, когда все почистили зубы, надели пижамы и ребенок укрыт одеялом, именно тут все и начинается. Многие наши воспоминания связаны с тишиной не меньше, чем со звуком. «Была рождественская ночь, и в доме замерло все»; «Однажды в полночь, когда я размышлял, слабый и усталый»; «Тихая ночь, дивная ночь, дремлет все».

Действительно, некоторые люди, производящие на нас громадное впечатление, словно несут в себе тишину, окружающую их слова и дела. Молчание, которое они хранят, – это не попытка казаться загадочным, это отличительная особенность характера, часть их натуры. Как будто бы они осознали, что человеческая жизнь движется от молчания к молчанию, и нет необходимости наполнять словами каждую минуту затем, чтобы отсрочить тишину. Эти люди умеют уютно молчать, а когда говорят, их слова ясны и определены, они скорее создают свой собственный контекст, чем зависят от обстоятельств.

Давайте здесь сделаем паузу и напомним себе, что молчание неоднозначно и не всегда хорошо. На самом деле, бывает нега-

тивное и болезненное молчание, вызванное страхом, трусостью, апатией, чувством вины, одиночеством, смертью. Истинную тишину невозможно создать искусственно. Любой, кто пытался сказать: «Тсс-с!» в библиотеке, знает, какими шумными могут быть попытки установить тишину. Конечно, мы стараемся: делаем драматические паузы в проповедях, используем органную музыку для успокоения болтающих прихожан и призываем к минуте молчания в память о погибших гладиаторах перед игрой. Но перерыв между шумом – это не та тишина, о которой мы говорим.

Мы здесь имеем в виду тишину как изначальную реальность. Все мы свободно и с удовольствием говорим о Слове Божьем, но мы знаем и о молчании Бога, хоть и не говорим о нем. Молчание Бога – это не только отсутствие ответа на молитву или тревожный вопрос: «Почему?» Молчание Бога – неотъемлемая часть Его откровения. Бог не все время говорит.

Древние иудейские и христианские авторы с уважением и трепетом относились к тишине как первичной реальности. Раввины, комментируя Бытие 1:3: «И сказал Бог», задавали вопрос: что было до того, как Бог сказал это? И отвечали: молчание Бога. Подобным образом, пришествие Слова или Мудрости в мир происходило в тишине, согласно тексту, вдохновившему на написание «Это было в ясную полночь»: «...когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от царственных престолов на середину погибельной земли всемогущее слово Твое...» (Книга Премудрости Соломона 18:14-15). И в конце мир снова обратится в молчание. «А после этих лет умрет Сын Мой Христос и все люди, имеющие дыхание. И обратятся люди в древнее молчание на семь дней, подобно тому, как было прежде, так что не останется никого. После же семи дней восстанет век усыпленный, и умрет поврежденный» (3 Езд. 7:29-31). «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчасу» (Отк. 8:1).

Но мало кто из христианских авторов размышлял о тишине как основополагающей реальности так прекрасно и глубоко, как Игнатий Богоносец. Он писал о трех мистериях веры: девствен-

ности Марии, рождении Иисуса и кресте, как о совершившихся «в безмолвии Божиим» (Игнатий Богоносец, «Послание к ефесянам», 19:2). И снова: «Един есть Бог, явивший Себя через Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть слово Его вечное, происшедшее из молчания» (Игнатий Богоносец, «Магнезийцам», 8:2). Эти два качества, молчание и слово, проявились в жизни церкви в лице епископа. Потому что епископ от Бога, говорит Игнатий, иногда он говорит, а иногда – молчит. И то, и другое обладает властью (Игнатий Богоносец, «Послание к ефесянам», 6:1).

Слово, исходящее из молчания, – какое превосходное описание не только Иисуса Христа, но и проповеди! Тишина обладает не меньшей авторитетностью, чем слова епископа – какое прекрасное описание не только епископа, но и проповедника! Бог, нарушающий молчание, чтобы дать Слово, – какое верное описание не только откровения, но и проповеди, слова, которое рассматривается через прозрачное стекло молчания, вокруг которого сидят люди, ждут и спрашивают: «Есть ли здесь слово от Господа?» Сама характеристика проповеди как нарушения молчания должна дать проповеднику новое отношение к словам. Слова, которые используются в проповеди, должны быть тщательно отобраны. Существительные, которые не выстраиваются стройными рядами, а пытаются соскользнуть в уголок рта, не надо употреблять. То же относится и к глаголам, которые нагромождаются вокруг, подобно прилагательным, и не передают суть предложения. Если проповедник думает о проповеди, как о нарушении молчания, он будет знать, что делать с каждым предложением, будет ли оно кратким, встревоженным и беспокойным, заставляющим вскакивать, высказываться и садиться, или длинным, текучим, вдумчивым и исследовательским. Не будет у него и проблем с акцентами, подчеркиваниями и выделениями. Чрезмерная громкость, преувеличенные жесты, бесполезные нагромождения слов – отчаянные попытки тех, кто исходит в строении речи не из тишины, но из шума, берет слова из скопления слов.

Проповедник не может в одно воскресное утро прийти к решению чувствовать себя как дома в равной степени в тишине и нарушая тишину. Вопрос здесь в том, убежден ли человек в том, что призвание проповедника – это призвание говорить при каждой возможности, или же просто уступает давлению каждого церковного собрания: «О, я вижу, что пришел преподобный Браун; я уверен, что каждый захочет услышать несколько слов от нашего пастора». Некоторые, конечно, неуютно чувствуют себя в молчании и не видят в нем никакой силы. Возможно, проповеди были лучше в те времена, когда они были напряженной работой в тишине, чем в обществе, где все беспрерывно говорят со всеми.

Но проповедник может восстановить молчание, которое несет внутри себя, и произносить Слово, порожденное этой внутренней тишиной. Для этого нужно понимать, что жизнь служителя не состоит из массы произносимых слов. Но больше всего это требует объединения тишины и откровения в понимании человеком Бога и развития способа проповеди, который будет соответствовать этому пониманию и гармонизировать с ним.

Шепот откровения

Тишина, окружающая деятельность Бога и Его намерения, была нарушена, но не шумом наших суждений, а божественным откровением. Откровение не просто говорит о благодати, но и является актом благодати. Основное стремление человека – в Евангелии от Иоанна оно сравнивается с голодом и жаждой – узнать Бога, ибо в познании Бога заключена жизнь вечная (Ин. 17:3). «Покажи нам Отца, и довольно для нас» (Ин. 14:8) – это просьба не только Филиппа, но и всех нас. И просьба эта не осталась без ответа. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1:18).

Но откровение Бога о Себе было очевидно не для всех. Насколько мы знаем, Бог не написал пальцем на облаках: «Я люблю вас». Даже если бы Бог заставил слова «Я люблю вас» раска-

том грома прокатиться по всей земле с запада на восток, некоторые из нас не услышали бы Его. Как же Бог нарушил молчание? Не криком, но шепотом; то есть так, что услышали не все. То, что Бог открыл нам, понятно сказано в Писании. Павел ясно об этом пишет: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Лука выражает это поэтически: «Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши» (Деян. 14:17). И, конечно, об этом поет автор псалма: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание» (Пс. 18:2-3). И, если бы творение все состояло из нарциссов и кизила, закатов и яхт, ручьев с форелью и деревянных мостков, пшеничных колосьев, стоящих, как часовые, над спящими тыквами, и снежных хлопьев, все бы согласились: только глупец может сказать, что Бога нет. Однако творение включает в себя также грязь, потопаы, штормы, землетрясения и смерчи, не говоря уже о комарах и ползучих тварях. Когда мы говорим о «воле Божьей», обычно имеем в виду тех, кто пережил тяжелую потерю. Творение – откровение Бога, но откровение это неоднозначно.

Мы считаем, что Писание содержит откровение Бога. «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках» (Евр. 1:1). Мы читаем проповеди Исайи, Иеремии и Амоса, и все кажется совершенно ясно. Почему Израиль не прислушался к ним и не поверил? Потому что мы читаем пророчества, истинность которых доказана временем, в то время как Израиль слушал их одновременно с пророчествами множества других, ложных пророков, имена которых сейчас забыты. Но, когда на каждом углу пророки кричат: «Сюда, сюда!», кто мог бы отличить Слово Божье? Слово Божье – то, что гласит о процветании или о гибели Израиля? О Иерусалиме или о пустыне? Конечно, они слушали истинное Слово, но его не передавали из единственного громкоговорителя. Некоторые могут возразить, что истина могла быть отделена от лжи на основании чудес, ко-

торыми сопровождалась. Иногда так и было, но иногда чудес не было, только слово, или же чудеса не убеждали. Некоторое время египетские чародеи отвечали чудом на каждое чудо Моисея. Когда Иисуса обвинили, что он изгоняет бесов силою Вельзевула, Он спросил критиковавших Его: «Сыновья ваши чьею силою изгоняют их?» (Лк. 11:19). Фактически, Иисус сказал, что наступит день суда, когда некоторые будут осуждены несмотря на то, что пророчествовали, изгоняли бесов и совершали чудеса (Мф. 7:21-23). Другими словами, чудеса не гарантируют того, что совершающий их – от Бога, и, конечно, они не могут превратить шепот откровения в уверенный крик.

В Иисусе Бог явил Себя, пишет евангелист Иоанн (Ин. 1:18). Можно подумать, что фрагментарные, произносимые шепотом утверждения, полуприкрытые образы уступят место ясному и недвусмысленному слову и видению Бога. Но шепот продолжается, ибо откровение Бога в Иисусе происходит где-то между матовым и прозрачным. Иисус – это откровение Бога в той же мере, что и Его сокрытие. Иисус был галилеянин, из Назарета, из семьи плотника, друг мытарей и грешников, часто вступавший в конфликт с руководителями и учреждениями веры Его общества. Он учил прежде всего с помощью притч, литературного жанра, значение которого не очевидно, и слушателям приходится прилагать много усилий, чтобы понять. Многие не понимали, в том числе и непосредственные ученики. По словам Марка, ученики Иисуса не понимали Его служения, особенно когда Он говорил о Своей смерти. В конце один отрекся от Него, другой – предал, и все они покинули Его и бежали. Иисус был распят как политический преступник. Римский солдат признал его Сыном Божьим, и галилейские женщины убрали его тело. На третий день многие последователи видели Его воскресшим. Согласно Евангелиям и Павлу (1 Кор. 15:1-8), Иисус являлся женщинам и мужчинам, наедине и группам, всего Его видело около пятисот человек. Но неверующие в Иерусалиме и вне его не видели воскресшего Христа. Фактически, согласно Деяниям, апостолы проповедовали, что жизнь Иисуса всем изве-

стна и смерть Его всем известна, но, что касается воскресения, тому **«мы свидетели»** (Деян. 3:15; 5:32).

Конечно, этого краткого наброска достаточно, чтобы напомнить нам, что голос Божий, прозвучавший в Иисусе, был не криком, очевидным и убедительным до такой степени, чтобы даже незаинтересованные и случайные люди, проходящие мимо, могли бы быть обращены в веру из-за неопровержимости свидетельств. Бог в Иисусе был «под покровом плоти». Согласно Матфею, когда Симон Петр признал Иисуса Христом, Сыном Божиим, Иисус сказал, что вывод Петра сделан не на основании наблюдений: «Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16:17). Позже Павел говорил, что Иисуса могли признать Господом только с помощью Духа Святого (1 Кор. 12:3). То есть вера не была конечным результатом очевидности. Многие чувствовали, и продолжают чувствовать по сей день, Бога в словах, делах и присутствии Христа, но не потому, что Бог сделал веру неизбежным выводом из божественных проявлений. Тот, кто, глядя на распятого Иисуса, сказал: «Сын Божий», – поверил не потому что, а несмотря на. Верующий рискнул, решил сказать «да» среди многих «нет». Верующий наклонился, услышал шепот и поверил, что это голос Божий.

Некоторые считают, что в Евангелии от Иоанна шепот Вифлеема преобразился в иерусалимский клич, когда качества Иисуса, бывшего «от Бога, в Боге, с Богом, подобным Богу», возносятся от низшего к высшему, расширяются до столиц. Таким образом, говорят они, удаляется покров и откровение Божье публично объявлено. Можно сделать такой вывод, если учесть пролог, объявляющий Иисуса воплощением вечного Слова; титулы, которые даются Иисусу; семь знамений, которые Он исполняет; и слова Иисуса, в которых Он говорит, что пришел от Бога и к Богу вернется. Но надо иметь в виду, что существует разница между тем, во что верит и провозглашает писатель для читателя, и тем, что видели и слышали люди вокруг Иисуса. Вкратце можно сказать, что, как только вера слышит и воспринимает шепот, уверенность веры громко кричит об услышан-

ном. Однако тот, кто еще не поверил, должен продолжать слушать, распознавать и выбирать между потому что и несмотря на. Автор говорит читателю: «Мы видели славу

Его» (Мф. 1:14), но современники Иисуса не могли прочесть это вступление до того, как слушали Иисуса и смотрели на Него. Мы верим, что видели Его славу, но это наша вера сделала для нас ясным то, что не ясно другим. Мы говорим, что Он от Бога, а некоторые говорят, что из Назарета; мы говорим, что Он исполнил знамение о Мессии в Кане, а слуга рассказывал, что это было лучшее вино на празднике; мы говорим, что Он сравнивал Свое тело с разрушенным и восстановленным храмом, а Его критик заявил, что на строительство храма ушло сорок шесть лет; мы говорим, что Иисус дает рождение свыше, а Никодим отвечал, что он уже стар; мы называем Его живой водой, а женщина сказала, что колодец глубок и у Иисуса нет ведра; мы говорим, что Иисус был прежде Авраама, а они видели, что Ему еще не было и пятидесяти; мы говорим, что Иисус умер как Агнец Божий, а они считают лишним, чтобы человек умирал за народ.

Для проповедника очень важно не проявлять нетерпимости, не критиковать и не презирать героев евангелий, которые не видели и не слышали того, что видим и слышим мы. Глаза и уши веры – это не обычные глаза и уши. Не надо высмеивать других и льстить себе, надо помнить, что плоть и кровь не позволяла открыть Бога в Иисусе. Мы верим не потому, что лучше распознаем свидетельства, умнее и лучше делаем выводы. Подумайте, например, о тех верующих, которые составляли церкви Павла. Они услышали послание о распятом Христе, которое принес проповедник, провозглашающий жизнь под знаком креста, «всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса» (2 Кор. 4:10), «мы как сор для мира» (1 Кор. 4:13). Вряд ли это послание и догматы могли убедить тех, кто совершенно иначе представлял себе жизнь в Боге. Павел знал, что его проповедь Христа как мудрости и силы Бога будет глупостью и слабостью и препятствием для многих, но он отказался от превращения шепота в крик с помощью применения остроумия или сопровождения

Благой Вести завлекательными чудесами. Он удовлетворился пониманием того, что вопросы Духа сокрыты от тех, кто думает только мирскими стандартами (1 Кор. 1:18 – 2:13).

Эти замечания об откровении как шепоте полностью соответствуют природе веры. Уверенность и твердость верующих не предшествуют вере как ее причины, они не говорят: «Когда мы будем полностью уверены, мы поверим». Блаженство уверенности и сопровождающая его свобода – плоды, а не предпосылки веры. Мы, конечно, можем желать большего и, возможно, иногда просим о знамениях. Гедеон – не единственный, кто расстилает шерсть на гумне. Нужна отвага, чтобы свидетельствовать об ответе на молитву, когда даже самый близкий друг говорит о совпадении или везении. Почему Бог не отвечает на молитвы на широком экране в цвете, помогая нам? Очень немногие служители могут искренне утверждать, что их призвание прозвучало настолько громко, что было слышно всей семье.

Простая, хоть часто и болезненная истина состоит в том, что шепот слышен не всем. Судя по тому, что рассказывается в Деяниях о призвании Павла быть апостолом для язычников (Деян 9; 22; 26), он видел воскресшего Христа, когда находился в компании попутчиков. Им показалось, что они видят свет, но не Иисуса, слышат звук, но не послание. А жаль; Павел мог бы использовать их как свидетелей, когда заявлял, что он апостол, на основании этого опыта. Когда Бог ответил на молитву Иисуса в Иоанна 12:27-29, «народ, стоявший и слышавший [то], говорил: это гром». Причины, по которым одни слышат, а другие нет, разнообразны, глубоки и некоторым образом таинственны, выше нашего понимания. Согласно Иоанна 7:17, основной фактор – это наша готовность повиноваться: кто не хочет, тот не может. В описании Раба Божьего в Исаяи 50:4-6, подготовка к тому, чтобы говорить, предполагает страдания, среди них: Бог открывает пророку ухо. Имеется в виду, что легче, спокойнее, менее болезненно ничего не слышать. Чтобы слышать, нужны определенные черты характера. Те, кто предпочитает быть маленьким, незначительным, низким и эгоистичным, неспособны уловить великие слова истины, петь песни Сиона, видеть мир в мире пе-

ред Богом. Чтобы слышать шепот откровения, человек должен иметь способность узнавать голос Бога, утраченную в райском саду.

Настало, однако, время спросить: какое это имеет отношение к проповеди? К этому мы обратимся сейчас.

Провозглашение на кровлях

Говоря, что Слово Божье произносится шепотом, мы не просто берем сравнение из искусства, которое характеризуется желанием одновременно и раскрыть, и сохранить секрет. Не хотим мы и сказать, что природа откровения такова, что проповедники должны рассказывать о нем неуверенным и двусмысленным тоном. Совсем наоборот, слушать шепот вовсе не значит проповедовать шепотом. Слово Божье *для слуха* звучит как шепот, но *на устах* оно становится криком. Проповедовать шепотом значит подвергнуться влиянию вредного, еретического уравнивания: не все слышат = не все могут слышать = не все должны слышать. Так Благая Весть превращается в тайну, церковь становится элитарной, а Иисус – не притчей, а загадкой. Действительно, некоторые из семян упадут на тропу, некоторые – на скалу, а некоторые – на плодородную почву, но это не значит, что семена надо беречь, пока не будет найдена плодородная почва, гарантирующая хороший урожай. Мы не должны быть избирательными.

Такая избирательность – ошибка раннего движения, которое мы называем гностицизмом. Гностики вкладывали шепот не в уши слушателей, а в уста говорящих. Дело было не в том, что некоторые просто не слышали Слова; они считались недостойными того, чтобы слышать, следовательно, им не разрешалось слушать. Вместо того чтобы позволить Слову самому создавать свою аудиторию, эти «духовные люди» принимали на себя эту ответственность. Возникает искушение на мгновение отвлечься и обратить внимание на то, с каким трудом церковь позволяла Слову самому создавать себе слушателей вместо того, чтобы

самостоятельно решать, кто достоин слушать, а кто нет. Церковь, описанная в Деяниях, достаточно быстро поняла, что Слово, если ему позволяют действовать самостоятельно, порождает веру в самарянах, греках, эфиопах и римлянах, а не только иудеях, к великому удивлению иерусалимской церкви. Когда в церкви поняли, что Бог доступен каждому, это вызвало споры на высоком уровне. Но мы должны сопротивляться подобным искушениям и следовать нашим принципам. Традиция, когда шепот переносится с откровения на проповедь, представлена в Евангелии от Фомы, собрании «тайных высказываний Иисуса», и Евангелии от Филиппа. Например, в *Филиппа* 2:58 автор так характеризует учение Иисуса: «Его слово тайлось от всех». В некоторых гностических кругах существовал священный поцелуй, который служил средством передачи Слова внутри круга посвященных, чтобы оно не достигло слуха недостойных, что произошло бы, если бы оно произносилось вслух.

Представленное здесь богословие проповеди придерживается мнения, что Новый Завет, в котором Слово Божье представлено как в виде шепота, так и в виде крика, лучше всего истолковывать на основании представления о Слове Божьем как выслушиваемом в форме шепота и передаваемом громко. То есть, мы слышим слово веры как шепот, ибо откровение не просто и не очевидно, но передаем его криком. Под «криком» мы, конечно, понимаем не стиль изложения, а то, что провозглашение делается публично.

«Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф. 10:27). Эти слова Иисус произносит среди прочих предупреждений, ободрений и наставлений, которые записаны Матфеем в рассказе о том, как Он посылал двенадцать апостолов очищать, исцелять и проповедовать. Наставления в стихах 26-27 построены по образцу эсхатологической перестановки; то есть, в конце времени текущее состояние вещей в мире будет перевернуто наоборот. Не только добро восторжествует над злом, но скрытое станет явным, а то, что произносится шепотом, будут кричать. Но в текущем контексте апостолы не должны ждать эсхатологических перемен; они должны участвовать в них, пре-

творяя будущее в жизнь. Таким образом, надежда становится обязанностью: они должны провозглашать с кровли то, что с величайшими трудностями, борьбой и риском услышали и приняли верой. Внутреннее развитие этого наставления заслуживает нашего внимания.

Прийти к вере, склониться к Слову, чтобы услышать, воспринять и подчиниться, несмотря на риск и обстоятельства, препятствующие вере, иногда даже вопреки советам тех, кто нас любит, но прислушивается к другим голосам: этот опыт мы описали, сравнивая его со слушанием шепота. После рождения веры мы переходим к образу крика с кровли. Это крик признания Благой Вести благодати Божьей, освобождения от груза неуверенности, приобретения нового ясного и уверенного видения после героической борьбы за ценности и призвание.

Мы уже говорили, что крик этот звучит внезапно и непринужденно как «Эврика!» Это верно только отчасти, потому что провозглашение с кровли – больше, чем выражение личного чувства; это выполнение обязанностей проповедника. А проповедник не должен ждать прихода чувств. Задача, к которой мы призваны, намного важнее, чем мы представляем себе. Если мы позволим принципу удовольствия заменить собой бремя пророчка, такое, как побуждение подняться на кровлю, то в течение многих воскресений глашатай Божий будет стоять на земле, а не наверху. Однако многие проповедники свидетельствовали, что они произносили свои лучшие проповеди в те дни, когда недостаток сна, личное горе, головная боль, рассеянное внимание и не вознагражденное участие в судьбах несчастных и обездоленных помогают им почувствовать себя обновленными у подножия кафедры. Велика сила Бога, помогающего слугам Своим, которые в служении не колеблются и не зависят от того, что им нравится или не нравится.

Есть и другие трудности, которые тоже пытаются заглушить крик. Кричать не всегда легко. Все мы понимаем, что есть вещи, о которых мы никогда не кричим; мы ждем подходящего места, времени, атмосферы и людей. Почему? Потому что тема эта очень личная и очень, очень важная. Но разве проповедь – дело

не личное и не очень, очень важное? Даже если проповедь произносится в обстановке поклонения и в святилище среди верующих, ее непременно услышит также какой-нибудь случайный человек, незнакомец, заезжий любитель проповедей и приходящий в церковь дважды в год прихожанин, который хочет послушать «еще одну беседу»; и их присутствие может создавать для некоторых из нас трудности.

Есть и другие моменты, мешающие крику. Например, робость, обыкновенная трусость. Наступают времена, когда недостаточно надевать наряд пророка и апостола на двадцать минут, чтобы подбодрить людей; в каждом обществе есть наши оппоненты. Судя по утренним газетам, Ирод еще жив и продолжает избивание младенцев. Большинство из нас не считает свою сдержанность трусостью, и, может быть, иногда она трусостью не является. Жизненно важные моменты проповеди могут тревожить, расстраивать, радикально влиять на отношения и поведение. Кому этого хочется? Когда старик Симеон взял на руки Младенца Иисуса, он сказал Марии: «Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле» (Лк. 2:34). Понимание того, что Иисус вызовет такие изменения, что некоторые падут, а не восстанут, может заставлять нас приглушать крик, чтобы никто его не слышал.

Послание, которое мы должны прокричать, мы слышали в форме шепота. Оно не включает в себя шумные заимствования у других, кого мы слышали. Не нужен нам и шутовской энтузиазм, который производит впечатление страстности, но убеждает ненадолго, а затем лишь отвлекает внимание от недостатка содержания. «То, что вы слышали», исключает также приготовленные наспех, беспорядочные гневные атаки на передовицу газеты. Война против мира – не суд и не благодать, и, надев шлем, мы не становимся крестоносцами.

Но мы все равно должны провозглашать с кровли, должны провозглашать Благую Весть публично, это нужно. Опять же напоминаем вам: крик должен быть понят не буквально, но как символ открытой и общедоступной проповеди. Он может быть громким или тихим, но качественным. Тихий голос у двери хи-

жины: «Президент Линкольн объявил нас свободными», — является не менее криком, чем звук семидесяти шести тромбонов на главной улице в День независимости.

Образ проповеди как провозглашения с кровли соответствует задаче, по меньшей мере, в четырех отношениях. Во-первых, он правильно отражает важность и срочность послания, которое мы передаем. Во-вторых, публичный характер свидетельства исключает сектантство или эксклюзивность, которые время от времени возникают в церкви. Кафедра не нуждается в людях, которые говорят: «Не повышайте голос, чтобы не услышали и не прибежали представители других рас, слоев общества, мытари и грешники». Крик, выражаясь библейски, должен звучать от края земли и до края. В-третьих, крик символизирует силу и упорство любви, которая не только составляет содержание послания, но и является его движущей силой. Это слово любви и заботы к каждому человеку черпает силу свою в долге каждого проповедника перед всеми, кто имеет право знать. И в-четвертых, этот крик со времен Иисуса служит предупреждением всем силам зла: другой голос не должен звучать, не должно быть других притязаний на человеческую жизнь; Бог не покинул нищих, кротких, одиноких, поработенных и отчаявшихся, чтобы они стали жертвами сильных и жадных. Марк говорит об Иисусе как о могущественном Сыне Божьем, Который входит в жилище сатаны и сокрушает его, изгоняет всех бесов, которые калечат, подавляют, пугают, отчуждают и убивают. Рассказывая о деятельности Иисуса, Марк часто упоминает, как Иисус кричал на бесов: «Замолчи и изыди!» И это очень важно, даже для тех, кто не ходит на служение каждое воскресенье, — знать, что верующие свидетельствуют преданно и регулярно, храбро и в благодати.

Проповедник, тем не менее, знает, что в основе публичного провозглашения всегда лежит шепот, потому что никогда не забывает об истоках веры. В конце концов, мы не рыночные зазывалы и не рекламируем Благою Весть. Даже в момент нетерпения и отчаяния надо надрывать не горло, а сердце. Проповедь — это крик шепотом.

Что это значит? Это значит, что мы должны говорить смело и ясно, но при этом верить в способность Слова проникать в сердца, как сеятель верит в способность зерна развиваться дальше самостоятельно. Это значит провозглашать то, что мы слышали, быть верными нашей традиции, но быть осторожными и внимательными к слушателям. Проповедник не может *заставить* их услышать, но он или она могут по крайней мере удалить препятствия. Другими словами, слушателям не нужно притворяться, что они живут в другом месте и в другое время, чтобы поверить и стать христианами. Они должны узнать в проповеди не только Иерусалим с Дамаском, но и улицы собственного города. Жизнь должна предстать в ней реалистически, как предстает в Библии. Даже Пасха не изображена в Писании только в розовом свете; только мир ребенка состоит из одного лишь света, без теней. Хлеб жизни преломлен и предложен, а пережевывать его слушатели должны сами.

Крик шепотом означает также уважение к слушателям, которые сопротивляются посланию. Формы сопротивления могут быть разными, и они нам знакомы: нерегулярность посещения, критика мелких и незначительных моментов, невнимание, не относящиеся к делу вопросы, попытки высмеять тему и многие другие. Не надо забывать, что есть два вида проповеди, которые трудно слушать: плохая проповедь и хорошая проповедь. Почему слушатель не должен сопротивляться? Если человек узнает в проповеди чрезвычайно важную тему, если послание касается его взаимоотношений, влияния и ресурсов, его взглядов на моральные и этические вопросы, если вера предполагает вступление в отношения завета с Богом и обществом верующих, разумеется, возникает сопротивление. Разве пациент на операционном столе не имеет права спросить: «Доктор, а как я буду выглядеть после операции?» Незначительные проповеди и убеждения не вызывают сопротивления; может быть, люди чувствуют себя оскорбленными, но не сопротивляются. Разумеется, мы не поощряем здесь яростные, порожденные отчаянием нападки на прихожан, чтобы вызвать ответное нападение для подпитки

комплекса мученика или подтверждения своего пророческого дара. Мы имеем в виду здесь лишь благовествование.

Наконец, следует сказать, что любое появление богословия в проповеди имеет вспомогательный характер. Мы не хотим этим опровергнуть все ранее сказанное. Скорее, мы говорим здесь о правах человека и отсутствии претензий к Богу. Каждый человек имеет право расти, продолжать учиться и обретать зрелость в процессе обучения, проповеди, пасторской деятельности и жизни в вере. Этот процесс требует постоянного видоизменения богословия проповеди. Отсутствие притязаний к Богу – это лишь признание того, что богословие проповеди – лишь попытка распознать пути Слова Божьего в мире и выстроить соответствующим образом способ и манеру проповеди. Служитель никогда не говорит: «Таким образом Бог работает через проповедь», – он говорит, скорее: «Таким образом я работаю, потому что так понимаю работу Бога». Но даже в таком случае неожиданности подстерегают на каждом шагу. Ученики, готовившие ужин для незнакомца в Еммаусе, не имели ни малейшего представления, что он станет таинством. Павел писал своим друзьям в Филиппах, не зная, что его письмо станет для миллионов людей частью Писания. Будущий ученик, пожелавший следовать за Иисусом «повсюду», конечно, не представлял себе, сколько мест в мире называются этим словом «повсюду».

Страница оставлена пустой преднамеренно

ЧАСТЬ II

*Проповедь:
поиск содержания*

Страница оставлена пустой преднамеренно

Глава четвертая

Исследование

Настало время поговорить об исследованиях служителя, но пока еще не тех, что непосредственно нацелены на подготовку к конкретной проповеди. Если исследование в жизни проповедника ограничено необходимостью подготовки проповедей, очень вероятно, что проповеди недостаточно хорошо подготовлены. Это проповеди человека, который обладает мышлением потребителя, а не созидателя, который оценивает ситуации в книгах и в жизни с точки зрения их полезности для следующего воскресенья. Для такого проповедника все дни едины, он не испытывает истинного наслаждения от роста или накопления знаний для умственного развития служителя, повышения его понимания или обаяния. Готовиться только к следующей проповеди все равно, что разбивать в пустыне крохотный садик, с тем, чтобы обнаружить на следующей неделе, что пустыня снова вступила в свои права. Если при этом садовник чувствует горечь и разочарование, думает, что напрасно потратил время, его чувства вполне понятны и почти правомерны. Однако существует другой подход к роли исследований в жизни проповедника, более плодотворный и приносящий больше удовлетворения.

Важность исследования

Служитель должен быть готов ко многим ситуациям, внутри общины и вне ее, и очень часто его не оповещают об этих ситуациях заранее. Хотя он не может быть специалистом по всем вопросам, однако служитель должен быть достаточно информирован, чтобы к нему относились с уважением, когда он берет слово, и с не мень-

шим уважением — когда он заканчивает речь и садится. В большинстве общин к служителю изначально относятся с таким уважением, но его можно сохранить только с помощью усердия и дисциплины.

Всем известно, что все исследования служителя (не его обязанности) сводятся к общему знаменателю: нормативная традиция, которую служитель обязан толковать; община, которую он обязан вести и питать; и мир, которому он должен служить и обращаться к рождению свыше благодатью Божьей. Происходит ли действие в гаражах, в подвале, в фойе или у топки, суть остается той же. Другие профессионалы имеют кабинеты, но никто из них так не востребован; даже врачи и юристы. Есть среди них исключительные личности, которые стремятся к этому, выделяют время для изучения какого-нибудь этического или философского вопроса, поднятого в юридической или медицинской школе, который не оставляет их в покое. Но, как правило, вопрос этот не связан с обычной каждодневной работой, поэтому его решение становится побочным интересом, отвлекающим от основного.

С проповедником все иначе. Время, которое он тратит на исследования, не *уводит* его от ежедневной работы, а *ведет* к ней. Часы исследований непосредственно связаны с тем, кем является служитель и какое влияние оказывают его слова и поступки. Есть множество терминов для описания этой деятельности. Исследование — это акт повиновения: «Возлюбите Господа Бога вашего всем разумением своим». Это момент поклонения: «Час исследований, — говорили раввины, — дает такое же видение Святого, будь Он благословен, как и час молитвы». Какой служитель не чувствовал, как письменный стол превращается в жертвенник? Это время пасторской деятельности; все собрание получит выгоду от результатов работы. Исследование защитит прихожан от чрезмерного влияния собственных мнений, чувств и предубеждений пастора. Исследование — это поиск второй и третьей альтернативы перед тем, как поставить диагноз и начать лечение. Служителю не нужно снова об-

думывать мирские вопросы, но он должен уделять время произведениям тех, кто всю жизнь изучал важные темы.

Исследование влияет на собственную жизнь служителя, так же как на жизнь собрания, и это здоровое влияние. Иначе груз личных мнений мешает и искажает.

Наконец, исследование — это гомилетический акт: уверенность, порожденная исследованием (не псевдоуверенность в себе или бравада) делает сообщение более мощным. Если человек знает предмет и верит в его важность, он выступает свободно, и эта свобода позволяет ему использовать все свои способности наилучшим образом. Если человек хорошо разбирается в тексте или теме, он больше не мямлит, у него не перехватывает дыхание, когда он проповедует, ничто не мешает его словам достичь ушей слушателей. Теперь проповедник будет всегда готов к разговору на эту тему, не только выступая с кафедры, но и при возможности поделиться вопросом более детально, поделиться тем, что обнаружилось в ходе исследования, но что не вмещается в тематические и временные рамки проповеди.

Что мешает исследованиям

Ирония истории церкви заключается в том, что люди, которые каждую неделю должны говорить о важнейших вопросах: воле Божьей и человеческой свободе, зле и страдании, благодати и суде, мире и завете — очень часто пренебрегают необходимой подготовкой. Конечно, не везде, но во многих приходах существует сильное сопротивление стремлениям пастора учиться. «Если служитель должен заниматься исследованиями, почему бы ему не делать это на выходных?» «Что вы имеете в виду, говоря об учебе? Я думал, у вас уже есть высшее образование». Было бы утешением, если бы подобные комментарии встречались редко и были бы преувеличением, но единственное помещение дома Божьего, которым, судя по его размеру, расположению и убранству, пренебрегают, — это не приемная, а кабинет пастора.

Поспешим добавить, что обвинять следует не только мирян. В нашей культуре не существует того уважения к учителям, ученым и школам, какое есть в других обществах. Надо помнить, что церкви также являются институтами, а институты обычно занимаются исследованиями и изучением, являются сердцем и душой учебы. Где-то здесь таится ощутимая угроза. Но даже в такой ситуации немногие церкви дают пастору достаточно времени и места для учебы и не получают от этого выгоды. Многие служители борются за свое право. Некоторые, конечно, любят учиться, возможно, даже до такой степени, что прячутся среди книг и забывают о людях. Другие же ползут в кабинет, как улитки, заставляют себя войти туда, сесть, переложить с места на место листы бумаги, поточить карандаши, попить кофе, насторожиться, услышав бление заблудшего агнца где-то среди темных буераков, и — достаточно!.. Многие, и весьма разумно, говорят, что место пастыря — со стадом. Никто не может этого оспаривать. И, кроме того, работа с паствой приносит удовлетворение, ясно напоминающее, кто здесь пастырь. Но, пока служитель не поймет, что работа в кабинете *тоже является* частью служения пастве, и пока паства не примет это как факт, служение, в особенности служение проповедника, не может достигнуть совершенства и постоянно приносить результаты.

Почему служители так часто недооценивают, если не принижают эту сторону служения? Причин много, и они очевидны. Некоторые служители испытывают, и будут испытывать всю жизнь, проблемы с организацией и расписанием занятий. Причины этого могут быть совершенно не связаны с их умом и способностями, но корениться в травмах, полученных в школе в юном возрасте, из-за чего они воспринимают учебу как наказание, или она ассоциируется у них с оценкой. Даже опыт учебы в семинарии, который приобретается, когда человек достиг некоторой зрелости и установил для себя цели жизни, может содержать в себе некоторые виды деятельности, которые служительно не хочется продолжать. Многие жалобы на далекий от жизни и неактуальный характер семинарских занятий — несправедливы; в конце концов, любое профессиональное образова-

ние содержит в себе больше, чем понадобится в будущем выпускнику, это свойственно образованию вообще. Но даже при этом некоторые программы семинарии слишком далеки от практики служения.

Иногда случается, что исследовательская деятельность служителя страдает от неудачного перехода от учебы к приходу. Если в семинарии человек не выработал хороших навыков учебы, которыегодились бы ему в будущем, но только выполнял требования преподавателей от и до, после выпуска он лишился этих «подпопок» для того, чтобы продолжать обучение. Несмотря на то что человек жалуется на требования, которые к нему предъявляли в школе, эти требования создавали определенную структуру, шаблон для обучения. Недавно завершившие учебу признаются, что тратят впустую много времени и задают себе вопрос: что я буду делать по вторникам? Пасторы постарше могут посоветовать молодым коллегам не беспокоиться; достаточно скоро у них будет масса дел по вторникам, как и в другие дни. Это правда, но это недостаточно хороший совет, потому что он не затрагивает самого важного. Суть не в том, чтобы занять все дни делом, но в том, чтобы делать это систематично, уметь выделять четкие приоритеты, чтобы служитель мог выбрать, чем из многочисленных заявок он может заняться в имеющееся у него время. Конечно, пасторы призваны служить нуждам людей, но, если наше расписание будет полностью зависеть от расписания других, эффективность этого служения понизится. Есть разница между понятиями быть служителем и быть зависимым.

Основное требование к исследованиям, которому тоже часто не удается следовать, — это умение выбирать качественный материал для чтения. Обычно мы считаем, что книги, которые нам рекомендуют и предписывают, — лучшие в своем роде. Ознакомление с множеством книг по каждой теме приносит немалую пользу, но отнимает много времени. Важно быть аккуратным в выборе книг, это позволяет нам экономить время и деньги и не перегружать себя обилием информации. Обратите внимание, с каким мучительным

выражением на лице некоторые взирают на привлекательные стеллажи книг с многообещающими названиями на церковной конференции или институте служителей. Старые методы учебы, теперь померкшие из-за пренебрежения ими или вытесненные отчаянными попытками сделать все сразу, оставляют от себя только отголосок в виде смутного чувства вины. Полный твердой решимости, служитель отдает продавцу книжного магазина половину месячного заработка и уходит с тяжелым мешком книг и с ощущением легкости, с каким грешник уходит от исповедника. Будет хорошо, если в трех из приобретенных книг повторяется то, что служитель уже знает, а две другие — переиздание книг, которые у него уже есть, но которые он раньше не замечал на полке. Несколько предложений, приведенных ниже, могут немного помочь тем, кто узнал себя в этом описании.

Давайте посмотрим своим исследованиям в лицо и назовем их по имени. Это труд, часто тяжкий, часто не приносящий быстрых плодов, хотим ли мы разрешить проблему, наставить прихожанина или подготовить текст проповеди на следующее воскресенье. Цель нашего исследования должна питаться глубокими побуждениями, потому что часто то, что мы *должны* сделать, не является тем, чего мы хотим. Вспомните о методе некоторых учителей живописи, которые заставляют учеников рисовать левой рукой, чтобы владение правой рукой стало более творческим. Исследование — тяжкий труд, часто сопровождающийся болью и страхом. Эта исследовательская боль часто смутна и трудноопределима, но в корне ее лежит тот факт, что любая учеба предполагает отказ от чего-то. Чтобы обрести понимание одного, надо отказаться от понимания другого; от чего-то, что мы считали своим с детства, или получили от родных и друзей, или от кого-то, кого любили и уважали. Является ли новое толкование актом неблагодарности и неверности по отношению к отцу или матери, учителю воскресной школы, любимому пастору, уважаемому профессору? Те, кто постоянно призывает к переменам, спокойно и цинично, словно это — простой и безболез-

ненный поворот диска, конечно, забыли об этой стороне радикальных изменений мнения или еще не испытали этого.

Боль незаметна, а страх легко определить; это страх перед обнаружением чего-то, что вызовет боль. Человек боится открывать новую книгу, если есть угроза, что в процессе чтения его любимый пейзаж будет перерыт бульдозером. Человек боится обнаруживать истину, которая потребует от него изменения нескольких взглядов и мнений. Человек боится знания, которое лишит его кое-каких удовольствий неведения. Человек боится, что есть правда в популярном замечании: исследование гасит пламя энтузиазма, подменяя его исследовательским рвением, и превращает страстного проповедника в равнодушного лектора.

Проповедник, который продолжает учиться, делает это вопреки двум культурным моментам, препятствующим этому. Один момент — это миф о том, что опыт — лучший и самый верный учитель. Опыт может научить многому и дать перспективу, которой иначе не приобрести. Например, солдат, прошедший через окопы гражданской войны, приобрел понимание войны, недоступное тем, кто не воевал. Однако опыт тоже имеет свои ограничения; фактически, солдат вряд ли сможет истолковать значение войны для своего народа и последующих поколений. Для выполнения этой задачи нужна другая перспектива; то есть, опыт другого рода. Взгляд на явление со стороны и размышление о нем — тоже опыт, как и непосредственное участие в явлении. Исследование — не альтернатива опыта, оно само является разновидностью опыта, который обеспечивает понимание, даже профессиональное, ряда вопросов. Если бы это было не так, общество состояло бы из отдельных индивидуумов, неспособных к общению и неспособных помочь друг другу. Любое служение, и проповедь в особенности, основано на истине, которую может понять молодая женщина и которая будет полезна старику; старший должен говорить, имея в виду девочку-подростка. Опыт — хороший учитель, но он только один из ряда преподавателей.

Второй элемент нашей культуры, который стремится отвратить нас от исследований, — это высокое мнение о спонтанности, интуиции, неорганизованном импульсе, непосредственном ощущении. Мы не будем здесь критиковать распространенное убеждение, что деятельность и отношения должны мотивироваться наслаждением и иметь целью получение другого наслаждения. Слово «обязанность» остается в словаре тех, кто знает, сколь глубоко удовлетворение от выполнения задачи, начатой без желания и с тревогой. Мы не будем и жаловаться на то, что большинство предпочитает экстаз трепету. Экстаз — эгоистичное переживание восторга; трепет — переживание, которое шире человеческого «я», перед которым «я» отступает. Мы хотим лишь сказать здесь, что исследования и знания не притупляют непосредственности человека и не делают его менее восприимчивым к полноте жизни. Конечно, всегда есть отрицательные примеры, карикатуры на мыслителей, вооруженные впечатляющими цитатами, перегруженные информацией и блестяще говорящие ни о чем. Но факт остается фактом, исследование, которое влечет за собой понимание, скорее обостряет, чем притупляет стремление к участию в жизни и посвящению всех способностей этой цели. Чтобы удостовериться в этом, надо сходить на концерт и посмотреть, какой разной будет реакция тех, кто разбирается в музыке, и тех, кто не разбирается; или же посетить лекцию и понаблюдать за слушателями, которые знают и не знают тему. Или же просто погулять по лесам с кем-то, кто хорошо знаком с флорой и фауной. Вы ясно увидите не только то, что знание леса усиливает удовольствие от его посещения, но и что знание, которым делятся в благодати, заразительно и тоже пробуждает в нас желание знать.

Советы, связанные с исследованием

Мы предлагаем вам следующие советы, не предполагая, что читатель еще не обладает никакими навыками в области изучения, но чтобы помочь ему улучшить существующие навыки. Мы считаем, что хорошо иметь свои принципы исследования, разработанные на

сознательном уровне, чтобы иметь возможность владеть ими, видоизменять их или заменять совершенно новыми. Для ясности мы разобьем эти предложения на пункты и вкратце обсудим каждый.

1. В начале своего служения, будь церковь маленькой или большой, студент вы или уже приступили к работе, проинформируйте собрание о своем расписании занятий и объясните, что время, которое вы тратите на учебу, пойдет на пользу всему собранию и всей общине. Каждая церковь понимает, что в расписании служителя должно быть время для работы с малыми группами и отдельными людьми, но люди могут не понимать, что учеба проповедника будет на благо всем, так как отражается в его проповедях и наставлениях. Если не объяснить им это, многие прихожане будут сторонниками простого соотношения: чем больше времени уделяется учебе, тем меньше времени уделяется служению. То, как служители проводят время, остается тайной для мирян, и многие хотели бы проверить или спросить, но колеблются, однако у них возникают сильные подозрения. Служитель, который не уделяет времени на объяснения, не должен жаловаться, что его не понимают. Нет сомнений в том, что служитель должен выделять для учебы то время дня и недели, когда жизнь общества наименее активна и меньше требует его внимания.

2. Будьте реалистичны в ожиданиях, которые вы возлагаете на изучение. Вряд ли существует область мысли или деятельности, не связанные со служением непосредственно или косвенно, а книги печатают каждый день. Пасторы, особенно живущие в отдаленных местах, могут сидеть в своих кабинетах, расстраиваясь при каждой мысли о том, что существует множество новых великих идей, но где найти книги о них? Не надо чувствовать разочарование и расстраиваться, не надо и стараться объять необъятное — служитель может сделать так, что его чтение будет качественным, в рамках отведенного ему времени и требований, связанных с его положением. Качественное чтение означает умение выбрать и тщательно проработать несколько действительно значительных книг в каждой области. Существует несколько основных книг по богословию, изу-

чению Библии, пасторской деятельности и других родственных областях, остальное множество книг может лишь вторить им на протяжении двадцати лет. Тщательное изучение одной такой книги неизмеримо более ценно, чем беглый просмотр двух дюжин обзоров и поспешных пересмотров основных вопросов дисциплины. Вы можете просить уважаемых коллег и профессоров семинарии помочь вам в выборе литературы. Кроме того, может быть полезно подписаться на издание, в котором дается хороший обзор публикуемой литературы. Хотя проповедник не должен чувствовать себя виноватым в том, что не прочел каждую из книг, рекомендуемых мирянами и служителями, он должен знать, к какой области мысли относятся эти труды. Прочесть основные труды, подумать над их содержанием, взвесить их тщательно в свете собственных взглядов и убеждений — таким образом вы можете заслужить уважение тех, кому вы предлагаете свои услуги пастыря, и убедить их прислушаться к вам.

3. Установите и поддерживайте привычное расписание занятий. Некоторые служители, слыша это предложение, возражают, что служитель всегда должен быть готов прийти на помощь людям, что часто заставляет нарушать расписание. Это сильный аргумент, но к нему не имеют права прибегать те, у кого нет расписания, которое можно было бы нарушить, кто бродит в поиске, кого бы ободрить и наставить, чтобы оправдать свое невнимание к исследованиям и размышлениям. У занятого человека нет большего друга, чем расписание и привычка. Представьте только, сколько времени потратит тот, кто все время ищет «подходящее место» и «подходящее время» для исследований. Не менее расточительно относятся ко времени те, кто учится понемногу тут и понемногу там, чуть-чуть сейчас и чуть-чуть потом. Кажется, что эти люди все время учатся, но на самом деле они не умеют планировать. За исключением редких людей, которые способны углубиться в мысли и сосредоточиться где и когда угодно, обычно мы нуждаемся в значительном отрезке времени, чтобы вникнуть в суть вопроса. Фактиче-

ски, труднее всего начать. Когда вы уже в процессе, значение материала и удовлетворение от его понимания поддерживают вас.

Для сокращения времени, необходимого для того, чтобы вникнуть в тему и потом прийти к ее завершению, полезнее всего заниматься в конкретном месте, за конкретным письменным столом в определенное время каждый день. Когда вы привыкнете к этому, ваше тело, ум и чувства будут знать, что значит это место и это время. Видения и звуки, отвлекавшие вас когда-то, больше не будут мешать. Отрицательная адаптация сделала свое дело; теперь вы не видите и не слышите ничего, кроме своей задачи. Привычка упрощает жизнь, минуты и часы подобной увлеченной работы обычно бывают поразительно плодотворны. Фактически, нередко люди будут говорить вам: «У вас такое насыщенное расписание, и когда только вы успеваете так хорошо подготовиться?»

Другая выгода от привычки — это новый уровень удовлетворения без особых перемен в образе жизни. Формула проста: учиться, когда наступает пора учебы, и играть, когда наступает пора игры. Все мы помним, как в колледже мы иногда не могли получать удовольствие от учебы, потому что нуждались в отдыхе, и не могли насладиться игрой, потому что думали об учебе. И учеба, и игра могут пострадать, если одна лишает другую удовольствия и эффективности. Хорошо составленное расписание помогает избавиться от чувства вины и позволить человеку сосредоточить свои способности полностью на одном.

4. Развивайте в себе способность использовать небольшие отрезки времени. Слово «развивать» используется здесь потому, что для этого вам понадобятся усилия и терпение. Бывали времена, когда многие из нас считали, что часовой перерыв между уроками или другими событиями — недостаточный промежуток времени, чтобы предпринимать какие-либо попытки занятий. Мы говорили себе, что настоящее исследование требует большего промежутка времени. Это не всегда самообман: некоторые из задач действительно требуют длительных периодов исследований и размышлений. Однако учеба предполагает также

ряд не менее важных, но достаточно быстро выполнимых задач. Чтение коротких газетных статей, проверка библейских ссылок, поиск источников, использование словарей, составление списков для чтения и многие другие задачи могут быть выполнены за несколько минут. Фактически, чтение средств массовой информации, из которых мы узнаем об основных религиозных событиях и течениях, может происходить одновременно с чтением прочих новостей, которое мы вообще не относим к исследованию. Статья тут, статья там — все это может нам пригодиться.

5. Постоянно читайте романы, рассказы и стихи. Это чтение приятно и доставляет удовольствие, поэтому можно считать его отдыхом, но, по приведенным ниже причинам, мы относим его к занятиям. Во-первых, проясним, что речь идет о качественной литературе, а не бульварных романах, где на каждой странице описываются убийства и насилие, чтобы привлечь внимание читателей. Под классической литературой мы понимаем книги, которые выдержали испытание временем и остаются в списках рекомендаций уроков литературы. Тот, кто не получил хорошего образования в этой области в школе или колледже, или кто стал служителем после получения технического или узкоспециального образования, может достать соответствующий список в колледже, где изучают литературу. Не смущайтесь, читая Гарди, Моэма, Мильтона, Флобера и Дикинсон, учась в семинарии или даже после ее окончания. Было бы трагично, если бы страх показаться смешным не позволил вам читать классиков.

Чтобы предотвратить неправильное понимание, скажем, что не имеем в виду ничего, даже отдаленно напоминающего вульгарную практику поиска в литературе примеров для проповедей. Приводить в проповеди примеры из Флобера — это развращение. Конечно, то, что человек читает, влияет, прямо или косвенно, на то, что он говорит, но, читая, не надо искать применения прочитанному. Чтение хороших книг развивает в человеке творческие способности, расширяет его словарный запас, позволяет ему свободнее пользоваться речью и воображением. Мы имеем в виду не сознательное

подражание великим рассказчикам и поэтам, но их тонкое влияние, которое делает проповедника более умелым в организации материала проповеди так, чтобы она была более упорядоченной, ясной и убедительной.

Идеально было бы еще в семинарии выработать привычку читать художественную литературу наряду с книгами по истории, богословию и библейскими исследованиями, которые нам задают читать, и поддерживать эту практику в течение всего служения. Причины на это две: во-первых, профессора семинарии и опыт, приобретаемый на занятиях, влияют не только на мышление, но и на речь студента. А лекция, которая должна быть высоко информативной, не может служить образцом для проповеди. Во-вторых, тексты, рекомендуемые программой, написаны знатоками своего дела, но не обязательно владеющими словом. Короче говоря, они не умеют красиво писать. Это не критика, а факт, причем этот факт должен побудить студентов, серьезно относящихся к проповеди, помимо учебников читать труды мастеров слова. Так как рассказ — двоюродный брат проповеди, студент мог бы избавить профессора гомиластики от обязанности задавать ему подобное домашнее чтение, взяв на себя инициативу и читая хотя бы один рассказ в неделю.

Основное препятствие здесь — чувство вины, которое может возникать у студента: на полке стоит Фома Аквинский, а я тут читаю Стейнбека. Это чувство вины часто заставляет студента оценивать прозу и поэзию с той же точки зрения, что и все остальное: будет ли это полезно для сдачи экзамена? Надо ли мне будет писать об этом контрольные? Будем ли мы обсуждать это в классе? Так как ответ отрицательный, чтение художественной литературы становится принесено в жертву общей иллюзии академии и паствы: на это нет времени. Длительного отрезка времени? Пожалуй, нет; но эти книги можно читать урывками. Если у человека есть удобное кресло в тихом уголке, возле которого всегда лежит книга и маркер, и он читает двадцать минут перед обедом или перед сном, он каждый год будет прочитывать множество книг. Если человек будет ждать удобного времени для чтения, в конце года он останется с благими намерениями и сожалениями. Мы не говорим о практике

усердного изучения с заметками, но, если человек, чьей основной задачей является сообщение, каждый день будет уделять немного времени мастерам этого дела, он приобретет определенный навык.

6. Не поддавайтесь стремлению прекратить исследования, как только возникла тема проповеди. Искушение сделать это — сильно; в конце концов, мысль о воскресной проповеди — реальная причина исследования, и, когда центральная идея проповеди рождена, желание продолжать занятия пропадает. И, конечно, нежелание продолжать изучение вызвано опасением, что возникшая идея — скорее вспышка, чем истинный свет. Было бы разочарованием, если бы при изучении следующих нескольких стихов ушло внезапное понимание, как дать всего Матфея или Павла в одной проповеди. Однако именно эта возможность — истинная причина, по которой надо продолжать занятия после момента прозрения. Выдержит ли идея проверку на соответствие контексту и богословскую состоятельность? Требования истины и соответствия должны изгнать искушение, которое нашептывает: «Все равно прихожане не узнают».

Требуя не прекращать исследований после рождения основной идеи проповеди, мы поднимаем вопрос об эффективном планировании прекращения занятий. Некоторые служители считают, что, когда возник интерес к тексту или теме, надо пользоваться случаем и продолжать исследования, пока интерес не угаснет. У этого подхода есть положительные стороны. Есть истина в старой поговорке: «Куй железо, пока горячо». Хотя кажется, что прекращение занятий после того, как интерес угас и усилия кажутся бесплодными, непродуктивно, потому что возвращение к рабочему столу становится трудным и надо снова с трудом начинать заново, можно многое сказать о прекращении занятий, пока интерес еще высок и идеи продолжают приходить, читает ли человек, пишет, делает заметки или размышляет. Человек не просто останавливается на вершине, многое будет утрачено во время перерыва. Несколько сделанных записей, продуманных и прочувствованных, позволят вам подхватить идею и довести ее до завершения. Но мы снова напомним себе, что ритм работы — дело индивидуальное, и мы должны учитывать

свое личное расписание, привычки, энергетический уровень и способности.

7. Пользуйтесь услугами доступных вам библиотек. Эти ресурсы могут быть разными в разных местах, но нельзя прекращать исследований оттого, что в семинарии нет библиотеки, это не должно создавать для вас затруднительное положение. Многие публичные библиотеки и библиотеки малых колледжей таят приятные сюрпризы, а некоторые посылают книги по почте, даже на большие расстояния. В любом случае, можно благополучно сократить расходы на свою личную библиотеку.

8. Ваша собственная библиотека должна эффективно функционировать. Библиотеки некоторых служителей, видимо, составляли декораторы. Беспорядок не всегда означает функциональность, но и размещение голубых суперобложек рядом с бледно-желтыми шторами тоже не повышает функциональности. Чтобы библиотека была максимально полезна, мы предлагаем вам следующие советы. Во-первых, новоприобретенные книги оставляйте на столе, пока не прочитаете. Поставив их на полки, вы можете о них забыть, но на письменном столе они напомнят вам о себе, глядя на вас, когда вы постараетесь их отодвинуть. Кроме того, служитель не знает, ставить ли книгу на полку, пока не ознакомится с ее содержанием. Во-вторых, делитесь книгами с другими. Правильная книга, вовремя данная человеку, может послужить продолжением вашего служения. Другие служители могут меняться с вами книгами регулярно. Некоторые книги следует отдавать не потому, что они плохие, а потому, что вы их переросли. Оставаться на полках опытного служителя для них невыгодно; ведь они могли бы послужить молодому проповеднику, который находится совсем на другом этапе жизни и карьеры. И, наконец, размещайте книги в соответствии с их использованием. Некоторые книги используются каждую неделю, поэтому они должны быть под рукой. Нетрудно решить, что книга не столь важна, когда она находится в противоположном конце комнаты или на полке, с которой ее можно достать, только встав на цыпочки на спинке вращающегося стула. Закон инерции очень силен, осо-

бенно, когда защищает нас от телесных повреждений. Другие книги тоже следует расставлять в зависимости от частоты их использования. Само их присутствие должно побуждать проповедника пользоваться ими чаще.

9. Пользуйтесь возможностями посещения симпозиумов, институтов и семинаров. Обычно объявления об этих событиях печатают в газетах, большая часть семинаров также заранее публикует информацию о продолжении образовательной деятельности. Можно установить здоровое равновесие между событиями, которые касаются ваших слабых и сильных сторон. Посещение семинара, посвященного тому, чего вам недостает, жизненно важно для роста и служения, но важно также подтверждение и ободрение в областях, в которых вы чувствуете себя весьма состоявшимся. Кроме того, служители могут собирать постоянно группы коллег для взаимной выгоды и удовлетворения. Темы этих встреч могут быть разными, от обзора книг до оценки проповедей друг друга и текущих вопросов, стоящих перед церковью. Эти группы, если они невелики и хорошо подобраны, могут быть сильным стимулом и поддержкой.

10. Храните плоды своих исследований. Методы могут быть разными, от заполнения ящиков стола вырезками из газет и журналов, до отдельных папок по каждой теме, например, молитве, разводу, самоубийству и великой пятнице. Если вы заводите папки для хранения материалов, заведите по одной на каждую библейскую книгу, чтобы хранить там результаты исследований. Организуете ли вы материалы в соответствии с темой или текстом, важно хранить их для будущего использования, чтобы не тратить времени повторно на то же самое. Для подготовки к уроку или проповеди требуется много времени и энергии, и, если вы уже подготовили послание, храните его. Например, работа, проделанная по изучению Послания к Ефесянам перед проповедью, сэкономит вам много времени и повысит вашу уверенность в обращении с темой, если в другой раз вы вернетесь к этой книге для презентации. Через годы служения у вас накопится много информации, что значительно сократит время подготовки и повысит качество вашей работы. Эти

папки не обязательно должны содержать всю информацию, полученную в ходе исследований, во многих случаях будет достаточно указаний на источник, где можно будет найти нужную информацию.

Сохранение результатов исследования предполагает составление разнообразных заметок. Это конспекты исследования, запись мыслей исследователя в момент изучения, мысли, возникшие в процессе подготовки проповеди. Есть и заметки, содержащие мысли, которые возникают в процессе подготовки, но не связаны непосредственно с целью и задачей конкретного исследования. Стимулирующие источники могут порождать такие мысли и идеи, иногда вызывать их взрыв, расходящийся во многих направлениях. Хотя у вас возникнет искушение проследить каждую мысль, вызванную текстом, статьей или личным опытом, вы не сможете этого сделать. Вам некогда будет даже оценить их значение. Разумно будет записать идею на карточке или вложить в папку для того, чтобы рассмотреть ее в будущем. Если вам ясно, что эта мысль имеет отношение к проповеди, которую вы уже планируете, тогда, конечно, разместите ее вместе с заметками, которые уже собираются к этой теме. (Позже мы вернемся к теме расписания проповедей).

Некоторые из этих идей позже померкнут в лучах тщательного исследования, но это не страшно. Важно все записать, чтобы позже быть способным восстановить мысль. Иначе заметки не просто бесполезны; они лишь будоражат сознание, как наполовину услышанный разговор в соседней комнате. Например, у исследователя возникает поток идей в связи с возмущением Ионы божественной благодатью и щедрой любовью. Мысли свежие и острые, но не относятся к его теперешней теме. Он делает заметки. Пишет на карточке: «Иона в Ниневии». Через несколько месяцев или лет эта запись не говорит ему ничего. Ему остается только выбросить ее. Или во время прогулки за город вас так захватывают виды и звуки природы, что пересмешник на дереве вызывает в вас целый поток мыслей и чувств. Вы пишете на кусочке бумаги: «Птица на дереве». Через год вы можете час смотреть на этот кусок бумаги и не чувст-

зовать ни волнения в крови, ни сильного биения сердца. Конечно, в то время вам казалось, что забыть такое невозможно.

Среди исследовательской деятельности служителя есть одна регулярная обязанность: подготовка проповеди. Теперь мы со всем вниманием обратимся к ней.

Глава пятая

Истолкование: слушатели

Основной принцип процесса подготовки проповеди — это разделение между процессом поиска что сказать и процессом поиска как это сказать. Это нужно было бы написать громадными буквами, вырезать и поместить на крышку стола служителя. Неумение следовать этому принципу — причина возникновения многих скучных, лишенных воображения проповедей, не говоря уже о том, как скучают служители, которые относятся к проповеди, как к утомительной обязанности. Такой проповедник сидит в своем кабинете в субботу, как мальчик сидит у окна, за которым играют его товарищи: «Я не могу; мне надо составлять проповедь».

Вот семинарист сидит в библиотеке, окруженный открытыми книгами. Он «составляет проповедь». Как это может быть? Как может человек работать над проповедью, которая задумана как послание, если он еще не определил, о чем будет говорить? Как может человек найти послание, если занят поиском формы сообщения, — формы для обрамления послания, которое еще не ясно? Два процесса нельзя слить воедино. Можно сказать, конечно, что иногда в процессе поиска послания форма возникает сама собой. Можно надеяться, что толкование текста даст ключ к развитию проповеди. В конце концов, если навязывать посланию форму, не соответствующую тексту, в котором содержалось послание, значит получить проповедь, говорящую о том, о чем не сказано в тексте, и делающую то, чего текст не делает. Здесь мы коснемся этой процедуры, подхода к задаче, и призываем служителя не пытаться делать обе

вещи одновременно. Иначе качество обеих пострадает, и служитель испытает разочарование.

Причина этого ясна, если поразмыслить. Работа истолкования, в ходе которой ведется поиск послания, и работа оформления и построения проповеди на основании этого послания — два разных процесса, каждый из которых обладает своей целостностью, своей задачей, своими особенностями и кульминационными моментами. Задача толкования — его собственная «эврика!» Становится ясно, о чем проповедовать в воскресенье. То, что проповедник постарается донести с кафедры, вышло из груды заметок, и солнечный свет озарил туман мыслей. Пора отстаивать основы веры. А как это все передать? Какое построение проповеди заставит слушателей почувствовать послание? Эта задача еще впереди, и, когда она будет выполнена, проповедника ждет другая «эврика!» Если проповедник не делает эти два открытия, слушатели вряд ли смогут сделать хотя бы одно.

Чтобы облегчить это разделение подготовки проповеди на два этапа и таким образом сохранить ранее описанное преимущество, будет мудро сделать перерыв после первого этапа и заняться какой-нибудь деятельностью, совершенно отличной от исследований и размышлений. Хорошим перерывом будет провести время с друзьями или семьей, заняться спортом или выполнить какие-нибудь пасторские обязанности, не расстраивающие и не требующие много сил. Не бойтесь утратить настроение. Письменный стол, на котором лежит воскресное послание, ждет вас. Белые листы, как пустые глазницы, смотрят на служителя и напоминают о неотвратимой задаче, которую он все время старается отсрочить.

Таким образом, исследование начинают, чтобы найти содержание послания. В чем заключается это исследование? Есть два ключевых момента, удаленных друг от друга. Первый момент — это слушатели со своим окружением: личным, семейным, общественным, политическим, экономическим. Другой — это библейский текст в своем контексте: историческом, богословском и художественном. Дистанция между этими двумя полюсами реальна; она зависит от фактора времени, места, языка, мировоззрения и непо-

средственных обстоятельств. Посредством процесса толкования или герменевтики дистанция может быть в некоторой степени сокращена. Свежий, актуальный и непосредственный голос текста, который слышат верующие, и составляет послание проповеди.

Мы обсудим эти три момента по отдельности, в то же время понимая, что они взаимосвязаны. Мы разделили их для ясности и для того, чтобы заострить внимание, а не из представления, что вторжение текста и собрания в области друг друга каким-то образом нарушит объективность и честность нашего исследования. Фактически, «вторжение» — неподходящее слово. Слушатели — это церковь, и, как церковь, они могут утверждать, что Библия — их книга, независимо от наших попыток предложить им текст в проповеди. А текст — это Писание, и как таковое, он может настаивать на необходимости быть донесенным до церкви, независимо от нашей работы по истолкованию. Горизонты миров текста и собрания пересекаются где-то выше и вне зависимости от наших попыток сократить дистанцию между ними. Это говорится не для того, чтобы заявить о бессмысленности наших методов исследования или принизить важность результатов наших усилий. Это говорится скорее для того, чтобы признать, что и текст, и собрание связаны с реальными вопросами жизни и смерти, что их цели взаимосвязаны, они пересекаются и помогают друг другу. Все это при условии, что проповедник изучает оба этих мира с достаточной силой воображения и творчества, не говоря о пасторском сопереживании, а все претензии на объективность верны лишь отчасти.

Мы начинаем обсуждение темы с внимания к слушателям. Если кто-то хочет начать с текста, мы не возражаем. Эти два полюса все равно встретятся где-то на пути, с чего бы мы не начали.

Слушатели как аудитория

Представлять себе слушателей как аудиторию значит рассматривать их как собрание мужчин, женщин, молодежи и детей, которые будут слушать проповедь. Это значит думать о них как о незнаком-

цах, как будто швейцар вошел и объявил вам: «Собрались люди и ждут вас, и я ни разу не видел раньше никого из них». Чтобы проповедник мог так рассматривать своих слушателей, от него требуется сознательное усилие воображения; в конце концов, это прихожане, и ему знакомы их имена, лица, жизни, отношения, адреса, проблемы, удовольствия и способности. Они нуждаются в проповедях служителя, и, признайте это, служитель нуждается в них. Он ожидал их присутствия в воскресенье, и это ожидание побудило его провести много часов за занятиями. В среде актеров принято говорить на генеральной репетиции: «Пьеса нуждается в зрителях», — так и проповедник осознает, что проповедь нуждается в слушателях. Но в театре зрители не знают актеров, и актеры не знакомы со зрителями; в церкви же все иначе. Какой прок будет, если вы вообразите, что это не так, вообразите слушателей как аудиторию?

А смысл в этом следующий: посмотреть на слушателей со стороны, чтобы понять и принять их самих по себе и в себе, а не во взаимоотношениях со служителем. Человеку вообще свойственно, и это в особенности видно в поведении служителей, оценивать и определять людей в зависимости от их отношения к нам. В церкви некоторым членам нравится проповедник, другим нет; одни любят проповеди, другие не любят. С течением времени эти факторы все больше влияют на оценку прихожан служителем. Когда проповедник готовится к проповеди, он может предвидеть, кто что любит, кто чего не любит. В ходе этого процесса обычно забывают, что люди эти остаются собой независимо от их отношений с проповедником или мнения проповедника о них. Система ценностей человека не зависит от одобрения другого человека. Служители знают об этом лучше, чем кто-либо, однако привязанности и неприязнь, и личные отношения оказывают влияние на проповедь.

Поэтому, для здоровой проповеди важно ненадолго посмотреть на аудиторию со стороны, напомнить себе, что те, кто слушает проповедь, являются собой и имеют свою ценность и свои потребности независимо от своего отношения к проповеднику и связи с ним. Это работает примерно так: вы садитесь за стол для подготовки к проповеди и говорите: «В следующее воскресенье слушать проповедь

придут мужчины, женщины, молодежь и дети, которых я не знаю. Их жизнь и их опыт полностью принадлежат им независимо от того, кто я и что я делаю». Сказав это, вы берете лист бумаги и записываете, что вы можете предположить об этих слушателях. Этот список очень важен, потому что он дает вам портрет людей, к которым вы обращаетесь в проповеди. Достаточно ли пунктов содержит список, чтобы проповедь чему-то соответствовала, чтобы она реально что-то затронула?

Медленно продвигаясь в этой практике, постепенно вы замечаете, что слушатели не совсем незнакомцы. Это творения Божьи, каждый из них. Фактически, это венец Божьего творения, Его шедевр. Когда Бог посмотрел на небо, море, горы, на рыб, цветы и белок, на водяных черепах, зебр и гусей, Он сказал: «Это хорошо». Когда Бог посмотрел на мужчину и женщину, Он сказал: «Это как зеркало; они сотворены по Моему образу». Некоторые слушатели не знают этого о себе, другие забыли об этом, но проповедник знает, и это видно из проповеди. Во всех слушателях образ Божий искажен, в некоторых больше, чем в других, но все равно в них сохранилось слабое воспоминание об Эдеме. Поэтому, когда проповедник говорит о любви и ненависти, о доверии и подозрительности, о зле и добре, о прощении и начинаниях, слушатели узнают эти темы, даже если никогда раньше не были в церкви. Проповедь пробудит в них подводные течения страха и желания, надежды и отчаяния, свойственные всем людям. Пробудившись, они смогут воспринимать проповедь твердо и в благодати.

Проповедник знает также, что, независимо от того, кем являются слушатели, они хотят, чтобы их воспринимали всерьез. Это не значит, что они не потерпят шуток. Юмор — это комплимент им, но у них нет времени и желания выслушивать глупости. Это особенно относится к их слабостям и грехам. Нет ничего более мучительного, чем когда к твоим промахам и ошибкам, которые постоянно служат для тебя источником разочарования, относятся легкомысленно или не замечают их в сравнении с великим мировым злом. Не очень приятно, когда благодать изливают на вас, как сироп, без диагноза,

без рекомендаций для исцеления, без помощи в исправлении ошибок. Как бы то ни было, проповедник знает, что слушатели быстро распознают разницу между серьезным отношением и негативной или осуждающей оценкой.

Еще один момент, связанный с этой незнакомой аудиторией, является в поле зрения. Они все ищут опоры, ищут места, где чувствовали бы себя, как дома. У многих из них земля уходит из-под ног не только из-за обстоятельств, но из-за невыполненных обещаний, обманутых надежд и подорванного доверия. Они очень чувствительны к малейшей попытке обмануть их, манипулировать ими или поживиться за их счет. Однако то, что они пришли, может быть расценено как открытость, готовность к тому, что в этом месте, среди этих верующих, в словах этого проповедника они найдут новую возможность доверия, и это доверие даст им возможность обрести новую опору в отношении к жизни и миру.

Эти слушатели перестают быть незнакомцами для служителя. Их ожидания от проповеди — те же, что и у всех, кто сидит перед любой кафедрой мира. Они хотят услышать о старом, но в то же время новом пути, который будет не только интересным, но и поможет им увидеть старый пейзаж новыми глазами. Слова могут быть составлены в предложения и объединены в параграфы, слова могут быть религиозными, библейскими и истинными, но все равно ничего не сказать. Они не открывают ни окна, ни двери, не зажигают огня, не дают опоры. Они произнесены, они накапливаются перед кафедрой и выметаются с мусором в понедельник утром. Не бездумно: смотритель осторожно прикасается к ним метлой, чтобы определить, а вдруг какое-то из них еще живо. Но нет; как Лазарь, они уже четыре дня как мертвы, а еще только понедельник. Значит, в воскресенье, когда они произносились, они были уже... О да!

Так что же нужно аудитории, красочного выступления? Нет, им нужно откровение. Возможно, будет найдена свежая перспектива, которая позволит им взглянуть на их жизнь, их брак, учебу, работу и их мир через линзы Писания и богословия. Эта перспектива будет искупительной альтернативой фаталистической и циничной вере, нужно только указать ее им.

Портрет слушателей, рисуемый проповедником, — больше чем обобщенный набросок; к списку, который теперь озаглавлен: «Что я знаю о тех, с кем незнаком», добавляются новые детали. Еще один пункт: это свободные люди, значит, они не хотят отвергнуть проповедь, но искренне готовы принять ее. Проповедь поэтому не должна загонять их в угол и лишать всякой защиты, кроме гнева. Также проповедник не должен влиять на отклик слушателя, вставляя в проповедь фразы типа: «Конечно, все согласятся, что...» или «Я знаю, вам это не понравится, но...». Проповедь должна быть такой и сообщаться так, чтобы слушатели знали: проповедник понимает, что выбор между «да» и «нет» должен быть свободным, если он ждет от них искреннего отклика.

Но список, короткий или длинный, неполон, если в нем нет желания слушателя предстать перед Богом. Он ждет этого от проповеди, так же как от всего богослужения. В конце концов, все происходит перед Богом. Проповедь, следовательно, должна содержать моменты, вызывающие ощущение чудесного, трепет. Это чувство может быть не совсем уютным. Некоторые могут сказать: «Я не имею права находиться здесь», а другие почувствуют себя в святом месте более дома, чем где-либо. Но, если в проповеди присутствует алтарь, все смогут сказать: «Это не что иное, как дом Божий, это врата небесные».

Если слушатели смогут уйти с проповеди, не чувствуя себя униженными; если их самооценка укреплена или восстановлена; если любовь и благодать Божьи кажутся им доступными и реальными; если они убеждены, что покаяние и вера угодны Богу; если они стали внимательнее к другим и стали больше жаждать жить по завету, тогда даже незнакомцы скажут проповеднику: «Вы нас хорошо понимаете».

Слушатели как паства

Мы поговорили о слушателях как аудитории, пытаясь воспринять их как незнакомцев, то есть как личностей, не более и не ме-

нее. Другими словами, как *аудитория* слушатели воспринимаются так, как воспринял бы их заезжий проповедник. Как *паства* слушатели воспринимаются пастором, который их знает.

Пастор-проповедник должен иметь в виду, однако, что сказанное о слушателях как аудитории не перестает быть истинным и правильным, когда он ступает теперь на знакомую почву. Иногда полезно воспринимать знакомое со стороны. Мы не подменяем одно восприятие другим, но основываемся на том, что истинно для всех людей. К этому пониманию можно прибавить конкретные детали опыта, обстоятельства и отношения, а также имена, лица и адреса. Слушатели — не только люди, это личности, семьи и общественные группы. Проповедник понимает различия между ними и отражает в своих проповедях.

Ни одна община не является однородной, даже в маленьком селе, где она состоит в основном из членов трех семейств. Это касается не только возраста, образования, дохода и личного опыта, но и позиции по отношению к христианской вере, занимаемой всем собранием. Некоторые слушатели совершенно некритически воспринимают все стороны христианского учения, в том числе и мнение о Писании. Проповеди, которые рассматривают проблемы такого рода, как задаваемые самим проповедником, так и интересовавшие ученых в течение веков, удивят их. Другие члены паствы пытаются прийти к своей собственной вере, обращая большое внимание на то, что говорится в церковной школе и с кафедры. Они хотят понять проповеди, и не очень уверенных проповедников могут смутить своими вопросами, проверками, желанием большего. Следует отличать таких слушателей от тех, кто старается избавиться от старых верований, которые мешают новому образу жизни. Некоторые же прихожане не воспринимают христианские верования и традиции серьезно. Они и не пытались это делать или отказались от попыток увидеть разумную связь между исторической верой и образом жизни в их мире. По воскресеньям они ходят в церковь, некоторые — с поразительной регулярностью по причине семейных обычаев, общественных установок, памяти или чувства. Нет необходимости го-

ворить, что такие слушатели — громадное испытание для проповедника, потому что на самом деле они не слушают.

Говорить о слушателях как о пастве значит много внимания уделять их отношениям друг с другом и со служителем. То, что между служителем и паствой существует очень сильная связь, во многих отношениях замечательно, иногда эта связь поддерживается в течение долгого времени почти чудесным образом. В конце концов, вера для многих людей — взрывоопасная область, и споры между различными конфессиями — одни из наиболее ожесточенных в нашем обществе. Кроме того, служитель может быть связан с прихожанами множеством способов: он может следовать за ними, вести их, подталкивать, противостоять. Но отношения существуют, и одна из характеристик их сложной природы, непосредственно и мощно влияющей на проповедь, — это знание слушателей, которое приобретает служитель.

Понимание слушателей как личностей и членов общества позволяет служителю проповедовать с силой и эффективностью, на которую не способен заезжий оратор, независимо от его навыков, убеждений и репутации. Как бы ни утверждали обратное, наиболее влиятельными проповедниками того или иного поколения были пасторы, имена которых мы можем никогда не узнать. Это не комментарий об ораторских навыках и не благословение работы пасторов на кафедре. Это, скорее, признание чрезвычайной важности знакомства со слушателями, которое дает проповеди незаменимый источник силы: соответствие потребностям людей. Многие хорошие в других отношениях проповеди не вызывают отклика, потому что бывают обращены не к тем людям не в тот момент. Все мы знаем, что нет ничего более оскорбительного, чем комментарий или поведение, неуместные в конкретных обстоятельствах, несвоевременные или не подходящие в присутствии конкретных людей. С другой стороны, кого из нас не волновало и даже не изменяло уместное, вовремя сказанное слово? Прихожане могут попросить повторить проповедь, размышления на похоронах или на свадьбе не потому, что их проповеднику хорошо они удаются, но потому, что

в данной конкретной ситуации «это было так уместно». Как бы ни определяли мы Слово Божье, это выражение должно звучать: «уместно». Оно должно соответствовать, подходить, вот верное выражение: Слово подходит к слушателю и вступает с ним в контакт.

Однако надо заметить, что вообще знакомство служителя с соборанием не равнозначно пониманию. Как мы знаем, знакомство может ослеплять человека и мешать истинному познанию и пониманию. Служитель никогда не сможет проводить с паствой достаточно времени, чтобы ему не нужно было задать очень простые, но жизненно важные вопросы в процессе подготовки к проповеди.

Кто будет слушать проповедь? Никакой общий ответ здесь не подходит; закройте глаза и представьте себе людей на скамьях. Вы сможете ясно их увидеть, потому что они каждую неделю сидят на тех же местах. Вспомните имена слушателей, произнесите их. После нескольких минут этого упражнения скажите себе: «Это люди, которым я несу послание». Если пастор много лет проповедует с одной и той же кафедры, это упражнение станет простым и привычным? Возможно, но, если пастор прекратит его проделывать, страдает и он, и прихожане. Конечно, нет сомнений, что к вопросу надо относиться внимательнее, когда вас приглашают проповедовать перед другой группой: студентами колледжа, другими служителями, друзьями и семьей покойного, общественными деятелями, молодежной конференцией.

Когда вашу проповедь будут слушать? Это не пустой и не бессмысленный вопрос. Если это обычное богослужение, вы сразу знаете, кто будет на ней присутствовать и какими будут их ожидания. Проповедь, проходящая в привычном контексте, пользуется преимуществами надежности и удобства, в то же время, привычный шаблон стоит нарушать, чтобы привлечь внимание новизной. Если проповедь читается во время службы на закате солнца или на регулярном служении рано утром, вопрос: когда? — помогает вам представить себе особые факторы, связанные с аудиторией и контекстом. Каждый служитель знает, что одинаковые проповеди в 9.00 и 11.00 утра вовсе не идентичны. А если эта же проповедь будет читаться поздно вечером, она должна быть произнесена совсем в дру-

гом ключе. Любая деятельность после захода солнца отличается от дневной. Мы можем сосредоточиться на различии, размышляя об обеде и ужине, дневных и ночных праздниках, дневных и ночных концертах. Подумайте об этом; слова «после захода солнца» многое говорят о том, как люди будут добираться в церковь, идти от автомобильной стоянки до здания, входить из тьмы в безопасное освещенное пространство, не говоря об их одежде и физической усталости после трудового дня. Никодим пришел к Иисусу «ночью». Хитроумные политики делают изменения в своих речах в зависимости от времени их произнесения; утренние речи, дневные речи и вечерние речи заметно отличаются друг от друга. В предисловии к книге Джеймса Эйджи *Сейчас давайте славить знаменитых* (James Agee, *Let Us Now Praise Famous Men*, Houghton Mifflin, 1960) автор просит, чтобы ее читали ночью и вслух. Эти наставления говорят о чутком внимании к стилю изложения, которым часто пренебрегают проповедники.

Где будут слушать вашу проповедь? Если вы серьезно отнеслись к первым двум вопросам, вы уже об этом подумали. Будь это здание церкви, зал собраний общины, часовня, актовый зал школы, банкетный зал ресторана или светская аудитория, этот факт должен отразиться на подготовке и повлияет на длину, настроение, вес и в особенности вступление проповеди.

Здесь мы намереваемся помочь проповеднику воспользоваться преимуществом знакомства со слушателями, быть осторожным и не утратить этих преимуществ, не позволить смутной фамильярности вытеснить ясное и конкретное понимание. Есть три основных метода, с помощью которых служитель узнает слушателей.

1. *Формальный.* Проповедник не вдается в другие аспекты служения и должен быть постоянно эффективным на кафедре, с которой он узнает прихожан в процессе постепенного усвоения. Здесь важна инициатива и готовность к контакту хотя бы для того, чтобы разрушить свойственные нам стереотипы. Мы можем этого не осознавать, но книги, фильмы и телевидение способствовали тому, что у нас сложился образ сельских жителей гор Аппалачи, горожан

Нью-Йорка, пенсионеров из Флориды, политиков из южных графств, расточительных техасцев и странных обитателей Калифорнии. Помимо повторения наших семинарских уроков по сельской или городской социологии, надо побольше читать. В большинстве публичных библиотек и библиотек высших учебных заведений хранятся краткие обзоры истории района, иногда — области и города. В торговой палате обычно имеется много статистической информации о местном обществе. Местная газета является кладезем сведений о жизни и смерти, и сопутствующих ритуалах. Например, фраза из некролога: «Хотя покойный прожил всего двадцать лет, у него было много друзей», — скажет вам многое о местном обществе. Конечно, надо особо тщательно изучить историю местной церкви и списки ее членов.

Несколько бесед с основными персонажами вскоре после прибытия помогут вам быстрее войти в ритм эффективной пасторской и проповеднической деятельности. Следует побеседовать с владельцем похоронного бюро, главой полиции, сотрудником торговой палаты, директором школы и опытным пастором другой церкви. Скоро у вас создается ясное представление о горожанах, в том числе и прихожанах: чем они зарабатывают на жизнь, как они проводят свободное время, как относятся к себе и другим, что они больше всего любят, чего боятся, кому принадлежит официальная власть и кому она принадлежит реально — на все эти вопросы надо найти ответ. Конечно, придется подождать дальнейшего опыта и наблюдений, чтобы решить, верно ли ранее впечатление, основано ли оно на фактах или предубеждениях, или на том и другом.

2. *Неформальный.* Каждый день мы контактируем со многими людьми, и у нас есть множество возможностей наблюдать за деятельностью и взаимодействиями тех, кому мы служим. В некоторые из этих контактов служитель вступает намеренно и целенаправленно, например, в случае со свадьбой, похоронами, посещением больницы или душепопечительной беседой. В других случаях его участие менее официально, например, при посещении общественных, гражданских и развлекательных событий, но во всех ситуациях служитель должен слушать и наблюдать. Это не значит, что служи-

тель должен лишь сидеть в сторонке и наблюдать за разворачивающейся жизненной драмой, как зритель. Не хотим мы и намекнуть, что проповедник должен двигаться среди народа, как пылесос, вбирая в себя интересные истории и примеры для воскресной проповеди. Быть служителем, значит быть одним из обитателей города, гражданином, вождем, облеченным ответственностью, тем, кто принимает на себя вину и заслуги за качество жизни в данном месте. Служитель проповедует не только *для* общества, но *в* обществе и *от имени* общества. Мы имеем в виду, что служитель больше, чем кто-либо другой, имеет возможность понять людей. Благодаря своему образованию, профессиональным навыкам, интересу и любви к людям и особому праву проникать в сердца, дома и общества, которое имеет священнослужитель, пастор может отразить в своей проповеди саму жизнь, с ее глубочайшими потребностями и радостями.

Поняв течение жизни общины, ее отношение к себе и к миру, ее ценности, ее страхи и надежды, служитель может объяснять слушателям кто они, подвергнуть их жизнь евангельскому осуждению и благословению. На этом уровне проповедь обладает реальной властью и оказывает длительное влияние на человеческую жизнь. Проповедник, для которого связь с общиной является лишь источником анекдотов, всем понятных шуток и гомилетических примеров, действует на другом уровне. На этом уровне существует искушение использовать все, что ты узнаешь, иногда доверенно лично, чтобы расположить к себе, подчинить, очернить, внушить страх или принудить с высоты кафедры. Довольно часто происходит такое насилие над человеческим духом, и его последствия трагичны, пусть это служит для вас предупреждением, и нет смысла говорить об этом что-либо еще. Конечно, проповедь может включать в себя конкретные и частные примеры прекрасного и безобразного, истинного и ложного, добра и зла, но никогда нельзя нарушать доверие, смущать или принижать человека, никогда не говорить в ином духе, кроме пасторского, всегда — словно в присутствии Христа. Иначе проповедь вырождается в сплетни.

3. *Сострадательное воображение.* Сострадательное воображение — это метод, с помощью которого можно в значительной степени понять другого человека, с которым ты лично не знаком. Отсутствие опыта общения в некоторой степени компенсируется способностью взглянуть на человека с определенного расстояния. Иногда люди попадают в ловушку личного опыта, который мешает им воспринимать человека вне какого-то события, но сопереживающий может видеть все в полезной перспективе. Этот подход, при котором сравниваются люди со сходными проблемами, успешен лишь отчасти, потому что два разных человека не могут пройти через совершенно одинаковый опыт. Двое неизлечимых раковых больных будут переживать все совершенно по-разному; двое людей, которых бросили супруги, обладают разным опытом. Спрашивать совета у кого-то, кто «прошел через это», может быть полезно, но кроха понимания может сопровождаться в таком случае морем горечи.

Сострадательное воображение — эта некая модификация отчасти истинного утверждения, что только те, кто сам там был, могут это понять. Тот, кто потерял ребенка, или болен раком, или был одинок, или был уволен с работы, может все понять с большой искренностью и помочь. Когда кто-то говорит: «Пастор, вы этого не поймете, с вами такого никогда не случилось», — этот человек, возможно, молит о более внимательном отношении к своему горю. Но этот человек может и стремиться защитить свою боль от чьего-то понимания, чтобы продолжать поддерживать иллюзию, что только один человек в истории человечества так страдал, и именно ему суждено быть этим человеком. Эта иллюзия — источник определенного удовольствия в тяжелой жизненной ситуации, и ее не поколебать, если не решить помочь человеку вернуться к реальности.

Если человек — служитель, это не значит, что он автоматически обладает сострадательным воображением, не научиться этому и в семинарии. Фактически, даже долгие годы служения сами по себе не могут выработать это качество. Опыт общения с людьми может только привести к повышению черствости. Что касается других качеств, необходимых для пастора, то он должен быть сознательным,

работать над собой, над своей собственной защитой от нападений, которая может повредить окружающим, над своим нетерпением и стремлением осуждать, над своим желанием успеха, пробиться к которому мешает человеческая непонятливость. Пока проповедник не поймет, какая связь существует между остановкой для того, чтобы подобрать заблудших и увечных, и маршем на Сион, не существует формулы, с помощью которой можно заставить работать сострадательное воображение.

Не стоит и говорить, что незаменимыми ключами к пониманию служит умение слушать и наблюдать; полезно также чтение произведений тех, что подверг человеческое поведение более внимательному исследованию, подкрепленному проверенными инструментами анализа и обработки результатов. Есть еще простое упражнение, которое помогает не утратить чувствительность и сострадательное понимание тех, для кого проповедует служитель. Это упражнение отнимет у вас только несколько минут в неделю, его могут с выгодой для себя выполнять как семинаристы, так и опытные служители. Попробуйте представить себе конкретную человеческую ситуацию на основании всего, что вы слышали, читали, видели, чувствовали и испытывали сами. Делается это так: возьмите чистый лист бумаги и напишите сверху: «На что это похоже?» Под заголовком напишите определение ситуации. Например, это может быть: «хирургическая операция», «одиночество», «внезапное богатство», «исключение из женского клуба», «арест за воровство», «призыв на военную службу», «увольнение», «окончание университета», «покупка квартиры», «неграмотность», «нищета», «четырнадцатилетний возраст». Следующие пятнадцать минут записывайте на листе все мысли, воспоминания, чувства, ситуации, имена, места, звуки, запахи или вкусы, которые придут вам на ум. Сначала процесс будет медленным и неумелым, но вскоре вы станете заполнять страницу быстро и легко. Фактически, вы удивитесь, как много свободных ассоциаций возникнет у вас в связи с конкретным моментом человеческого опыта.

Это упражнение даст вам три полезные вещи. Во-первых, служитель удивится, обнаружив, сколько он уже знает о людях, хоть это еще никак не отразилось ни в словах, ни в интонации его проповедей. Печально, что так много проповедей образованных и способных служителей не обладают той зрелостью, которая возникает только на основании дум и размышлений. Очевидно, надо пожертвовать частью груза обязанностей и деятельности, чтобы выделить время на раздумья. В результате проповеди будут не просто умными, но мудрыми.

Во-вторых, это упражнение даст вам целый урожай идей, историй и даже областей для дальнейшего рассмотрения в проповеди. Конечно, прежде чем допускать в проповедь каракули с этого листа, их надо будет подвергнуть проверке по всем критериям соответствия, но все равно эти темы будут гораздо более жизненны и ценны, чем заимствованные примеры, предваряемые словами: «Часто рассказывают историю...» Да, слишком часто.

И, наконец, чем больше вы будете выполнять это упражнение, тем меньше у вас будет проповедей, которые не затрагивают слушателей или же затрагивают их неожиданным и контрпродуктивным образом. Сострадание и понимание не заставляют проповедника снисходительно относиться к греху или отказываться от пророческого негодования. Нет, понимающий проповедник видит, где находится настоящий враг и с кем надо бороться. Он отказывается от сокрушающего топора и берет скальпель хирурга. Проповедник, который уделит немного внимания упражнению: «Что значит нищета?», не будет больше брать примеры из бесед в самолете на пути в Сан-Франциско или на карибском пляже на закате солнца. Проповедник, который ответил для себя на вопрос: «Что значит быть четырнадцатилетним?», очевидно, не будет проповедовать на основании справочника «Проблемы современной молодежи», в результате чего его церковь, несомненно, покинули бы последние оставшиеся в ней подростки. Эта потеря была бы слишком трагична, чтобы ее мог возместить комплимент со стороны сварливых прихожан, довольных тем, что наконец-то кто-то поставил молодежь на место.

Регулярно уделять время и внимание для понимания слушателей жизненно важно для проповедника. Это никоим образом не уменьшает важность тщательного толкования текста, но и никакая работа над текстом не оправдывает отсутствие такого понимания. Никакая богословская книга, даже написанная с учетом современного мышления; никакой библейский комментарий, даже объясняющий текст для изложения с кафедры; никакой том проповедей, отработанных и готовых к изложению, не представит вам Слово таким, каким его может воспринять конкретная группа слушателей. Только служитель может это сделать. Какими ресурсами ни пользовался бы проповедник, проповедь способна пустить корни и расти только на местной почве. Дух Святой благословляет такую работу, и в результате каждый слышит свой собственный язык (Деян. 2:6-8).

Глава шестая

Истолкование: текст

Мы еще не подошли к обсуждению подготовки к проповеди. Мы сейчас говорим о поиске темы. Когда этот процесс будет завершен, мы приступим к оформлению послания в проповедь, это следующая, совершенно иная задача. Назначение этой главы — обозначить один из методов слушания текста, или, в более активном плане, к истолкованию текста. Мы говорим «*один из методов*» сознательно, потому что не существует единственного правильного способа толкования текстов. Некоторые шаги — общие для всех методов тщательного изучения, но, в конечном счете, каждый должен выработать метод, соответствующий не только природе исследуемого материала, но и индивидуальному восприятию исследователя. Жизненно важно, чтобы ваша процедура плавно вела вас по тексту и через него, чтобы вам легко было следовать этому пути почти бессознательно. То есть человек должен исследовать текст, не осознавая отдельных предпринимаемых им шагов. Метод становится наиболее плодотворным, когда превращается в привычку и вы чувствуете себя в нем уютно, как в старом любимом свитере. Привычка, которую обычно критикуют, часто способствует проявлению талантов и дарований занятых и творческих людей. Будет также неплохо время от времени сознательно оценивать метод подготовки в свете новых исследований и достижений — но не слишком часто.

Природа процесса истолкования текста в значительной степени зависит от индивидуального понимания связи текста с проповедью. Некоторые проповедники, выводящие содержание проповеди прежде всего из тем, вопросов и случаев, вероятно, не будут уделять большого внимания исследованию текста. Так как текст Писания

читается на богослужении, они могут выполнить свои обязанности, внося вклад в создание атмосферы и наметив преемственность традиции. Поэтому текст для них звучит как фоновое музыкальное сопровождение или народный припев к публичному действию. Достаточно, чтобы мотив звучал и ритм отбивался; знание слов или исторического контекста вряд ли необходимо. В проповедях других библейский текст имеет более непосредственное отношение к проповеди. В некоторых случаях текст порождает тему проповеди, в других — используется во вступлении, он может управлять образным рядом или языком проповеди.

По мнению подавляющего большинства, некоторые из перечисленных типов проповеди могут называться библейскими, особенно если проповедь усеяна цитатами из Писания. Каковы бы ни были намерения проповедника, однако в таком случае внимание к тексту скорее иллюзорно, чем реально. Дело не в количестве стихов Писания; проповеди, несущие тяжкий груз цитат, от Бытия до Откровения, обычно рождаются в результате увлечения проповедника использованием симфонии, и это обольщение симфонией передается от него к слушателям. Внимательный слушатель, тем не менее, почувствует, что ни один из процитированных отрывков не был исследован серьезно. Здесь мы затрагиваем важнейший богословский вопрос авторитетности. Проповедник обязан, несмотря на предпочтения прихожан, задавать себе и отвечать на следующие вопросы: что делает мои проповеди авторитетными? Если это авторитет Писания, каким образом он проявляется? Как я должен готовиться, чтобы выходить на кафедру с уверенностью, что мое понимание библейской проповеди применено искренне и состоятельно?

Человек не может ответить на эти вопросы за другого; истинные ответы приходят в результате усилий. Как бы то ни было, очевидно, что ни один проповедник не может занять достаточно твердой позиции, если не исследует со всей серьезностью текста Писания. Здесь мы предлагаем лишь один вариант такой попытки. Процесс, который при применении покажется непрерывным, здесь будет

представлен шаг за шагом с соответствующими комментариями и примерами, где это будет необходимо.

1. Выбор текста

Выбор текста обычно делается одним из двух способов: проповедник выбирает его сам или на основании лекцио-нария. Когда выбор делает проповедник, возникают один или больше принципов выбора: это может быть произвольный выбор текста из любого места Писания под влиянием личных факторов или факторов пасторской деятельности; выбор может быть продиктован определенной темой или проблемой; текст может поддерживать некую церковную программу; или же это может быть серия проповедей о книгах Библии или основных ее темах. Все эти методы, кроме произвольного выбора, требуют планирования проповедей заранее или составления расписания. Защитники произвольного выбора обычно говорят, что пастор обязан быть актуальным и отвечать потребностям паствы, как только они возникают, а эти потребности нельзя предвидеть заранее. На самом деле предположение, что спланированные проповеди не могут отвечать непосредственным нуждам людей, не подкрепляется доводами и практикой. Некоторые служители, которые следуют произвольному методу, признаются, что не знают, о чем проповедовать, когда никаких специфических нужд не возникает. Так можно дойти до того, что мечтать о возникновении проблемы хотя бы в четверг, а потом рассматривать ее поспешно, без адекватной подготовки, выходя на кафедру с материалами, которые лучше подошли бы для частной беседы, под влиянием личных и субъективных факторов и с любимыми примерами из Писания, которые единственно вы могли вспомнить ввиду неизбежной близости воскресенья. Забота пастора о духовном меню прихожан теряется в лихорадочных попытках найти «что-то для воскресенья». Но и приверженцы этого метода знают, что, если повар любит кабачки, это не дает ему права подавать их три раза в день.

Как мы увидим более детально, обсуждая метод использования лекционария, планирование проповедей по неделям и месяцам имеет некоторые явные преимущества, не говоря о том, что избавляет служителя от еженедельных тревог по поводу темы проповеди и дает пастве возможность получить более сбалансированное духовное питание. Проповеди, которые растут и зреют в течение какого-то времени, обычно лучше с гомилетической, богословской и библейской точек зрения — и свободнее излагаются — чем те, которые составлены за день или несколько часов до выступления. Кроме того, те, кто работает вместе со служителем, помогая ему готовить молитвенную службу, могут заняться именно этим, то есть помогать служителю, а не ждать телефонного звонка, надеясь, что пришедшая ему в откровении тема проповеди не разорвет все служение надвое, как завесу храма.

Основная причина, по которой запланированная заранее проповедь получается лучше, чем та, что посажена, полита и принесла урожай в течение недели — это сбор материалов в процессе подготовки. Предположим, что у проповедника на столе лежит блокнот, в котором на каждой странице проставлены дата, ссылки на текст или тексты и тема проповеди. Так распланированы все проповеди на ближайшие три, шесть или двенадцать месяцев. Конечно, со временем тексты и темы становятся более специфичными, но с таким усовершенствованием можно не торопиться. К этим страницам добавляются проповеди к специальным датам (рождественским праздникам, Пасхе, Пятидесятнице), отдельные замечания к конкретному воскресенью, программы, запланированные на некоторые из них (Неделя сострадания, Всемирный день молитвы, Всемирное причастие), и прочие заметки пасторского или богословского характера. Время от времени эти странички, по крайней мере, несколько следующих событий, подвергаются пересмотру. Вы читаете библейский текст, записываете непосредственные вопросы, идеи, чувства и воспоминания. Больше ничего, пока не наступило время серьезной подготовки. Однако несколько текстов и несколько идей в зачаточном состоянии должны твердо зафиксироваться в созна-

нии. Тем временем, читая, смотря телевизор, работая с материалом, играя, разговаривая или занимаясь иной деятельностью, вы все время помните об этих текстах и идеях, которые, как магнит, притягивают родственные идеи и замечания. Все это записывается на соответствующих страницах. К моменту приближения конкретного воскресенья страничка заполнена заметками проповедника, они взяты из разных источников, часто мало связанных друг с другом, но эти идеи ценны и многообещающи. Такое начало не только делает более увлекательной непосредственную трудную подготовку, но и закладывает ее основы.

Представим себе проповедника, который не следует этому методу. Воскресенье приближается, а служитель, взирая на совершенно не вдохновляющий проповедника предмет — чистый лист бумаги, начинает поиски. Не раз тихий голос шепчет ему на ухо: «А может, взять что-то из тех проповедей, которые ты слышал на прошлой неделе на семинаре?» или «Там на четвертой полке есть сборник проповедей, почему бы нет?» Поддастся ли проповедник этому голосу и выберет легкий путь, предпочитая не бороться с ангелом, зависит от многих факторов. Тот, кто знает, как дорого обходятся промахи, будет копать глубже, ложиться спать позже и стараться вести более дисциплинированную жизнь.

Вероятно, у читателя уже возникло возражение: а если в обществе произойдет какое-то важное событие, которое привлечет внимание многих прихожан и повлияет на их жизнь? Надо ли следовать проторенной тропе плана и расписания? Конечно, нет. Проповедник управляет планом, а не план — проповедником. Однако и в такой ситуации вам облегчит задачу уже готовая проповедь. Если в церкви или обществе случается кризис или важное событие, у проповедника есть выбор: отказаться от плана или следовать ему. Кризис можно сопоставить с проповедью, над которой уже ведется работа. Если он достаточно важен, чтобы изменить ваши планы, значит, он заслуживает рассмотрения с кафедры. Это вполне разумный критерий для принятия подобных решений. Если же у проповедника нет плана и никакая проповедь не зреет в его сознании, малейший шум в обществе прозвучит как удар грома для его слуха, а

мельчайшее волнение будет подобно землетрясению, если лист на столе проповедника чист. В вакууме отсутствия планирования ему не с чем будет сравнивать важность события для изложения с кафедры, он набросится на него поспешно и произнесет еще одну «журналистскую» проповедь. Если же вы решите отказаться от запланированного, чтобы поговорить о внезапном происшествии — а потребность этого будет, пока случаются торнадо, наводнения, пожары и столкновения поездов со школьными автобусами — вы скоро обнаружите, что годы планирования и планомерного исследования окупаются. Запасы наработанных тем и мыслей, пусть они и не касаются данной конкретной проблемы, окажутся под рукой и будут вам полезны. И проповедь, которая кажется внезапной, на самом деле внезапной для вас не будет.

Все большее количество служителей следуют лекционарию в своем проповедническом служении. Для некоторых это неизменная процедура, другие допускают вариации и отклонения, третьи произвольно выбирают тему каждую неделю. Лишь очень немногие служители по традиции и личному убеждению относятся к лекционарию критически, но считают актуальные и краткие комментарии лекционного текста очень полезными для проповедей по тем текстам, которые они выбирают сами.

Для тех, кто не знаком с лекционным, скажем, что он состоит из четырех лекций или чтений на каждое воскресенье и особые праздники (такие как «Пепельная среда», Рождество, страстная пятница); чтения из Ветхого Завета, псалма, чтения из послания и чтения из Евангелия. Эти чтения организованы по принципу трехлетнего цикла и преследуют цель, чтобы на богослужениях в церкви за трехлетний период прозвучали все основные темы христианской веры. В древности прецедент существовал в иудейской синагоге, где на трехлетние циклы разделялось чтение еврейского Писания (традиция некоторых синагог была рассчитана на один год). Как следовало ожидать, чтению из евангелий уделяется больше внимания, чем всем остальным текстам. На период с Рождества до Пятидесятницы большая часть лекционариев старается предлагать

для каждой службы стихи, обладающие тематическим единством, хотя обеспечить такое единство непросто. После Пятидесятницы попытки унифицировать значение стихов уступают перед длительными чтениями, которые растягиваются на несколько воскресений, приглашая к проповедям по большим объемам материала, например, 3 Царств, Исаяи или Марка. Большинство современных лекционных основано на древних, а новые лекционные обычно стремятся одним разом охватить все основные ценности из предшествующих лекционных.

Преимущества следования лекционарию те же, что и описаны выше по отношению к спланированному расписанию проповедей, но есть и другие. Лекционари обеспечивает то, что паства вместе с проповедником будет слушать, а во многих случаях и читать много библейских текстов. Существует странное противоречие: во многих церквях, которые претендуют на то, что основаны на Библии, и в названиях которых есть слово «Библия», чтение Писания фигурирует только в виде тех кратких цитат, которые проповедник использует в проповедях. Здесь, вероятно, пора сделать паузу и напомнить себе об очевидном: собрание, которое пользуется лекционным, будет предпринимать больше сознательных усилий для повышения качества публичного чтения Писания. Рост внимания к чтению повлияет на отношение, которое в некоторых церквях уже напоминает ошибку, если не преступление. Помимо множества цитат Писания, лекционари обеспечивает широкие возможности для публичного чтения и проповеди, вероятно, большие, чем мог бы обеспечить личный выбор отдельного проповедника. Таким образом, кафедра поставлена в рамки канона, который не присутствовал бы, если преобладали личные предпочтения.

Подумаем и о других преимуществах. Лекционный не только создает основу для молитвенной службы, в том числе и проповеди, которая от нее неотделима, но также объединяет молитвенную жизнь и мысли христиан в церкви и дома. Семья, которая пользуется лекционным для поклонения и исследований, более подготовлена и активнее участвует в жизни собрания. Фактически, семьи, члены которых ходят в разные церкви, часто могут потом обсудить

проповедь вместе, потому что их собрания пользуются для молитвы и проповеди одним лекционным. Служители малых приходов все больше пользуются лекционным как основой для поклонения, изучения Библии и организации плодотворных обсуждений проповедей. Неожиданной положительной стороной для многих проповедников оказалось понимание факта, что лекционный закладывает прочный и широкий фундамент как для изучения Писания, так и для церкви вообще, так как он отражает голос церкви, рассматривая ее критические и иногда взрывоопасные проблемы. Проповедник все равно несет ответственность за то, что произносится с кафедры, основывается он на лекционном или нет, однако использование больших фрагментов Писания, выбранных не по произволу служителя, напоминает церкви о ее собственной традиции и вере лучше, чем голос проповедника. Такая проповедь не только продолжает пророческую традицию, но и действует более мощно, она не рождается и не умирает в индивидуальном мнении служителя.

2. Первое чтение текста

Текст Писания, на котором будет основана проповедь, надо прочесть несколько раз про себя и по меньшей мере один раз вслух в том переводе, который наиболее точно передает значение еврейского или греческого текстов. Конечно, полезно использовать оригинальный язык, если вы на это способны. Однако не будем слишком требовательны и не будем пытаться воскресить то, что умерло задолго до Лазаря.

Первое чтение — это спонтанное, почти наивное проникновение в текст. Ум и сердце открыты и готовы к восприятию без предвзятости, без мысли о содержании проповеди. Это время, чтобы послушать текст, подумать, прочувствовать, вообразить и задать вопросы. Не торопитесь отвечать на них; не доверяйте памяти и не спешите, взвесьте свои мысли, проверьте их ценность. Это самая приятная часть процесса, но пусть его приятность вас не обманывает: началась серьезная подготовка. Ни в коем случае не пользуйтесь

на этом этапе другими книгами или методами исследования, у вас еще будет возможность использовать их позже. Вторая по величине ошибка после отсутствия достаточной подготовки — это чрезмерное использование второстепенных источников на раннем этапе подготовки. В какой-то момент они необходимы, но, если открыть их слишком рано, они вытесняют текст. Они подавляют проповедника, устрашают его. В конце концов, кто осмелится выдвинуть свою мысль или толкование, если ему противостоят шесть всемирно известных исследователей Библии? Они встанут между текстом и проповедником и начинают все объяснять. Некоторые проповедники, тратящие много времени на исследования, признаются, что проповедуют на тексты, которые даже не читали в процессе подготовки.

Во время первого чтения происходит несколько важных вещей. С открытого и усердного проникновения в текст начинается процесс усвоения послания, которое станет темой последующей проповеди. Кроме того, проповедник отождествляет себя со слушателями, которые тоже придут слушать текст без пособий, только со своими мыслями, чувствами и потребностями. Служитель, читающий текст, как пастор и проповедник, неизбежно должен чувствовать себя одним из прихожан, а не одним из ученых. Позже он окружит себя словарями и комментариями и займет место среди докторов, задавая вопросы и отвечая на них. Однако, скорее всего, интересующие его вопросы возникнут из самого текста при первом его прочтении. Так же вероятно, что эти первые заметки будут более полезны, чем все введения в проповедь. Почему бы и нет? В конце концов, именно так проповедник начинает проникаться текстом; собрание тоже благополучно пойдет этим путем. Мы настоятельно предупреждаем вас против вступлений, что требуют от слушателей начать с вывода, к которому проповедник пришел после многих часов исследований и размышлений.

Опять же подчеркнем, что это начало работы с текстом будет невероятно полезно позже, когда вы будете советоваться с вторичными источниками. В тексте поднимаются вопросы, которые развиваются в этих книгах, поэтому эти книги — слуги, а не хозяева.

Служитель, знающий текст и потративший на него какое-то время, с большим доверием открывает книги и обращается к ним, в противном случае они могут показаться ему принадлежащими к иному миру. Теперь же служитель относится к ним как к коллегам, а не смотрит на них снизу вверх: да, мадам, нет, господин.

Лучше всего начать это упражнение прямо сейчас. Если читатель не хочет взять какой-то другой библейский стих, мы предлагаем три отрывка для чтения и изучения. Мы выбрали именно эти отрывки, предполагая, что они могут дать много идей сразу; по меньшей мере, на ряде семинаров по проповеди они вызвали такую реакцию. Некоторые тексты не такие жизненные и требуют больше работы, чтобы проникнуть в их суть, но эти достаточно прочесть. Не надо делать никаких предположений, строить планы или отвечать на вопросы; читатель остается наедине с текстом (1 Пар. 11:15-19; 1 Кор. 7:32-35; Лк. 9:57-62).

3. Установление точности текста

Проще говоря, установление точности текста означает поиск альтернативных вариантов прочтения входящих в него слов или фраз. Это не относится к разным переводам; конечно, такие разночтения встречаются часто. Варианты прочтения текста вызваны разночтениями в рукописях, на основании которых написаны переводы. В примечаниях к переводу Ветхого Завета иногда может быть написано: «Значение еврейского текста здесь вызывает сомнения», или «Здесь текст непонятен», или же еврейское слово может быть переведено так, что читатель может, если хочет, искать другие его значения. Однако рассмотрение альтернативных рукописей в первую очередь касается Нового Завета, потому что у нас есть около пяти тысяч полных или фрагментарных греческих рукописей.

Этот этап подготовки проповеди или наставления часто пропускают. Некоторые просто не чувствуют себя достаточно подготовленными к исследованиям подобного рода. Для других это вопрос веры: «Я не подвергаю сомнению

Библию». Обычно служители говорят, что квалифицированные ученые многие годы работали над этими текстами и сделали наиболее приемлемый перевод, так должны ли мы заново проделывать эту работу? Это вполне здравая позиция; в конце концов, в синагоге и в церкви всегда были ученые, которые служили общине, сохраняя и передавая следующим поколениям текст без искажений и изменений. Почему тогда проповедник должен тратить время на установление точности текста?

На это есть несколько причин. Во-первых, такого рода внимание к тексту — не подозрительность и не недоверие, но способ проявить уважение. Это важно. Во-вторых, проповедник, который основывается на каком-то тексте, должен быть убежден, что он проповедует по тому тексту, который написал автор. В-третьих, очень важно, чтобы проповедь, как и вся другая работа, делалась добросовестно. Есть настойчивое искушение, оно проникает в кабинет проповедника и постоянно шепчет ему на ухо: «Паства не почувствует разницу». Если Бог знает об этом и служитель знает, то об этом уже знает подавляющее большинство. В-четвертых, существуют случаи, когда выбор варианта текста влияет на *тему* проповеди. Предположим, например, что чтение лекционария к одному воскресенью включает Иоанна 7:53 — 8:11, и проповедник делает примечание: «В самых древних вариантах текста стихи 7:53 — 8:11 опущены». Возможно, кто-то, читая Евангелие от Иоанна, решил, что этот отрывок помещен не на том месте или вообще не нужен. И что тогда? Та же ситуация может возникнуть с проблемным отрывком Марка 16:9-20. Исследование включает в себя не только чтение и размышление; в его ходе надо и принимать решения. В-пятых, все больше и больше прихожан следят за ходом проповеди по своим Библиям. Секретов больше нет. Сплошь и рядом, когда семья снова возвращается к библейским стихам, они замечают в них что-то необычное или сравнивают три или четыре разные Библии, чтобы убедиться, во всех ли присутствует то или иное явление. Потом на неофициальном обсуждении какой-нибудь скептически настроенный и иногда неуважительный одиннадцатилетний мальчик скажет: «Пастор, у нас не такие Библии, как у вас. У нас нет четвертого

стиха в пятой главе Иоанна. Там сразу после третьего стиха идет пятый». В этом есть возможность для наставления и обучения. И наконец, хоть это уже ясно, внимание к тексту и решения, которые надо принимать, повышают уровень доверия к проповеднику, что поощряет дополнительные вопросы и комментарии слушателей. Это же доверие укрепляет способности проповедника к подготовке и изложению. Неуверенность и тревога, порождаемые плохой подготовкой, отражаются в словах проповедника, его голосе, выражении лица и жестах; и чем больше он пытается скрыть это, тем больше это заметно пастве.

Как же тогда установить точность текста, не становясь ученым? Те, кто регулярно работают с греческим текстом, будут не только обращать внимание на варианты, но и будут обладать аппаратом для разрешения спорных вопросов. Хорошее изучение Библии позволит вам выявить больше альтернативных прочтений, чем знакомство только с английским текстом. Здесь надо оценить важность различий. Если вопрос важен, надо обратиться к лучшим комментариям, которые помогут вам принять решение. Однако часто авторитетные комментаторы исходят из предпосылки, что читатель уже знаком с проблемой, и обсуждают ее как с коллегами-учеными. Если служитель чувствует, что такие обсуждения вне его компетенции, или хочет избежать их в будущем, рекомендуем приобрести и держать под рукой *Текстологический комментарий к тексту греческого Нового Завета* Брюса М. Мецгера (Bruce Metzger, *A Textual Commentary on the Greek New Testament*, United Bible Societies, 1978). В этой небольшой книжке перечислены и кратко представлены свидетельства в пользу всех значительных вариантов текста Нового Завета, по книгам, главам и стихам. Греческие слова там присутствуют, но тот, кто не читает по-гречески, может тщательно проработать вступление, это поможет ему, и через некоторое время он многое узнает о греческом тексте.

Остается один вопрос, связанный с установлением точности текста: надо ли включать в проповедь ход этих исследований и их результаты? Служитель должен вновь и вновь отвечать на этот вопрос в каждой конкретной ситуации, но обычно это не проблема для то-

го, кто сделал свое дело и представляет тему ясно. Для таких проповедников этот вопрос связан с гомилетикой и пасторским служением. Если вопрос важен для проповеди, или варианты настолько очевидны, что читающие Библию заметят их, служитель должен сделать соответствующие замечания. Некоторые предпочитают комментировать незначительные текстовые отклонения, используя для обучения момент, который не вызовет кровопролития. Это тоже неплохая практика. Прихожане не только поймут, как возникла Библия, и потеряют уважение к исследователям, которые не добились полной ясности и пытаются как-то «залатать» прорехи Писания, они еще и будут подготовлены к ситуациям, когда искажения вкрадутся в более важный текст. Если вы решите, что комментарии должны звучать с кафедры, очень скоро вы обнаружите, что они помогают вам расчистить место для проповеди. Замечания должны быть хорошо подготовлены, ясны, кратки, позитивны и искренни. Не существует паствы, настолько далекой от изучения Библии, чтобы она не приветствовала новую информацию, которой с ними делится в благодати человек, достойный доверия. Служитель может сказать: «Наверное, вы заметили, что в сегодняшнем чтении из Марка 9 нет стихов 44 и 46», — и в следующую минуту он будет не только проповедником, но пастором и учителем. С другой стороны, не существует паствы, настолько ученой и утонченной, которая оценит комментарии проповедника, не уважающего их хрупкую веру, типа: «Остается только гадать, остается ли хоть одна книга Библии такой, какой ее писал автор». Такое поведение нечестно, безответственно и деструктивно.

4. Определение границ текста

Будет неправильно спрашивать, какой объем Писания следует рассматривать в одной проповеди. Скорее, нужно задать вопрос, является ли выбранный текст единицей, обладающей собственной целостностью и таким образом определяющей суть и границы проповеди. Размытость очертаний библейского текста приводит к раз-

мытости очертаний проповеди. Текст, конечно, будет изучен в своем литературном контексте, но даже в этом случае возможность неправильного понимания контекста и смысла самого отрывка уменьшается, если у текста есть начало и конец, если это не обрывки предложений и мыслей, болтающиеся с обеих сторон. Следует также сказать, что нельзя заведомо считать тексты лекционария выбранными с учетом ясности и конкретности их границ. При их выборе могли учитываться другие критерии; поэтому служитель должен обращать внимание на определенность границ текста даже тогда, когда пользуется лекционарием. Например, в какое-то воскресенье лекционарий предлагает рассмотреть Луки 4:16-21 в качестве чтения из евангелий. Стих 16 — это явное начало мысли, но завершается ли ее развитие стихом 21? Не является ли действительным завершением повествования, начатого в стихе 16, стих 30?

Приведенный выше пример делает ясным, что определение границ существенно важно, а не поверхностно. Давайте рассмотрим два примера. Луки 10:25-37 — это явно завершенный отрывок, как и Луки 10:38-42. В каждом из них содержится ясное и определенное послание. Но предположим, что вы взяли текст 10:25-42. Это более объемный фрагмент, состоящий из двух меньших отрывков, один из них призывает к деятельности и инициативе, другой же — говорит, что иногда лучшей позицией будет оставаться в покое и слушать. Если рассматривать оба отрывка вместе, послание будет отлично от того, которое получится, если рассматривать каждую часть отдельно. Опять же притчи служат хорошим примером важности определения границ. Матфей говорит о том, что «будут первые последними и последние первыми» во вступлении и завершении притчи о работниках на винограднике (19:30 — 20:16), и это перекликается с одной из фраз притчи (стих 8). Если текстом вашей проповеди будет Матфея 19:30 — 20:16, вы будете проповедовать то толкование притчи, которое дает Матфей. Однако, если вашим текстом будет сама притча, 20:1-15, появится иное послание, проблема того, как представить другим щедрость Бога. Опять же, например, понимание притчи о неверном управителе в значительной

степени будет зависеть от деления текста. Прочтите эту историю, начинающуюся с Луки 16:1, как заканчивающуюся стихом 8а, потом — 8б, потом — стихом 9, 12 и 13. Где заканчивается притча и начинается комментарий Луки? От этого будет зависеть то, что вы скажете в проповеди.

Определение границ текста часто позволяет проповеднику выделять и отдельно рассматривать небольшие единицы материала, не боясь исказить значение текста. Не только книги мудрости Ветхого Завета содержат малые единицы, такие, как притчи, которые можно выделять и использовать отдельно, так как их значение не зависит от контекста, есть такие места и в Новом Завете. Послание Иакова — документ христианской мудрости, который почти не поддерживает общей темы, но полон советами, по форме подобными притчам. В евангелиях есть высказывания, сосредоточенные вокруг одного слова или фразы (Мк. 9:42-50) или одной темы, например, молитвы (Лк. 11:1-13). Не будет нарушением смысла, если вы захотите рассмотреть одно из таких высказываний, которое когда-то существовало отдельно, а теперь помещено в свой контекст.

Обычно бывает несложно определить начало и конец отрывка. Проповедник захочет сделать это, непосредственно работая с текстом, а потом может обратиться к комментариям для проверки и поправки сделанного вывода. Так вы будете чувствовать себя свободнее в обращении с текстом. Обычно начало и конец определяются по двум признакам: тематическому и литературному. Общая тема делает 1 Царств 16:14-23 целостным отрывком, то же самое происходит в случае с Матфея 6:25-33 и 2 Коринфянам 9:1-15. Литературный признак — это наличие краткого вступления к материалу (Иер. 11:1), замечания о месте (Мк. 1:32), времени (Мф. 8:28) или ситуации (Ин. 5:1). Часто фрагменты завершаются заключительными утверждениями, подводящими итоги сказанному (Деян. 16:5) или комментирующими описанное ранее событие (Мк. 1:28). В евангелиях и некоторых повествовательных частях Ветхого Завета видно риторическое оформление историй, которые некогда передавались устно. Подобным образом можно заметить литургические признаки (Вт. 26:6-10; Лк. 1:68-79; Флп. 2:6-11).

Теперь проповедник готов вступить в плодотворное общение с авторами комментариев. Проповедник может ожидать от них чего-то существенного, основанного на тексте. Он может пережить новое неудовлетворение, когда книги, которые раньше казались ему ответом на молитву в субботу вечером, окажутся недостаточно глубокими. Но не все потеряно: некоторые из них можно быстро отнести в макулатуру.

5. Рассмотрение текста в нескольких его контекстах

Изучая непосредственно текст и советуясь со словарями, симфониями, атласами, введениями и комментариями, проповедник помещает отрывок, еще совсем недавно изолированный, в соответствующий контекст. Есть три контекста, непосредственно связанных со значением текста:

А. Исторический. Насколько это возможно, проповедь должна отражать время, место и обстоятельства написания текста. Для некоторых библейских документов это восстановить проще, чем для других. Например, проще узнать об отношениях Павла с коринфской церковью, чем определить, кто был автором и читателями Евангелия от Матфея. Но усилия все равно надо предпринимать; этого требует добросовестность и уважение к тексту, не говоря уже о необходимости знать, о чем говорят эти Иеремия, Марк или Павел.

Многие проповедники признаются, что эта задача кажется им бессмысленной и неприятной, и они предпочитают начать работать непосредственно над проповедью. Существует в основном две причины такого отношения. Во-первых, они чувствуют, хоть сами не осознают, немалый дискомфорт из-за несоответствия между историческим исследованием и исследованием для подготовки проповеди. При изучении Библии получается, что историческая наука рассматривает текст как *результат* определенных событий и взаимодействий, в то время как проповедник смотрит на текст как на *причину*, порождающую события и взаимодействия. Нелегко пере-

ходить от одного к другому, и еще труднее — видеть важность обоих моментов. Во-вторых, историческое исследование заставляет нас более остро осознавать, какое расстояние отделяет текст от настоящего времени, за счет этого возникает острое ощущение, что проповедник не приближается к кафедре, а удаляется от нее. Это расстояние — факт, а не иллюзия. Поэтому можно искренне защищать кафедру, приводя пример, что «Усеянное звездами знамя» все равно имеет значение, даже если вы не знаете ничего о войне 1812 года, британской бомбардировке в Балтиморе и ночной и утренней вахте Френсиса Скотта Ки на борту британского судна в гавани. Однако этот аргумент верен лишь отчасти; в конце концов, великая музыка, поэзия и литература обладают самостоятельной жизнью и не зависят полностью от исторического контекста. Однако, кто станет отрицать, что знание обстоятельств написания национального гимна не только предотвратит неправильное понимание строк, но и обогатит их понимание, придаст дополнительное значение таким выражениям, как «обозначились в ночи» и «на берегу, еле различимом». Фактически, именно незнанием исторического контекста может быть вызван тот факт, что средний американец неспособен запомнить слова гимна.

Надо понимать, что историческое исследование вовсе не должно быть попыткой найти твердое обоснование в фактах, чтобы проповедовать с уверенностью, а не искать доказательств в свидетельстве веры, которое содержит сам текст. Напротив, надо прислушиваться именно к свидетельству веры и говорить о нем, но вера свидетельствует конкретным людям в конкретных местах и конкретных условиях. Благая Весть существует в условиях определенной культуры, иногда отвергая ее ценности и формы, иногда проникая в них и изменяя. Надо понять это взаимодействие, прочувствовать это проникновение; воспринять, о чем идет речь, — вот чего должен добиваться проповедник. Понимание приходит к тем, кого не пугает расстояние, кто стремится не быстро найти в тексте актуальное звучание, но не жалеет времени на то, чтобы присесть и снова прислушаться к тому, как беседовали царь Израиля и пророк Израиля

или как Павел обсуждал с коринфской церковью суть христианского поклонения. Вскоре все это станет вам ближе, и расстояние начнет сокращаться по мере того, как древние темы жизни и смерти, веры и морали, греха и прощения, семьи и общества начнут приобретать необыкновенно актуальное звучание.

Б. Литературный. Некоторые отрывки неразрывно связаны со своим контекстом, другие — более свободны. Текст проповеди из Деяний тяготеет к своему положению внутри более объемного повествования; текст из Послания к евреям — часть длинной, умело составленной речи или проповеди; а тексты Павла обычно связаны с богословскими спорами или разрешением практических проблем. Во всех этих случаях очевидно, что текст проповеди так неразрывно связан с контекстом, что истолкование вне этого контекста немыслимо. Однако в случае с евангелиями это верно не всегда. Некоторые истории и высказывания сопровождаются минимальным редакторским оформлением, поэтому их можно взять из литературного контекста, не опасаясь исказить их значение. И Ветхий, и Новый Заветы содержат материалы, которые распространялись в устной традиции до того и помимо того, как обрели свое текущее положение в книгах, и их принадлежность к устной традиции и независимость от контекста делают их особо привлекательными для проповедников.

Однако описанное выше качество скорее кажущееся, чем реальное. Какой-нибудь эпизод из одного из евангелий может казаться никак не связанным со всем предшествующим и последующим содержанием, но само место расположения этого эпизода может быть истолкованием со стороны автора. Все мы знаем, что история, рассказанная во вступлении к проповеди, и точно та же история, рассказанная в заключении к проповеди, оказывает разное воздействие. Организация материала, как в наших проповедях, так и в евангелиях, — это истолкование, и слушатели и читатели должны быть внимательны к этому. Рассмотрим несколько примеров. Читатели Луки были долгое время заинтригованы и немного озадачены тем, что Лука помещает рассказ о заключении Иоанна Крестителя в

тюремю перед рассказом о крещении Иисуса (Лк. 3:18-22). Почему автор удалил Иоанна Крестителя со сцены до крещения Иисуса? В этом расположении материала, хоть автор никак не комментирует это, есть смысл. Рассказ о том, как Иисуса отвергли в синагоге Его родного города Назарета, в повествованиях Марка и Матфея встречается довольно поздно, но Лука помещает его в начале описания служения Иисуса (Лк. 4:16-30). Эта история у Луки — программное введение в миссию Иисуса вообще. Марк помещает просьбу Иакова и Иоанна о почетных местах в Царстве Божьем сразу после подробного предсказания Иисусом Своих грядущих унижений, страданий и смерти (Мк. 10:32-45). Рассматривать эпизод с Иаковом и Иоанном вне этого мрачного противопоставления предсказанию, значит лишить текст значительной части его силы. И еще один пример: плач Иисуса: «Иерусалим! Иерусалим!...» — дается у Матфея после рассказа о противоречиях с иерусалимскими властями, непосредственно перед арестом Иисуса (Мф. 23:37-39). Этот плач заканчивается словами: «Сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: "благословен Грядый во имя Господне!"» К чему относится эта последняя строка? Лука же рассказывает о плаче в связи с въездом Иисуса в Иерусалим (Лк. 13:34-35). Здесь заключительные слова следующие: «Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!» Как иное расположение отрывка влияет на понимание этой последней фразы?

Мы говорим о важности литературного контекста для истолкования. Проповедник может сделать здесь паузу и записать то, что потом поможет ему в построении проповеди. Пусть эта запись напоминает вам: вы можете учиться у авторов евангелий организации материала. При составлении проповедей следует учитывать как толкование, так и момент сообщения.

В. Богословский. Мы не можем быть полностью уверены в толковании текста, пока не поймем богословскую позицию автора, из произведений которого мы взяли этот текст. Тексты Иоанна следует проповедовать соответственно точке зрения Иоанна, тексты Павла — на основании богословских взглядов Павла, то же самое верно и

по отношению к другим. Мы должны чувствовать намерения автора и быть верными им. Не всегда эти намерения можно выявить точно, и, даже когда их можно обнаружить, намерения автора — не единственный канон толкования текста. Некоторые считают, что намерения автора искать не обязательно, что толкование, основанное на этом поиске, ошибочно. В самом деле, о классической литературе такого уровня, к какому принадлежит Библия, надо сказать, что ее значение многослойно; то есть, не существует единственно возможного толкования, исключаяющего другие понимания текста, даже если его имел в виду автор. Однако пренебрегать намерениями автора и рассматривать текст как совершенно автономную единицу, значит рискнуть поддаться субъективности, жертвами которой пали многие в истории религии.

Необходимость подчеркнуть истолкование текста в его собственном богословском контексте рождена прежде всего природой самой Библии. Библия — это некоторым образом антология, и, как таковая, подвержена злоупотреблениям, свойственным такого рода книгам. В то время как сборник стихов или рассказов вполне удобен и может содержать произведения разных авторов, обладающих разными и неповторимыми дарованиями, стилями и образом мыслей, все это индивидуальное своеобразие имеет тенденцию теряться при перелистывании страниц. В сборнике перевернутая страница может означать переход не только к другому автору, но другому континенту, веку и языку. То же самое относится и к Библии, поэтому переворачивать страницы надо вдумчиво. И вопрос: что говорит Библия — не более правомочен, чем вопрос: что говорит антология? Целый сборник представляет собой канон, но собрание отдельных ссылок из Писания для подкрепления какого-то аргумента вряд ли можно определить как библейскую проповедь, нет в таком подходе и уважения к каждому автору и к спорам по важным вопросам, которые велись внутри общества верующих.

Здесь тут же возникает вопрос о применении этих принципов при использовании лекционария. Кажется непрактичным, даже невозможным исследовать каждую неделю все предложенные стихи с

такой глубиной, как предлагается выше. Для одного теста это еще можно сделать, для четырех же — вряд ли. Надо сделать тут несколько замечаний. Во-первых, предложенной выше процедуре можно следовать до какой-то степени, чтобы выявить то, что обычно неочевидно: тематическое единство на более глубоком уровне. Если вы будете искать в проповедях поверхностное единство, вы скорее нарушите, чем выполните цели использования лекционария. Во-вторых, не обязательно уделять одинаковое время изучению всех текстов. Один текст может занимать центральное положение, а другие — поддерживать его, спорить с ним, аплодировать, стоять рядом, насколько позволяет их контекст. Сведение текстов воедино может послужить проповеднику в течение года, но что будет, когда вы вернетесь к ним снова, снова и снова? Внимательное рассмотрение каждого отдельного текста и сохранение его целостности позволит вам возвращаться к ним снова и снова и находить свежие и соответствующие слова. Наконец, если проповедник будет хранить более или менее упорядоченно результаты исследования текстов, с течением лет он сможет быстро находить мысли и планы поисков, таким образом, не только перестанет бояться четырех текстов в неделю, но и значительно обогатит свои проповеди.

Служитель должен быть особо внимательным к богословскому контексту, рассматривая тему, к которой обращается несколько библейских авторов. Например, подумайте, со сколь разных точек зрения Писание подходит к таким сложным вопросам, как страдание, нищета, вечная жизнь, повиновение гражданским властям, молитва, чудеса или значение смерти Иисуса. Если проповедник не позволит себе увлечься симфонией, он сможет различить голоса разных свидетелей, звучавшие в разное время, которые лишь поощрят и обогатят его веру, а не смутят и не запутают его.

Тогда проповедник, выражаясь конкретно, будет уважать и стараться объяснить другим тот факт, что Руфь и Ездра с Неемией по-разному относились к чужакам; что автор книг Паралипоменон и автор книг Царств по-разному рассказывают о Давиде; что призыв Павла к вере и призыв Иакова к делам обращены не друг к другу и не к одной и той же общине, но к людям, которые нуждаются в раз-

ных наставлениях для исправления образа жизни. Проповедник позволит Иоанну рассказать о многих знамениях, которые Иисус совершил как откровение Божье, не заставляя Марка отступаться от мнения, что требование знамений — признак дурного и недоверчивого поколения. Проповедник прочтет рассказы Марка и Иоанна об исцелении Иисусом слепого не для того, чтобы в следующее воскресенье выйти на кафедру и объединить эти два рассказа в один. Он будет приветствовать все видения и чудеса, которыми полны обе книги Луки, но оценит и осторожное отношение Павла ко всему этому, и его неспособность даже говорить о собственном экстатическом опыте третьего неба. Проповедник, уважающий богословские взгляды каждого автора, не будет вставлять в одну проповедь бедных пастухов Луки и богатых волхвов Матфея. Придет и их время — в другое воскресенье, в другой проповеди.

6. Осознание точек соприкосновения с текстом

Когда вы достигаете этого этапа, сделано уже многое, и проповедник глубоко погрузился в текст. Если это действительно произошло, тогда должен начаться процесс отдаления от текста и восстановления дистанции. Отношения с текстом нельзя назвать здоровыми, если либо текст, либо толкователь теряют свою индивидуальность как средоточие значения, решений и действий.

Это освобождение от текста начинается с осознания связи с ним. Важно осознавать это в полной мере, потому что процесс этот непосредственно связан не только с толкованием текста, но и с формой проповеди, к составлению которой мы скоро перейдем. Осознать свою связь с текстом можно, отвечая на два вопроса:

1. На каком уровне я соприкасаюсь с текстом? Под «уровнем» здесь имеется в виду не глубина соприкосновения и не оценка ценностей. Скорее, здесь подразумевается, что многие отрывки Писания содержат материалы, которые существовали до своего текущего использования. Другими словами, если отнести к библейским документам как к проповедям, эти проповеди часто основаны на

текстах, которые и автор, и писатели считали авторитетными для данного общества. Для авторов Нового Завета важнейшим источником текстов был Ветхий Завет, который использовали как непосредственно, что лучше всего видно из Евангелия от Матфея, так и в виде аллюзий, что больше всего проявилось у Луки. Иногда автор Нового Завета толковал не ветхозаветный текст, но его толкование, как делает Павел в 1 Коринфянам 10:1-5. Этот отрывок в 1 Коринфянам имеет три уровня: Исход 13, позднее иудейское толкование Исхода 13 и использование его Павлом. При исследовании текста проповедник обнаружит все это. Мы хотим сказать сейчас, что проповедник должен видеть все эти уровни и решить, на каком из них будет основана проповедь. Если, например, он решит остаться на уровне послания Павла, он может использовать два более ранних уровня для освещения мысли Павла, как вспомогательные. Экзегетическое решение должно быть принято не только ради содержания проповеди, но и ради ясности сообщения. Слушатели будут запутаны, если не обмануты, если вести их по всем трем уровням, или же если проповедник провозгласит послание одного уровня, не комментируя другие.

Но, к моменту написания Нового Завета, христианское общество, помимо Ветхого Завета, обладало и другой традицией, которая должна была быть истолкована. Во времена Павла уже использовались символы веры, гимны и литургические формулы, и Павел цитирует и толкует некоторые из них в своих посланиях. Среди таких мест Римлянам 1:3-4; 1 Коринфянам 8:6; 2 Коринфянам 8:9 и Филиппинцам 2:6-11. Предположим, вы проповедуете по Филиппийцам 2:5-11, как предлагает лекционарии в связи с вербным воскресеньем. Один уровень — это христологический гимн, который цитирует Павел; на другом уровне Павел использует этот гимн для наставления церкви. Нельзя вести одновременно две проповеди; один уровень должен подчиниться другому, и проповедник должен решить, проповедовать ему христологию или об отношениях и поведении христиан на основании христологии.

Вероятно, вы уже думаете об очень явных примерах многоуровневого текста в евангелиях. Авторы евангелий передавали и толко-

вали высказывания и события из служения Иисуса. Кроме того, большинство, если не все единодушно, считают, что Матфей и Лука использовали повествование Марка как основание для создания собственных евангелий. Наше исследование текста Матфея может, таким образом, показать, что он толкует для церкви отрывок из Марка, в котором описано высказывание Иисуса. Проповедник может сделать темой проповеди высказывание Иисуса. Однако надо решить, дать ли прихожанам слова традиции, которую рассматривает Матфей, или слова толкования Матфеем этой традиции. Решение должно быть принято; иначе у слушателей сложится впечатление, что толкование Матфея — точная цитата слов Иисуса.

Опять же, проповедник должен понимать, что, говоря об уровнях, мы не говорим здесь ничего о степени глубины или авторитетности. Мы, скорее, хотим сказать, что библейская проповедь признает Библию такой, какова она есть: хранящей веру общества, толкующей ее и продолжающей истолковывать на основании собственной жизни и традиции. Многие поколения верующих воспринимали традицию и ее истолкование как Слово Божье. Библейская проповедь не должна смущать или обманывать собрание, не должна выбиваться из этого процесса сохранения и истолкования. Другими словами, библейская проповедь — это слушание и произнесение Слова Божьего.

2. Какова точка моего соприкосновения с текстом? Это второй из двух вопросов, отвечая на которые, проповедник может осознать свою связь с текстом, развившуюся в процессе экзегетической работы. Основная задача осознания этих связей — это отстранение от текста и развитие способности рассматривать себя как человека, который поделится с церковью тем, что говорит текст.

Обычно в процессе активного взаимодействия с текстом толкователь почти бессознательно отождествляет себя с конкретными персонажами или действиями, описанными в тексте. Осознайте сейчас это отождествление, или, если отождествление — слишком сильное слово, осознайте место по отношению к тексту, которое вы заняли по ходу толкования. Павел обсуждает с членами коринфской

церкви роль женщины в молитвенном собрании. Какую позицию я занимал, когда изучал этот текст? Рядом с Павлом? Среди женщин? Сидел в углу комнаты, наблюдая за происходящим? Иисус отвечает критикам, которые упрекали Его в том, что Он сидел за одним столом с грешниками. Отождествил ли я себя с критиками и принял Его отповедь на свой счет, или же я был одним из грешников, которые чувствуют трепет, волнение, которые смущаются, сидя за одним столом с Иисусом? Может быть, я, сам того не осознавая, занимал место Иисуса, а грешниками и критиками были другие. Или же подумайте о толковании притчи о блудном сыне. В истории есть три персонажа. Работая с текстом, кем я был? Отцом, который любит обоих сыновей, которые оба нуждаются в прощении; младшим сыном, который скромно держит в руках пиршественную чашу и является почетным гостем на празднике прощения; или старшим сыном, который видеть не может, как чествуют блудного? Я могу быть Иисусом, рассказывающим эту историю; или фарисеем, слушающим рассказ; или же соседом, приглашенным на странный праздник, который гадает, правильно ли он сделал, что пришел.

Делая эти замечания, мы вовсе не хотим указать проповеднику, какое место он *должен* занимать в каждом тексте. Это всего лишь призыв к намеренному осознанию того места, когда вы постепенно отдаляетесь от текста и движетесь по направлению к проповеди. Если не сделать этого сознательного шага, проповедь может быть составлена и изложена с точки зрения одного из персонажей текста. Собрание ясно услышит то, что вы не скажете словами, но будете подразумевать: сегодня наш проповедник — Иисус, а мы все — фарисеи; сегодня наш проповедник — Павел, а мы — коринфяне; сегодня наш проповедник — любящий отец, а мы — его старший сын, сидящий в заднем дворе. Как только вы осознаете эту тенденцию проповедников занимать почетные места в тексте, вы сможете значительно изменить свои проповеди, и собрание будет это приветствовать. Проповедник может вернуться к тексту и *прислушаться* к Павлу или Иисусу, а не повторять их слова. Атмосфера проповеди сразу станет иной.

7. Пересказ текста своими словами

Это окончательный шаг, завершающий процесс удаления от текста и требующий от проповедника полного принятия ответственности за то, что он почерпнул из текста и что будет положено в основу проповеди. Другими словами, именно в этот момент полностью осознается бремя ответственности толкователя-проповедника, который не может избежать этой ответственности, оставаясь внутри текста, повторяя библейские слова и фразы, или оставаясь среди слушателей и повторяя их мнения о Библии, но не подвергая текст серьезному исследованию. Те, кто и не вдается в текст в ходе своего «изучения», конечно, не нуждаются в этом окончательном шаге. Однако те, кто старательно проделал первые шесть шагов, должны сделать и последний.

Мы часто говорим о том, как важно вникнуть в текст, но редко упоминаем о необходимости сознательно от него отрешиться. Отдаление от текста жизненно важно, чтобы вернуться к современности, чтобы проповедь была актуальной и затрагивала чувства слушателей; конечно, это нужно сделать. Как бы то ни было, отстранение толкователя от текста нужно — повторим это снова — чтобы он владел проповедью, составление которой последует после толкования. В противном случае у нас будут проповедники, выходящие на кафедру по чужим пропускам, и, пусть во всех иных отношениях они хранят кротость, проповеди будут предлагаться в самом деле как нечто, что Амос, Илия, Иоанн, Павел или Иисус «хотят сегодня нам сказать». Вот некоторые примеры выступлений проповедников, которые прячутся за текстом и отказываются выглядывать оттуда, чтобы не принимать на себя ответственности за его толкование и основанную на нем проповедь:

«Друзья, сегодня я не собираюсь проповедовать. Я вижу, что некоторые из вас рады этому. Сегодня будет проповедовать наш гость, пророк Самуил, поэтому я отстраняюсь: пусть Самуил скажет то, что вы хотите слышать».

«Некоторые из вас, наверное, расстроятся, но не обижайтесь на меня. Эти слова принадлежат не мне, а Иисусу».

«Вы слышали много раз, как я рассказывал вам о своих взглядах и понимании некоторых вопросов, и некоторые из вас не соглашались со мной. Но сегодня вы не можете спорить, потому что эта проповедь — само Писание, с вами говорит сам Павел».

Эти замечания могут поразить читателя как некая карикатура, но они иллюстрируют довольно распространенное на кафедре явление. Как бы это ни выражалось словесно, иллюзия, о которой идет речь, вполне реальна: это иллюзия невинности проповедника, отсутствия ответственности за содержание проповедей. Некоторые слушатели могут поглощать и приветствовать такую «чистую и незапятнанную» манеру проповеди; другие могут отвергать ее как попытку надевать на кафедре маску, чтобы воспользоваться заимствованным авторитетом; некоторым она не нравится, но они не знают, почему. Но проповедник, если не является жертвой самообмана по поводу значения призыва к служению, знает, что пытается сделать, и, рано или поздно, должен будет посмотреть правде в глаза.

В том последнем шаге, о котором мы говорим, нет ничего сложного или необычного; это просто формулировка того, что вы услышали в тексте и испытали в связи с ним. Процесс можно облегчить, задав себе два вопроса и ответив на них.

1. О чем говорит текст? Сформулируйте послание текста одним предложением так просто, как только возможно. Вы должны сделать это собственными словами и в утвердительной форме. В утвердительной форме легче передать Благую Весть, чем в побудительной, которая слишком часто является характерной для всего текста проповеди: мы должны, мы обязаны, мы бы, давайте, давайте не будем. Увещевания, конечно, могут быть частью проповеди; в евангелиях тоже есть императив. Однако увещевания должны следовать за основной мыслью после слов «и поэтому», а не составлять суть послания.

Внизу страницы, на которой вы записывали свои мысли в ходе исследования и рассуждений, проповедник может написать фразу

типа: «Каждый христианин — носитель благодати», или «Становится христианином тот, кто ведет себя соответственно», или «Надежда умирает последней», или «Молитве можно научиться», или «Воскресение Иисуса — это оправдание самоотверженной любви», или «Благодать Божья кажется несправедливой из-за ее беспристрастности». Такое утверждение — настоящее достижение, оно не только вызывает у вас чувство удовлетворения, но и пробуждает новый интерес к следующей задаче — составлению самой проповеди.

2. Как ведет себя этот текст? Текст — это послание от одного человека другому или другим, поэтому он не только имеет содержание, он ведет себя определенным образом. Мать, говорящая с ребенком, не просто говорит; она ведет себя, как и врач у постели больного, артист перед аудиторией, политик перед толпой, друзья за обедом и проповедник на кафедре. Говоря что-либо, люди сообщают информацию, исправляют, ободряют, исповедуются, чтят, заключают соглашения, наказывают, подтверждают, спорят или уговаривают. Поэтому надо лишь спросить, что делает текст. Этот вопрос позволит вам не только выявить природу и функции текста, но и поможет обрисовать основное строение будущей проповеди. В конце концов, проповедник захочет ясно представить себе не только содержание, но и действие проповеди. Послание отражает содержание текста, а проповедь должна отражать его влияние. Если, например, мы решили, что текст гласит: «Все христиане — носители благодати», то его воздействие может быть определено как «ободрение тех христиан, которые чувствуют себя второсортными»; так в поле зрения появляется содержание, тон и замысел проповеди.

Воздействие текста основано на историческом и литературном контексте или форме текста. В большинстве случаев знание контекста дает возможность понять воздействие отрывка, но, если вы будете неуверенны в одном, вы будете неуверенны и в другом. Например, в Матфея 10:34-36 Иисус говорит, что Он принес не мир, но меч, о разделении семей и вражде с собственными домашними.

Если это утверждение находится в контексте апатии и компромисса, каково влияние текста? Он призывает читателя к верности принципам, к непоколебимой преданности несмотря на то, чего это будет стоить, даже если под угрозой семейные отношения. Если же эти слова произнесены в контексте церкви, члены которой уже заплатили в обществе и дома дорогую цену за ученичество, каково будет воздействие текста? Он ободряет, говорит нам, что Иисус предсказывал такую ситуацию. Мы не должны думать, что нас за что-то наказывают, но чувствовать себя братьями распятого Христа. Другими словами, в одной ситуации текст должен взбудоражить и расстроить, в другой — утешить расстроенных.

Призван ли текст поправить, наставить, поздравить или испытать, часто видно из его формы; то есть по тому, является ли он славословием, символом веры, исповедью, притчей, пословицей, спором или благословением. Если служитель хочет, чтобы проповедь оказывала то же воздействие, что и текст, он может предпочесть придерживаться той же формы, так как форма передает и отражает функцию не только во время истолкования текста, но и во время составления проповеди. Форма проповеди может и не совпадать с формой текста; то есть, проповедь по псалму может и не быть псалмом, однако слишком далеко уходить от формы текста тоже не надо. Многие проповеди, построенные на основании предпосылок, тем и планов, получаются так: служитель «кипятит» текст, выпаривает всю жидкость и проповедует по кофейной гуще на дне чашки. До недавнего времени было принято жестоко обращаться с притчами на манер отца, который, укладывая детей спать, вместо сказки на ночь говорит: «Суть того, что я хочу сказать вам сегодня вечером, такова». Вероятно, мы уже сказали достаточно, чтобы заранее предостеречь вас от изменения формы, которое может исказить задачу и содержание текста. Если «блаженны нищие духом» превращается в «мы должны быть нищими духом»; если драма Иисуса и слепого из Иоанна 9 принимает форму «в этом мире много слепоты, мир не может исцелиться сам, но Иисус возвращает зрение слепым», тогда многие истинные христианские вещи

могут быть произнесены в проповеди, но проповедник все равно рискует исказить текст.

Мы теперь подошли к тому, что раньше называли другим моментом «эврики». У проповедника теперь есть что сказать, и он должен кое-что сделать. Даже если он увлечен работой и не хочет прерываться, надо сделать перерыв. Телу, уму и духу нужен отдых. Нет причин тревожиться о проповеди; в конце концов, теперь вам есть что сказать.

Глава седьмая

Истолкование: между текстом и слушателем

Мы рассмотрели родственные задачи истолкования слушателей и истолкования текста, и в ходе этого процесса осознали разделяющее их расстояние. Сокращение этой дистанции — основная задача служения проповедников и наставников церкви. Истолкование — или, как принято говорить в академии, герменевтика — это процесс объяснения для читателя или читателей значения документа, первоначально написанного для другого читателя или читателей. По отношению к Библии, в особенности некоторых ее частей, эта дистанция, обусловленная разницей во времени, месте, языке, исторических обстоятельствах и мировоззрении, кажется «громадным непреодолимым морем». Однако мы уже увидели, как это море сужается в ходе самого процесса изучения слушателей и текста. Слушатели и текст в какой-то момент начинают видеть другую сторону пропасти и смутно различать друг друга; они знают о существовании друг друга с самого начала. Думать иначе из преданности чистой объективности было бы нежелательно и непродуктивно.

Фактически, движение от текста к слушателям и обратно может происходить не всегда сознательно. Некоторые даже могут утверждать, что процесс является наиболее здоровым, когда он неосознан. Сопереживание, интуиция и воображение лучше побуждают к этому сближению, чем самые отлаженные и просчитанные процедуры толкования. Это не значит, что методы служителя в этой и других областях должны быть неосознанными, не подвергаться тщательному анализу. Это лишь вопрос времени: в какой момент происходит обучение и совершенствование? Из трех фаз деятельности: репетиции, самой деятельности и осмысления — момент непосред-

ственно деятельности наименее плодотворен. Если человек анализирует собственную деятельность в момент проповеди, наставления, обучения или исследования, это вряд ли будет способствовать качеству как служения, так и анализа. Одна из задач репетиций, в том числе занятий по гомилетике, — настроиться на безраздельное участие в событиях, к которым вы готовитесь. Но в репетициях, в том числе и уроках по гомилетике, есть нечто несерьезное, ненастоящее, что ограничивает способность к обучению и побуждает отложить тщательную разработку темы до собственно служения. Это ведет нас к размышлениям после деятельности как времени критического анализа собственных методов с целью последующего их изменения.

О подобном размышлении было сказано и написано много отрицательного, как о понимании, которое приходит слишком поздно, поэтому для многих трудно оценить его как возможность обучения. Но фактически Библия — это результат размышления. Изображения Иисуса, которые в ней даны, — плоды воспоминаний и осознания *действительного* смысла происшедшего. Ученики в то время ничего не понимали, говорят авторы евангелий, но после воскресения они все вспомнили. Евхаристия толкуется не для тех, кто никогда не сидел за столом с Иисусом, но для тех, кто сидел. Крещение прекрасно представлено для тех, кто уже был крещен и должен был соответствующим образом заново осмыслить свой опыт. Даже видения будущего в Библии — переработанные воспоминания. Поэтому размышление после события не менее важно и плодотворно для обучения и может помочь нам в задаче, которая нам предстоит сейчас: переход от толкования к проповеди.

Поэтому мы предлагаем эту главу читателю не как очередной шаг, этап в движении по направлению к проповеди. То есть вы не должны ожидать прочесть здесь очерк о том, что делать между процессами, о которых рассказывается в предыдущей и последующей главах. Конечно, природа задачи толкователя как сокращения дистанции между прошлым и настоящим будет обсуждаться здесь, так же как и будет представлен ряд методов выполнения этой задачи. Таким образом, мы будем помнить о читателе, который го-

товится к кафедре, для которого проповедование, — перспектива на будущее, и эта глава может быть прочитана им как указание для очередного процесса подготовки проповеди. Но гораздо важнее будет для такого читателя и для тех, кто уже читает проповеди, возвращаться к этому и подобным обсуждениям после подготовки проповеди. Проповедник должен привыкнуть к этому как к части своего служения: сесть с недавно прочитанной проповедью и спросить себя: как текст и слушатели взаимодействовали в ходе этой проповеди? Прозвучало ли в тексте то, о чем думают прихожане? Прониклись ли слушатели текстом и смогли ли они отрешиться от него, вернувшись к текущему моменту? Какие принципы и методы толкования были использованы, доволен ли я ими, были ли они искренними, разумными, соответствовали ли они тексту, чтобы он прозвучал как живой голос? Помимо ее значения на текущей стадии процесса толкования, мы предлагаем вам использовать эту главу для критической самооценки и постоянного совершенствования как проповедника.

Задача проповедника как толкователя Писания

Мы рассмотрим задачу проповедника как толкователя Писания, говоря о необходимости, трудностях и возможности толкования библейского текста.

1. *Необходимость толкования.* При определении работы служителя как проповедника, наставника и вождя общины верующих толкование Писания — элемент обязательный, а не произвольный. Пять особенностей природы и функций такой общины делают подобный вывод убедительным и ясным.

Во-первых, значительная часть времени церкви проходит в собраниях малых групп, размышляющих и обсуждающих письменные документы, то есть тексты. В тот момент, когда сообщение записано, оно отделяется от автора, от предполагаемых читателей и оригинального контекста. Другими словами, текст любого рода, религиозный он или нет, имеет он значение или нет, обладает своей са-

мостоятельной жизнью и индивидуальностью, он больше не неподвижен, но проходит через руки многих, оказывается перед глазами многих в самых разных обстоятельствах. Удаленный от первоначального окружения и условий, текст почти автоматически вызывает вопросы. Что это значит? Кто это написал? Для кого было задумано это послание? Эти вопросы могут возникнуть в связи с письмом, которое вы нашли на дороге и на котором нет указаний на отправителя и получателя. То же самое происходит с библейскими документами; ситуация ничем не отличается, за исключением серьезности и интенсивности, с которыми мы ищем ответы на эти вопросы. Вождь общины должен быть способен и хотеть возглавить людей и в этом занятии.

Во-вторых, истолкование становится необходимым в связи с тем, что эти тексты, на которые церковь постоянно обращает пристальное внимание, являются каноническим Писанием христиан. Из всех многочисленных документов, написанных и распространявшихся в христианских кругах, только эти были приняты как Слово Божье, воспринимаются как вдохновленные Духом Святым и как нормативы для жизни и веры. Говоря, что эти тексты — канонические, мы имеем в виду, что они представляют собой авторитетное правило, с которым мы сравниваем свою веру и поведение; говоря, что это — Писание, мы имеем в виду живой документ, обращенный к верующим всех веков и всех стран мира, всегда актуальный и обладающий властью. Однако общее согласие с этим утверждением не ведет к автоматическому применению конкретного и практического слова в каждой ситуации, по поводу которой вся церковь находится в согласии. Никогда нельзя распознать истинную норму и услышать истинное послание Бога для конкретного момента и места без прилежных попыток, вопросов, молитв и изучения. Другими словами, Слово приходит к нам через истолкование Слова.

Третий факт, который делает толкование жизненно важным, уже был частью приведенных выше аргументов, но надо сформулировать его яснее: церковь обладает завершенным канонам, но служит живому, ведущему ее Богу. Голоса, призывающие к открытию канона для новых документов и свидетельств продолжающегося от-

кровения Бога, теоретически выслушивались, но никогда не поощрялись. По историческим, практическим и богословским причинам канон завершен и не будет открыт. Однако, пока продолжается истолкование, с богословской точки зрения канон открыт, потому что можно услышать Слово по-новому. Завершенность канона не значит молчание Бога, пока толкование Писания остается делом жизни церкви.

Четвертый факт, связанный с христианской общиной и не только позволяющий толкование библейского текста, но и делающий его необходимым, заключается в отношениях между церковью и Писанием, отношениях весьма непростых. Церковь существует под руководством Писания, которое информирует, поправляет, подтверждает, ободряет и судит, но в то же время Библия — церковная книга, и ее документы, кроме Ветхого Завета, были написаны в церкви и для церкви. Кроме того, именно церковь, ведомая Духом Святым, принимала неформальные и формальные решения в связи с выбором текстов, вошедших в канон. Церковь не претендует на превосходство над Писанием или неподвластность ему, но исторически и богословски община и книга находятся во взаимодействии и принадлежат друг другу. Это значит, что церковь не сидит пассивно перед Писанием, но решительно и искренне применяет к текстам лучшие способы толкования не для того, чтобы исказить или принизить послание, но чтобы услышать его и подчиниться ему. Как пастор, учитель и проповедник, служитель не может ни избегать роли толкователя, ни предоставить ее «специалистам». Как толкователь Писания для конкретной группы прихожан, служитель и *есть* специалист.

Пятый и последний факт, несомненно делающий толкование библейских текстов одной из обязанностей служителя, лежит в самой природе текста. Писание — результат толкования и переистолкования общиной своей собственной традиции и опыта взаимодействий с Богом. Второзаконие — новое истолкование закона Моисея для Израиля времен царя Иосии. Вторая глава Исаяи истолковывает исход для Израиля в ссылке, Марк толкует исход для своих читателей (Мк. 1:1-8), а Павел — для коринфской церкви (1 Кор. 10).

Книги Паралипоменон переосмысливают роль Давида в истории Израиля, и Лука снова возвращается к этой теме в свете веры, что Иисус как Мессия является потомком Давида. Павел толкует традиционные верования об Аврааме и Моисее, обсуждая закон и благодать. Матфей и Лука не только истолковывают слова и поступки Иисуса, но и то, как Марк рассказывает о них. Пастырские послания истолковывают Павла, Второе послание Петра — традицию о неизбежности второго пришествия и так далее. Только псалом 109 истолковывается авторами Нового Завета более тридцати пяти раз. Все это говорит о том, что Писание существует внутри процесса толкования и, по самой своей природе, поощряет продолжать этот процесс. Сами библейские тексты дают обширное свидетельство того, что однозначное толкование никогда не исчерпывает значения отрывка.

2. *Трудность истолкования.* Трудность, свойственная задаче толкования, отчасти заключена в тексте, а отчасти — в толкователе. Что касается текста, его исторические особенности, кажется, делают его недоступным или неактуальным для последующих читателей. Большая часть библейских текстов, хоть и не все (притчи, например) относятся к конкретному времени, месту и обстоятельствам, следовательно, кажется, что они обладают уникальностью, качествами, которые «проявились один раз и не повторятся». Такие события, связи или слова, очевидно, обладают небольшим герменевтическим потенциалом, если вообще им обладают. В конце концов, какое значение имеет для верующих Толедо или Сингапура тот факт, что Руфь сопровождала Ноеминь при возвращении в Вифлеем? Или при каких обстоятельствах придется рассказывать о том, как Авраам занес нож над Исааком, своим юным единственным сыном, чтобы принести его в жертву Богу? В каких условиях проповедник мог бы преподнести рассказ о встрече Иисуса с бесноватым, скитавшимся по кладбищам и пугавшим людей протяжными завываниями? Если проповедник будет руководствоваться принципом аналогии, применяя тексты к событиям и условиям, явно похожим на ситуацию текста, сколько библейских записей покажутся нам

музейными экспонатами под стеклом, на которые можно смотреть, но руками не потрогать?

Скорее всего, многие читатели уже нашли ответ на этот вопрос: только *кажется*, что исторические особенности уникальны и не имеют значения для людей вне конкретной описанной ситуации. Истина заключается, скорее, в обратном: именно в особенности текста заключается его универсальность. Слушатели живут в конкретных обстоятельствах, поэтому они находят аналогии и точки соприкосновения с конкретно описанными событиями. Восьмидесятилетняя женщина может найти больше значения в случае с двенадцатилетним иудейским мальчиком, чем в безвременных и универсальных речах обо всем для всех и каждого. В конце концов, пусть имена, даты и места — другие, любовь остается любовью, ненависть — ненавистью, горе — горем, страх — страхом, радость — радостью, а прощение — прощением.

Но с текстами Ветхого Завета у проповедника все равно могут возникать особые проблемы. Причина этого частично, но лишь частично заключается в громадной временной дистанции между текстом и проповедником. В конце концов, по сравнению с периодом минимум в тысячу лет, что такое век или два? Отчасти причина заключается также в том, что тексты Ветхого Завета обладают большей исторической конкретностью, чем тексты Нового. Проповедника может привлечь жизненность, яркость, даже некоторая приземленность многих ветхозаветных историй, особенно если проповедник чувствует себя здесь более свободным, чем в обращении с Новым Заветом. Некоторые проповедники наслаждаются сомнительной с богословской точки зрения свободой толкования Ветхого Завета, которая порождена невыраженным вслух, но весьма очевидным для паствы отношением: «В конце концов, это всего лишь Ветхий Завет; это не священная Благая Весть».

Это такое отношение, как будто бы нас не волнует судьба цветов, если мы резвимся на чужой лужайке, только подчеркивает особые проблемы, связанные с проповедью по ветхозаветным текстам: здесь важен богословский вопрос. Как должен Ветхий Завет звучать с христианской кафедры? Каждый проповедник должен подумать

над этим и принять решение, не противоречащее позиции церкви по отношению к Ветхому Завету и его собственным богословским убеждениям. Исторически церковь отвергла как еретическую попытку Маркиона исключить иудейское Писание из христианского канона, но вопросы толкования должны заново пересматриваться каждым поколением верующих. Перед нами стоит основной вопрос: должен ли проповедник, даже используя текст Ветхого Завета, проповедовать Христа? Другими словами, представляют ли эти тексты ценность для кафедры лишь постольку, поскольку они содержат непосредственное или косвенное свидетельство о Христе, а если таковое отсутствует, должны ли они поправляться или дополняться отрывками из Нового Завета? Или же можно позволить ветхозаветному тексту остаться в собственном историческом и литературном контексте, извлекая из него наставления и вдохновляясь аналогиями между церковью и Израилем?

Вам поможет и немало утешит понимание того, что авторы Нового Завета таким же образом преодолевали противоречие между преемственностью и нарушением преемственности в отношении Ветхого и Нового Заветов, между синагогой и церковью. Документы того времени говорят не только о разной степени трения между иудейским и христианским обществами, но и о вдумчивых попытках утвердить вне и поверх этих разногласий веру в единого Бога, от Которого все произошло. Христос у Матфея пришел, чтобы исполнить закон и пророков, Его Нагорная проповедь воздвигнута на авторитете закона Моисея, и ее призыв к праведности превосходит все требования Закона. Автор Послания к евреям развивает свою тему *a fortiori*, от меньшего к большему. В былые времена Бог являл Свое откровение в разной степени и по-разному, но в последние времена Он явил Себя в Сыне. Следовательно, если раньше слово уверенно говорило о вознаграждении и каре, но насколько точнее гласит об этом слово божественного Сына. Павел считал себя и христианскую общину прямыми наследниками Авраама и Сарры, детьми которых являются все верующие, но Павел не соглашался с теми, кто ставил Моисея и Закон в центр иудаизма. Лука, с одной

стороны, помещал Христа и церковь в контекст истории, начавшейся с Адама, продолжившейся Израилем и окончательно провозглашенной апостолами и христианскими евангелистами. Деяния апостолов — это правильно понятая история Израиля, а Израиль, неправильно понявший свою миссию и Писание, противостоит ей. Таким образом, Лука считает наиболее уместным расположить Иисуса и апостолов в синагоге и храме, согласно установлениям Закона Божьего. И где-то среди всех этих точек зрения должен найти свою позицию проповедник, который будет проповедовать ветхозаветный текст. Для дальнейшего изучения этих вопросов и принятия решения вам могут очень помочь рекомендуемые источники для проповедника в конце этой книги.

Как было уже сказано выше, трудности толкования связаны не только с текстом, но и с толкователем. Ибо проповедникам, конечно, свойственен азарт, который заставляет их браться за текст не чтобы прислушаться к нему, но чтобы извлечь из него проповедь, или даже найти в нем подтверждение для уже задуманной проповеди. Такой утилитарный подход — враг толкования и, следовательно, самой проповеди. Некоторые толкователи чувствуют глубокое уважение к священному тексту, поэтому не решаются подвергнуть Писание глубокому исследованию с использованием всех возможных материалов. Вероятно, здесь их волнует не столько уязвимость текста, сколько уязвимость собственной веры, страх, что исследование покажет: за перевернутым камнем не скрывается любимое представление. Некоторые проникательные пасторы осторожно обращаются с текстом, потому что знают, как легко манипулировать прихожанами, склонными верить всему, что говорится с кафедры, особенно если послание связано с Писанием. Это правильная предосторожность, но, если она сковывает вас, она становится нездоровой.

Вероятно, здесь надо добавить пару слов еще об одном препятствии здравому библейскому толкованию: это препятствие возникает в результате неудачного, разочаровывающего и даже разрушающего знакомства с критическими методами исследования Библии. Некоторые никогда не примирятся с термином «библейская критика»,

даже если писатель или преподаватель объяснил им, что критика здесь не содержит значения негативной оценки, но используется в научном смысле, как обозначение тщательного и методического исследования. Сама по себе наука — не враг кафедры, но непосредственное влияние критического исследования Библии на проповедь зависит от того, каким образом проповедника ввели в мир такого исследования и как его обучили методам перехода от экзегетики к собственно проповеди. Этот переход требует размышлений и труда, поэтому робкие и ленивые сочтут более простым забыть наставления по экзегетике и вернуться после семинарии к досеминарской наивности. Надо признать, что не все недостатки семинарского образования — вина студента. Некоторым из нас, преподавателей, недостает хороших методов обучения, поэтому в классах семинарии используются школьные программы. Бывает также, что профессора передают студентам свое собственное возмущение исследователями и незавершенные баталии с ними. Однако надо повторить, что некоторые из последних течений библейских исследований более дружелюбно настроены по отношению к кафедре, так как подходят к тексту не с подозрением, а с согласием, даже предвосхищением; то есть, с ожиданием, что текст сообщит исследователю что-то важное.

Тем временем, однако, популярное негативное отношение к критическому исследованию Библии основано на некритическом использовании интуиции и чувства как ключа к пониманию текста. Некоторые поддерживают эту точку зрения, утверждая, что интуиция и чувство дают немедленный доступ к значению текста — чистый, незапятнанный, не несущий на себе отпечатка образования, культуры и общества. Эта точка зрения предполагает, что значение, которое получено в результате размышлений, не является непосредственным, но пропущено через каналы восприятия, искаженные образованием и культурой. Все это строится на предположении, что мы обладаем способностями восприятия истины и значения, абсолютно не зависящими от других факторов. Интуиция и чувство, конечно, важны для понимания и восприятия истины, но

они могут быть так же необъективны, как и интеллектуальные процессы. Фактически, лучше всего добиваться понимания с участием всех наших способностей, познавая не только текст, но и самих себя по пути к кафедре.

3. *Возможность истолкования.* Мы уже сказали, что сокращение дистанции между древним текстом и слушателями в настоящем — задача необходимая, но связанная с трудностями, теперь мы должны убедить себя, что толкование возможно, не нехотя, но ясно и уверенно. Эта возможность основана на пяти благоприятных факторах. Во-первых, расстояние между нами и изначальными читателями текста в значительной степени сокращается из-за того, что все мы — люди. Чтобы понять Павла или какого-нибудь героя евангелий, нам не обязательно думать о людях первого века, достаточно просто подумать. Избегая ловушек, таящихся в ситуации или высказывании, мы можем обнаружить человеческую ситуацию, о которой там говорится. Когда мы сделаем это, современные слушатели увидят истину в тексте, относящуюся к ним и их положению. Как только произойдет это узнавание, слушателям больше не понадобится помощь для объяснения, призыва, применения и увещевания.

Рассмотрим пример. Молодой служитель воскресным утром ведет службу в амбулаторном отделении больницы. Для двух дюжин пожилых верующих служитель выбрал текст из Марка 10:13-16 о том, как Иисус принял и благословил детей. Текст о маленьких детях кажется таким же далеким от собрания, как и любой другой. Служитель обращает внимание на попытку апостолов не подпускать детей к Иисусу. Почему они не пускали детей? Ответов может быть несколько: дети мешали им, они требовали к себе внимания, они ничем не могли быть полезны Иисусу, у них не было денег для пожертвований; а те, у кого были деньги и время, могли отвлечься на детей. По мере того как рассуждения продолжаются, слушатели в инвалидных колясках начинают узнавать себя и свое положение в описании этих детей. Таким образом, когда проповедник завершает рассказ о благодатном слове Иисуса, Который делает замечание ученикам, обнимает и благословляет детей, слушатели улыбаются,

кивают, говорят: «аминь», все свидетельствует об их радости и умиротворении. Теперь не нужно; даже болезненно и неуместно будет говорить о «применении» текста: «Многие из нас сегодня подобны этим детям». Если слушатели не узнают себя в героях текста, проповедник никогда не сможет навести достаточно мостов между ними; когда узнавание произошло, в подобном строительстве нет нужды.

Другой благоприятный фактор — это церковная преемственность и традиция толкования текстов. Другими словами, толкователь не берется за текст после перерыва в двадцать веков, но получает текст от церкви, которая в течение многих поколений пыталась понять Писание. Предшественники проповедника — его друзья и помощники. Человек, сидящий наедине с Библией, — образ нереальный и нежелательный.

Третий благоприятный фактор, который делает толкование древних текстов возможным, — это существование внутри церкви общества ученых, задача которых перед церковью, — сохранить текст таким, каким он был получен, и помочь церкви понять его. Важно помнить, что церковь родилась из синагоги, «дома учения», и везде, куда бы она ни направлялась, церковь создавала академии, сообщество критиков на службе вере. Иногда об этом факте церковной жизни забывают из-за трений, которые сейчас существуют между молящейся церковью и церковью исследующей. Несогласие ученых церкви друг с другом не подрывает основы ткани веры, но делает ее еще прочнее, предотвращая давления единственно возможной точки зрения, избегая мертвенного эффекта окончательного ответа на все вопросы. Проповедник-толкователь должен приветствовать существование этих коллег и прислушиваться к ним, прежде чем делать выводы о значении текста.

Четвертый фактор, делающий толкование возможным, — это присутствие Святого Духа в церкви. Согласно Евангелию от Иоанна, преемственность слова Христа в церкви обеспечена не только апостолами, но и другим Утешителем, Духом истины, Который послан Богом, чтобы навсегда пребывать с церковью (Ин. 14:16-17).

Среди служений Духа присутствует откровение и толкование. «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину; ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам» (Ин. 16:12-13). Павел был убежден, что Дух Божий помогает верующему распознавать и понимать данное Богом (1 Кор. 2:10-13). На протяжении веков церковь по-разному понимала деятельность Духа по откровению и истолкованию. Фактически, вера в Духа как постоянного разоблачителя истины создавала определенные проблемы, так как открывала дверь для любых допущений, сделанных именем Духа. Но, несмотря на эти трудности, было бы неразумно считать, что Дух участвовал в написании и сохранении канона, а потом покинул церковь, предоставив ей самой право толковать эти тексты, чтобы наставлять верующих.

Пятый и последний фактор, помогающий толкованию быть жизненно важным и плодотворным, — это сам текст. Библейские тексты не только пережили все поспешные попытки их толкования, они продолжают бросать нам вызов, подтверждать и отвергать наши усилия. Непостижимым и неуловимым образом текст изменяет наши взгляды не только на этот же самый текст, но и на нас самих и окружающий нас мир. В конечном счете, именно требования текста к толкователю делают его живым в наших умелых и неумелых руках.

Методы истолкования, доступные проповеднику

Здесь мы рассматриваем толкования как процесс сокращения дистанции, или, если быть точным, разного рода дистанций между текстом и слушателями проповеди. Мы предполагаем, что и текст в его контекстах, и слушатели — в своих подверглись внимательному изучению и исследованию. Важно не думать об истолковании только как об исследовании на тему, что хотел сказать древний писатель своим предполагаемым читателям. Так же важно не относиться к толкованию только как к приданию посланию со-

временного звучания. Проблема — не только во времени. Сформулировав утверждение современным языком и приведя его к текущей ситуации, мы не выполняем задачу толкования. Если проповедь, которую я слышу или читаю, датирована сегодняшним днем, это вовсе не значит, что она обращена ко *мне*. Вопрос в другом: *подходит* ли она? Соответствует ли? Толкование является воистину толкованием, когда проповедь обращена к конкретным людям в конкретной ситуации. Другими словами, мы не просто толкуем Писание; мы толкуем Писание *для неких людей в некоем месте*. По этой причине изданные проповеди не имеют большой ценности. Они ценны для студентов, которые могут посмотреть, как кто-то другой это делает. Они важны для историков и социологов, которые на основании таких документов составляют портрет эпохи. Они имеют некоторое значение для читателей, потому что все мы — люди, и послание, предназначенное для одного, в какой-то степени может затронуть и другого. Но как проповеди, как толкования Писания для конкретных слушателей, они ждут своего нового переосмысления. Толкования и проповеди должны нести на себе пометку адресатов, а не просто предназначаться «всем», «каждому» или «тому, кого это заинтересует». Это значит, что никакой учитель и никакая книга не могут довести дело толкования текста до завершения. Только тот, кто читает послание, тот, кто знает имя адресата, — только проповедник способен на это. Поэтому обсуждение методов имеет лишь теоретический и предварительный характер, проповедь еще требует окончательной отделки перед использованием.

Но даже в таком случае, как мы замечали выше в этой главе, проповедник может извлечь для себя реальную пользу, изучая и перенимая методы, которые используют другие. Эта польза значительна, если вы выберете один из методов и примените его для подготовки серии проповедей. Однако польза еще больше, если, когда проповедь уже готова и произнесена, вы положите рядом с собой список методов толкования и зададите вопрос: как я преодолел расстояние между Хевроном и Билокси? Между Антиохией и Мюнхе-

ном? Между Галатией и Ямайкой? Мы утверждаем, с педагогической точки зрения, что, хотя проповедник, как художник или актер, нуждается в обучении основным методам, затем он должен применить эти методы в соответствии со своими талантами и дарованиями. Когда проповедник достигает того уровня мастерства, на котором выбирает метод бессознательно, его обучение и рост происходят на основании критических размышлений, оценки и преобразования.

Далее мы приводим проверочный список широко используемых методов перехода от текста к слушателю. Каждый метод сопровождается кратким описанием, примером для ясности и иногда оценкой. Читатель увидит, что некоторые методы похожи, что возможны вариации и сочетания, и что этот список можно расширить. Однако, какие бы изменения вы ни делали, основные принципы, используемые в классе и на кафедре, следующие.

1. *Прямой и некритический переход от текста к слушателю.* Этот метод заключается в простом чтении отрывка Писания и рассмотрении его в проповеди, как будто он был написан для этой конкретной аудитории. С одной стороны, такое использование Писания обращено к непосредственному авторитету Библии в ее подлинном значении, «как она есть». Это простой метод, нетрудный для проповедника и приветствуемый прихожанами, которые устали от долгих блужданий в философских и богословских дебрях. Такие слушатели часто приветствуют подобное обращение проповедника с Писанием, говоря: «Сегодня вы проповедовали Библию». Нет сомнений в том, что этот метод не только является сильным и действенным в своей прямоте, но и соответствует природе некоторых текстов. Например, Матфея 5:44, как нам кажется, требует такого отношения: «Любите врагов ваших... и молитесь за обижающих вас». Но может ли проповедник поступить таким же образом с 1 Тимофея 2:11: «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью»; или Марка 10:21: «Пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим»? Может показаться, что эти тексты обращены к слушателям также непосредственно, как и Матфея 5:44. Или, например, почему не построить проповедь о требованиях к служителю на ос-

новании Левита 21:17: «Никто из семени твоего во [все] роды их, у которого [на теле] будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему»?

Из этих примеров видно, что данный метод может быть хорош, но может быть опасен и вреден. Но как мы можем узнать, передавать ли слушателям утверждение текста непосредственно? Служитель не может этого знать, если сначала не подвергнет текст тщательному толкованию. После такого исследования некоторые тексты устоят и будут говорить с современными слушателями так же, как и с первоначальными, другие же окажутся обусловленными конкретными обстоятельствами времени, места и аудитории, к которой обращены. Другими словами, этот метод не позволяет вам пренебрегать работой по исследованию текста и слушателей. Если использовать его, не проводя такой работы, проповедник и собрание окажутся жертвами собственных предпочтений в выборе текста. Можно представить себе, какой хаос воцарится в церкви, если проповедник будет сам решать, что положение Библии, чтобы женщины молчали и подчинялись, правильное, а требование к апостолам все продать и раздать бедным, ему не нравится.

2. *Аллегорическое толкование текста.* Аллегория — литературная форма, которая наделена не буквальным, а иносказательным смыслом. Метод аллегорий предполагает поиск послания за широко известным значением слов и фраз. Таким образом, текст вырывается из оков времени, места и исторических обстоятельств, обретая безвременное духовное значение. Аллегорически, то, что «Авраам вышел из Ура Халдейского», может быть истолковано как «душа покинула тело», а «не ешьте хищных птиц» превращается в: «не будьте хищниками по отношению к ближнему». Притча Иисуса о женщине, искавшей потерянную монетку (Лк. 15:8-10), проповедовалась в аллегорическом смысле, и зажженный ею светильник стал символом истинного учения церкви. Светильник — это церковь, фитиль — Писание, масло — молитва, пламя — Святой Дух истины.

Исторически, метод аллегорий пользовался большой популярностью у раввинов и в раннем христианстве, и он широко использовался в течение шестнадцати веков. Вероятно, самый ясный пример его в Новом Завете — это использование Павлом истории Сарры и Агари для беседы о рабстве и свободе (Гал. 4:22-31). Павел, фактически, называет эту историю иносказанием (стих 24). Притчи и чудесные истории евангелий довольно рано подверглись аллегорическому толкованию. В случае с притчей о сеятеле (Мк. 4:3-9) толкование иносказания следует за притчей (стихи 14-20), в других случаях сами притчи свидетельствуют о распространенности аллегорического метода как способа истолкования притчей в новых исторических обстоятельствах. Например, посмотрите притчу Матфея о пире (Мф. 22:2-14) и сравните с более краткой и простой историей Луки (Лк. 14:16-24). Подобным образом притча о винограднике (Мк. 12:1-11) несет на себе отпечаток аллегорического расширения, так как церковь истолковывает эту историю в свете страданий и смерти Иисуса. Притча стала аллегорией, в которой разные элементы истории узнаваемо ассоциируются с людьми и событиями вне истории. Что касается аллегорического использования чудесной истории, трудно не поверить, что Матфей *действительно* имеет в виду церковь, которая относится к миру со страхом и верой, когда рассказывает о том, как Иисус пришел к Своим ученикам в шторм по воде и Петр пытался к Нему присоединиться (14:22-33).

Можно сразу заметить, какие преимущества и удовольствия дают этот метод проповеднику. Крылья иносказания могут легко перенести текст в другую ситуацию и сделать его ясным и применимым для новой аудитории. Все исторические особенности остаются далеко позади, когда проповедник способен сказать, о чем *на самом деле* рассказывает текст: «Иерусалимский храм — это на самом деле жизнь человеческая. Святое-святых — это дух, святилище — душа, двор — разум, а то, что снаружи — тело». Таким образом вся история, жизнь и религия Израиля отодвигаются в сторону; мы находимся здесь и сейчас. Для аллегии не существует текстов слишком запутанных, слишком жестоких, слишком насыщенных культурными подробностями, слишком непонятных, чтобы извлечь

из них ясное и определенное слово для верующих. Проповедник может ликовать, веря, что каждое предложение, каждое слово, каждый слог Библии несет в себе Благоую Весть. И прихожанам не важно, рассказывает ли текст о размерах скинии, о жизни воинов Давида, о генеалогии или расстоянии от Иерусалима до Еммауса: слово Божье проявляется в этих текстах с той же готовностью, что и в рассказах о распятии и пустой могиле. Фактически, аллегорическое толкование придает кафедре некий мистический облик, а проповеднику — авторитет и престиж человека, способного раскрывать тайну сложных текстов.

Но очевидны и проблемы, свойственные этому методу. Нельзя разрушать фундаментальный принцип библейского откровения, что Бог действует и говорит через конкретные события, исторических персонажей и человеческие отношения, — поэтому аллегорический метод неприемлем, если подрывает этот принцип. В особенности это относится к случаям, когда полеты в голубые небеса иносказания в поиске «высшего» и «более духовного» значения ставят под угрозу центральное положение воплощения и его важность для христианской жизни как жизни в этом мире. Где же лежат ограничения этого метода, который может все доказать и всегда найти *истинный* смысл текста? Сравнительно скромное количество аллегорий в Библии оправдывает заключение, что и синагога, и церковь ограничивали этот процесс, как богословски, так и практически. Когда канон был завершен, развитие символов веры и еkkлезиастических структур для утверждения приемлемого прочтения Писания было призвано предотвратить перегибы в этой области. Чтобы никакие опасные крайности толкования не возникали, нужны богословские ограничения, которые помогали бы общине в толковании ее собственных священных текстов. В тех протестантских кругах, где частное истолкование вне исторической традиции не только позволено, но и приветствуется, аллегория продолжает процветать как средство выражения мнений с кафедры и призыва верующих к определенному образу жизни.

3. *Типологическое толкование текста.* Типология — это способ обращения к современным слушателям с древним текстом, в ходе которого в тексте выявляются события или обстоятельства, ясно связанные с ситуацией слушателей. Другими словами, что-то из происшедшего в истории Израиля или ранней церкви похоже на опыт современной общины, следовательно, слушателей можно соответствующим образом наставить, ободрить или предупредить с помощью текста об этом прошлом опыте или событии. Основание типологического толкования — это аналогия. В отличие от аллегории, типология не пренебрегает исторической конкретикой в поиске скрытой, безвременной духовной истины для слушателей. Напротив, история воспринимается серьезно и остается историей в ходе процесса толкования. В этом вся суть. Конкретные исторические события с людьми Бога *были* реальны и *остаются* реальными, следовательно, можно провести плодотворные аналогии.

Наверное, для ясности хватит двух примеров из Нового Завета. Один — это Иоанна 3:14-15: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Автор упоминает о том, как Моисей поднял на шесте бронзового змея как напоминание для неверящего и жалующегося Израиля (Чис. 21:4-9), сравнивая эту ситуацию с деянием Бога, вознесшего Иисуса на кресте. В каждом случае элементы типичны и способствуют восприятию другого случая. Более широкое использование типологии — 1 Коринфянам 10:1-13, где Павел призывает христиан Коринфа, используя типический рассказ о блуждании Израиля в пустыне. Израиль получил крещение в Красном море, причастился посланной Богом пищей, но крещение и евхаристия не гарантировали автоматического вступления в землю обетованную. Между морем и Иорданом лежит пустыня борьбы и искушений. В этих древних обстоятельствах Павел увидел подобие ситуации коринфской церкви, поэтому использовал древнюю ситуацию, чтобы объяснить настоящее.

Даже по этим кратким заметкам видно, что метод эффективен. Толкователь не смотрит сквозь текст, поверх и около него; библейская запись, отражающая историю народа, снова говорит для нового поколения верующих. Этот метод предполагает также, что, как повсеместно признано, существует общность человеческого опыта, следовательно, это не неестественно, не гомилетическая уловка — видеть в каком-то месте и времени типическое событие. Кроме того, такой подход к тексту подтверждает преемственность верующих и мудрость пересмотра и нового истолкования даже собственной жизни и веры.

Однако надо быть внимательным также к недостаткам и слабостям типологического толкования. Основная трудность возникает, когда выбирается текст, рассказывающий об опыте, который на самом деле не является типическим. Если опыт или событие, отраженное в Библии, на самом деле не аналогичны жизненным обстоятельствам современных верующих, будет неправильно искажать ситуацию слушателей так, чтобы она подходила к тексту. Или наоборот, текст может быть неправильно истолкован, чтобы он прозвучал похожим на ситуацию, в которой находится паства. Когда типы не являются типическими, диагноз ложен и терапия не лечит. Или же текст может содержать типический опыт, который вполне подходит для аудитории, но толкователь продолжает искать в тексте дополнительные детали, чтобы расширить аналогию сверх меры или здоровой экзегетики. С точки зрения экзегетики, текст утрачивает свои границы и свидетельство становится слабее из-за множества подпунктов. С точки зрения гомилетики, проповедь страдает от попыток сказать больше, чем может быть сказано, так богатство обращается в нищету. Тщательное исследование и текста, и слушателей, о котором мы говорили в предыдущих главах, должно предотвратить подобное вырождение полезного и ценного метода перехода от прошлого к настоящему. Часто проповедник нуждается в предупреждении, что типология граничит с аллегорией. Желание подтвердить проповедь текстом Писания может быть очень сильным, и проповедник, обычно здравомыслящий и вдумчивый, может сбить-

ся с привычной колеи толкования, если на ней не будет ограничений.

4. *Толкование намерений текста.* Хотя это бывает не всегда, намерения некоторых текстов доступны для толкования. Намерение может быть видно из контекста, как в Римлянам 13:1-7. Павел начинает применять принцип оправдания верой в 12:1 и приводит ряд практических и конкретных применений его в христианской общине. Среди этого говорится об отношениях верующего к светской власти. Ясно, что замысел 13:1-7 — наметить суть поведения ответственного христианина по отношению к правительству. Текст может быть и обращен непосредственно к читателю, как в Луки 18:9-14. «Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу» (стих 9) — вступление Луки к притче о фарисее и мытаре, в котором также заявлено о намерениях.

Среди задач проповеди этот метод толкования пытается придать проповеди авторитетность, основываясь не на содержании текста, но на его цели. В случае в Римлянам 13:1-7, например, проповедь может быть основана на намерении текста рассмотреть проблему ответственности христианина по отношению к правительству. Это не будет однако попыткой перенести на сегодняшних слушателей то, что велел Павел римским христианам. Этот метод настаивает на радикально отличных обстоятельствах положения церкви и государства, которые требуют нового осмысления ответственности христианина. Другими словами, проповедь основана на задаче и намерениях текста, но не на выводе, который делает Павел из этой задачи. Или же, в случае с притчей о фарисее и мытаре, Лука говорит, что намерение притчи — рассмотреть проблему уверенности в себе и унижения других. Те, кто считают, что *намерение*, а не *содержание* — нормативный элемент Писания, будут руководствоваться задачей этого текста, чтобы рассмотреть не только случаи, когда самодовольные праведники презирали грешников, но и совсем другие примеры подобного поведения. Например, в нашем обществе нередко можно слышать и читать об обратном: самодовольные грешники хвалятся своей честностью и откровенностью, презирая

праведных и благочестивых граждан. Героями фильмов, романов и даже некоторых проповедей становятся милые воры, симпатичные проститутки и щедрые грабители, которые рассматриваются как жертвы общества настоящих подлецов, тех, кто трудятся, платят налоги, соблюдают заповеди и молятся Богу. Как проповедник должен обратиться к «мытарям», которые благодарят Бога за то, что они не «фарисеи»? Он берет не содержание, а намерение притчи.

Много можно сказать об этом методе приближения древнего текста к настоящему. Он требует достаточной смелости, так как предполагает, что простое цитирование текстов не является ни библейским, ни ответственным. Аудитория изменилась, это жизненно важный для герменевтики факт, следовательно, послание, которое много значило для одной группы людей, для другой группы, дословно повторенное, может иметь совершенно иное значение. Все родители знают об этом. Те же самые слова не будут иметь одинакового значения для старшей дочери и младшего сына. Все мы знаем на собственном опыте, что цитату можно исказить, не только изменяя слова, но и изменяя слушателей. Поэтому, чтобы сказать то же самое другому человеку, надо сказать это иначе. Это реальный факт общения, поэтому намерение так важно для сохранения смысла и преемственности.

Однако проповедник-толкователь должен быть осторожен. Иногда намерения писателя просто непонятны, разве что в самом широком и общем плане, и в таких случаях в неумелых руках текст может стать прикрытием для любой нужной темы. В любом случае проповедник должен быть очень внимателен, читая текст и изучая текущую ситуацию, чтобы видеть, что есть общего в проблеме, несмотря на культурные и общественные различия. Если проповедь текста сохраняет его замысел, строение и развитие проповеди должно быть таким, чтобы слушатели ясно могли следить за герменевтическим процессом. То есть, слушатели не должны думать, что *содержание* проповеди отражает *содержание* текста, но что они имеют одинаковый замысел, к которому по-разному подходят.

Проповедник должен быть готов столкнуться с критикой адекватности подобного метода толкования.

Наконец, проповедник должен провести исследование, чтобы определить, действительно ли именно этот текст лучше всего может быть рассмотрен таким образом в данной проповеди. Другие тексты могут дать вам не только намерение, но и содержание послания. Например, Иисус многих призвал стать учениками, но не всем говорил одно и то же. Некоторые откликнулись с энтузиазмом, но мало думали и планировали, другие были вдумчивы и расчетливы, но колебались. Но все они были Его учениками. Вопрос: что больше соответствует вашим слушателям? Задача многих текстов — призыв к ученичеству, но внимательный проповедник в ходе изучения, вероятно, обнаружит фрагменты, отражающие как по намерениям, так и по содержанию, состояние его слушателей. Может быть, для хорошей проповеди это и не обязательно, но, если подтверждение будет двойным, вряд ли это сделает ее слабее.

5. *Тематическое толкование текста.* Под тематическим толкованием понимается толкование отдельных текстов в свете основных тем Библии. То есть, часть толкуется на основании целого, весь канон становится богословским контекстом для каждого отрывка. Некоторым образом, все Писание формулируется в виде великих и важных постулатов веры: Бог един, Бог создает, питает, судит и искупает творение; Бог любит всех людей, но, в то же время, призывает нас к этической честности и выполнению обязанностей; творение, история и пророки — откровение Бога, но лучше всего Бог познается через Иисуса из Назарета, распятого, воскресшего и прославленного; Дух Божий пребывает с верующими, чтобы утешать их, наставлять, исправлять и очищать; Бог — не только источник, но конец и смысл жизни, которая движется к Его благу и конечной цели. Конечно, эти утверждения сделаны для пояснения, толкователь может что-то убавить или прибавить. Суть в том, что каждый конкретный текст понимается как конкретное выражение одной или большего количества центральных тем, эти выражения могут быть оформлены в виде хвалы, сомнения, борьбы, утверждения

или другой реальной ситуации, в которой мы сталкиваемся с Богом, поддерживающим нас и противостоящим нам.

С тематической точки зрения псалом 22 славит божественное провидение; Исаи 40 провозглашает, что Бог поддерживает и утешает преданных; Иеремии 31 обещает, что Бог постоянно вступает в заветные отношения с верующими; Иона подтверждает, что любви и прощению Бога нет пределов; Матфея 5 — 7 провозглашает праведность Бога и призывает верующего к соответствующему поведению; Марка 15 описывает страдания и смерть как откровения Бога в мире, в Христе и в людях Христа; Луки 15 рассказывает снова историю об ищущей любви Бога; Деяния 2 славит Божьи дары покаяния, прощения и Духа; 1 Коринфянам 12 описывает многочисленные дары, которыми Бог вооружает церковь; Галатам 3 гарантирует, что вера в благодатного Бога освобождает; Откровение 21 обещает, что любовь Бога окончательно преодолет силы зла, и эти темы развиваются снова и снова.

Трудно представить себе более прекрасный или приносящий больше удовольствия метод обращения с текстами! Здесь не нужно углубляться в ненужные подробности античной истории и думать о мире довольно примитивных народов. Здесь не встречается запутанная смесь посланий, которая так подчеркивает особенности Библий, что миряне боятся ее открывать. Этот метод славит единство Библии и производит на слушателей впечатление, что Бог — единственная тема каждого отдельно взятого текста. С помощью тематического толкования каждый текст и каждая проповедь, на нем основанные, представляют Слово с богословской адекватностью, во всей его полноте. В отличие от некоторых проповедей по отдельным текстам, которые с трудом можно назвать христианскими по цели и перспективе, проповедь, составленная по этому методу, объемна; она никогда не тесна и не узка. Тематическое толкование обращается к жизненно важному материалу, который интересует всех верующих, не давая возможности для раскола и ссор между людьми Бога из-за несущественных и незначительных проблем.

Наконец, в пользу этого метода говорит тот факт, что сама Библия часто подкрепляет конкретно рассматриваемую тему, напоминая о темах великих, и подводит итоги обсуждения в контексте этого богословского постулата. В истории Ионы сам пророк произносит древний символ веры, которому в гневе сопротивлялся: «Ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии» (Иона 4:2). Павел откликается на проблему раздоров церкви по поводу питания, помещая проблему в более широкий контекст: «Но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1 Кор. 8:6). Вместо того чтобы вникать в мир этих филиппийцев, которые слишком много думали и слишком часто — о себе, Павел спел им гимн, который они знали, но не понимали, весь целиком (Флп. 2:6-11). Гимн, посвященный Христу, обладает таким величием и значимостью, что заставляет всех мелких спорщиков умолкнуть. Развитие великих и центральных тем Писания — акт первейшей пасторской и гомилетической значимости.

Однако надо честно признать проблемы, связанные с этим подходом. В действительности, Библия — не сборник богословских постулатов, и превращать ее в таковой было бы чем-то вроде ее сокращения. Некоторые тексты и даже целые книги нелегко сочетаются друг с другом, свидетельствуя о продолжении борьбы веры за наиболее адекватное понимание и воплощение воли Божьей. Умалчивать об этом факте, значит лицемерить перед церковной историей и природой, доводить библейское благословение церкви до искусственности и нереальности. Когда Татиан работал над своим *Diatessaron*, гармоническим соединением четырех евангелий в одно, церковь отвергла его, как и продолжает отвергать попытки сгладить разнообразие очертаний Библии и облечь его упрощенной формулой: «Библия гласит». Исторические особенности, свойственные Библии, создают определенное разнообразие, которое может вызывать отклик и восприниматься многими разными читателями как бесконечный континуум новых и свежих применений текста. Если очень гладко сводить Писание к одной теме, это чревато невнима-

нием к слушателям проповедей, которые все сливаются воедино. Вдобавок, тематическое истолкование грешит неуважением к литературной форме текста. Пересказ песни Деворы, или псалма 139, или притчи о мудрых и неразумных девах — не просто литературный промах; делая так, мы лишаем эти фрагменты их способности порождать новое значение за счет их формы. И наконец, этот метод может поощрять лень проповедников-толкователей. Переход от трудного текста ко всеобъемлющей теме божественной любви или превращение его в призыв к надежде может произойти мгновенно, в обход проблемных деталей: правил питания, изложения родословных, изгнания бесов и апокалипсических видений. Реальная трагедия таких сокращенных упражнений в том, что они печально влияют на привычку служителя к исследованию и обедняют рацион тех прихожан, которым отказано в богатой и разнообразной пище, ведь, чтобы извлечь ее из текста, нужно приложить усилия.

6. *Толкование с помощью перевода текста.* Любое толкование — это перевод, но данный метод освобождает текст, чтобы он мог непосредственно обращаться к читателю или слушателю, удаляя препятствия, вызванные языковыми трудностями. Убеждение, на котором основан этот подход, гласит, что текст подобен семени, которое несет в себе способность порождать жизнь. Образы, истории, песни, высказывания и исторические повествования в тексте могут вызвать у слушателей переживания, подобные запечатленным в Писании. То есть откровение порождает откровение. Задача толкователя — не изменять, объяснять, применять, или иначе строить мосты между текстом и слушателями. Его задача — скорее освободить текст, перевести его на язык слушателя. Слушателям понадобится помощь, с пядями, сельскохозяйственной системой первого века, калиткой для овец, трехуровневой вселенной, бегами, кровопусканием, мадиамскими купцами, женскими покрывалами и динариями. В конце концов, суть Благой Вести — не в культурных, лингвистических и географических барьерах, а в основном: Бог обращается к нам с судом и благодатью в образе Иисуса Христа. Таким образом, толкователь старается с минимальными

потерями значения убрать ложные преграды и позволить тексту вершить волю свою. Те из проповедников-толкователей, кто способен это сделать, должны будут переводить оригинальный текст с еврейского или греческого. Для других перевод и разъяснение будет происходить с помощью словарей, комментариев и атласов. «Anchor Bible» была изначально задумана как толкование-перевод. Это должен был быть не комментарий к тексту, а новый перевод с небольшим количеством примечаний, необходимых для ясности и достоверности. Это намерение лишь отчасти было выполнено в некоторых книгах, например, Евангелии от Матфея.

Кто мог бы сказать нет этому методу, такому свежему и доверительному действию: текст и слушатель представлены друг другу и могут продолжать знакомство сами? Здесь нет места собственническим замашкам со стороны толкователя; он только расчистил путь, чтобы знакомство было возможно. Здесь нет никакого насилия, текст и слушатель не притягиваются друг к другу с помощью наставлений, кто кому что должен сказать. Текст обладает всей полнотой значения, он, как свидетельствует история толкования и проповеди, многозначен, обращен к разным слушателям в разных ситуациях и с разными потребностями. В конце концов, разве не является смыслом проповеди рождение нового значения в точке пересечения текста и слушателя, а не просто передача информации от одного к другому? Каждый проповедник знает на личном опыте то, что написано в литературной критике: текст обладает самостоятельной жизнью, которая превосходит наши объяснения, сопротивляется нашим переложениям и прорывается через заграждения наших схем. Тогда почему бы не позволить тексту царить; ведь прихожане постоянно просят о том, чтобы в проповедях было больше Библии. Кажется, что нет метода толкования более соответствующего вере в то, что Слово может создать и создаст свою собственную аудиторию, если его язык не будет подменен второстепенными и третьестепенными дискуссиями, объяснениями и применениями.

Но даже в таком случае остается вопрос: достаточно ли этого? Конечно, мощное взаимодействие и преобразование происходит во-

обще без проповеди, под влиянием ясного и неприкрашенного чтения Писания. Кто иногда, следя за чтением библейских текстов на богослужении, не шептал про себя: «Пожалуйста, о проповедник, не запутай их»? Однако все равно надо спросить: достаточно ли этого? Гарантировано, что текст тронет слушателя на разных уровнях: затронет его чувства, эмоции, память и мысль — дистанция между прошлым и настоящим остается и вряд ли можно утверждать, что без дальнейшего толкования слушание и произнесение Слова принесет максимальный результат. Общение всегда трудно, и обязанности проповедника требуют от него с большей ответственностью подойти к процессу, а не просто разрешать ему идти, как получится.

Давайте рассмотрим три примера из Нового Завета. Согласно Луки 4:16-30, Иисус прочел на субботней службе в родной синагоге Исаяи 61:1-2 и в конце сделал одно-единственное замечание. Его благодатные слова приветствовались аудиторией. Почему Он не оставил все так, как было? Текст и слушатели нашли друг друга. Очевидно, Иисус заключил, что они не *услышали* текста, поэтому истолковал его. Их отклик на эту проповедь доказывает, что они не услышали, и не хотели слушать. Они насладились хорошим, ясным чтением Библии, но значение слов вызывало у них тревогу. Второй пример — 1 Коринфянам 7:10-16. Для женатых членов церкви Павел читает текст из высказываний Иисуса, сохраненных традицией: оставайтесь женатым, не разводитесь (стихи 10-11). Но Павел не просто цитирует Библию и оставляет их думать над ней. Некоторые члены церкви женаты на язычниках. Они спрашивают: должны ли христиане продолжать жить в браке с неверующими? Павел отвечает, толкуя текст (слова Иисуса) в свете ситуации, в которой находятся его слушатели. Им нужна помощь для сокращения расстояния. И, наконец, вспомните обсуждение вечери Господней в 1 Коринфянам 11:17-34. Павел рассматривает проблему смешанной и хаотической евхаристии, сначала цитируя текст, содержащий слова наставления, которые передал «Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был» (стихи 23-25). Павел, однако, чувствует расстояние между горницей, в которой находился Иисус, и шумным собранием

Коринфа. Поэтому он толкует текст (традицию евхаристии) и применяет его к ситуации коринфян. Руководство христианами иногда требует не только представления текста и слушателей друг другу; иногда надо начать разговор. Толкование пытается сделать это.

Процесс толкования, какими бы ни были выбранные методы, из перечисленных здесь или иные, требует определенного рода отваги; очевидно также, что толкование — подвиг. Надо быть осторожным с текстом и уважать его, это да; но текст не должен внушать парализующий страх. В конце концов. Писание намного переживет наши попытки истолковать его.

Здесь мы обсудили истолкование слушателей, истолкование текста и сокращение расстояния между ними. Остается обратиться к самой проповеди.

ЧАСТЬ III

*Проповедь: оформление послания в виде
проповеди*

Страница оставлена пустой преднамеренно

Глава восьмая

Какими качествами должна обладать проповедь

Мы рискуем сделать наше обсуждение скучным из-за чрезмерных повторений, но позвольте еще раз указать, что мы еще не касались собственно работы над проповедью. Поиск содержания проповеди и ее оформление — два отдельных процесса с совершенно разными требованиями и динамикой. До сих пор все наши усилия были направлены на поиск самого послания. Теперь перед нами стоит задача придания ему формы и упорядоченности, чтобы оно было услышано и усвоено. При создании проповеди вступает в действие все личное искусство проповедника, все его ораторские навыки и понимание. То, что у проповедника есть послание, вовсе не гарантирует, что слушатели его получают.

Читателей этой книги нет нужды убеждать в том, что процесс изложения труден даже в самых благоприятных обстоятельствах. Даже в разговорах с родственниками и близкими друзьями мы часто можем услышать фразы типа: «Если я правильно тебя понял...» или: «Может, я понял тебя неправильно, но...» Если расширить круг общающихся, включить в него незнакомых людей, расширить возрастные рамки, включить людей с разными способностями, ценностями, интересами и мотивами, добавить разницу каких-то неконтролируемых или даже неосязаемых факторов — и вы почувствуете, какие трудности сопряжены с общением через проповедь. Однако, может быть, кто-то из читателей этой книги считает, что искусное составление проповеди — уступка грешной человеческой природе, попытка проповедника соблазнить и увлечь не желающих слушать прихожан, следовательно, проявление неверия, словно проповедник совсем не уверен в силе Божьей. Широко распространено также родственное твердое убеждение, что животре-

пещущее послание, без всякого искусства и навыков со стороны проповедника, само проложит путь к сердцу слушателя, и Дух Святой без человеческой помощи способен открыть слух прихожан. В этом есть смысл. Оба этих утверждения истинны и должны оставаться таковыми, кто слишком увлекается своим ораторским умением. Однако в то же время они опасны, так как могут заставить проповедника заменить здоровыми убеждениями здоровую привычку трудиться. Те, кто молится так, как будто все зависит от Бога, все равно должны нести бремя ответственности так, как будто бы все зависело от них.

Настаивая, что поиск послания и оформление его в виде проповеди — разные задачи, мы призываем вас к дисциплинированности и обещаем реальные результаты при завершении каждого из процессов. Однако не будем слепы и к тому факту, что иногда случаются моменты прозрения, вдохновения, внезапного проникновения в природу вещей, которые могут помочь разуму преодолеть мгновенно все преграды, одновременно поняв, что говорить и как это говорить. Если ясное представление о строении проповеди приходит одновременно с посланием, порауйтесь этому и поблагодарите. Найти послание и обнаружить, что это уже готовая, созревшая проповедь, — редкий дар, но не повод, чтобы отказаться от дисциплины, которая неделю за неделей выводит нас на кафедру без жалоб. Если ваше нетерпение заставит вас совместить составление проповеди с поиском послания, скорее всего, исследование не будет достаточно тщательным и серьезно пострадает степень объективности.

Перед тем как перейти к процессу оформления проповеди, будет полезно напомнить, какими качествами она должна обладать. Какими качествами должно обладать послание, соответствующее Благой Вести, слушателям, контексту и здравым принципам общения? Конечно, всегда существует множество старых прилагательных, которые всегда готовы, они сидят вокруг и ждут, когда их используют в описании хорошей проповеди: живая, интересная, библейская, личная, краткая, актуальная, полная энтузиазма. Но мы лучше выполним свою задачу, если отвлечемся от этих слишком доступных слов и обратимся к более сложным терминам, которых

меньше, но которые достаточно специфичны, чтобы одновременно управлять нашим творческим воображением и не ограничивать его. Ниже предлагается список, предполагающий заведомо, что содержание проповеди соответствует истинному свидетельству и что она является частью целой службы поклонения и провозглашает Благоую Весть.

1. Единство темы

Мы уже сделали вывод, что результатом толкования в подготовке проповеди (толкования текста, слушателей и сокращения расстояния между ними) должна стать формулировка послания в виде простого утвердительного предложения. Если проповедник способен сделать это, значит, исследование прошло успешно и можно приступать к собственно составлению проповеди. Получившееся предложение — это тема, утверждение, основная идея проповеди. Лучше не называть его «предположением», так как этот термин связан с областью споров и доказательств, следовательно, может повлиять на форму и природу проповеди, заставив ее развиваться в данном направлении. Некоторые проповеди могут быть основаны на предположении и содержать аргументы для убеждения, но не все проповеди должны преследовать такую цель, поэтому не нуждаются в предположениях.

Мы уже говорили, что послание лучше всего формулировать в утвердительной, а не в повелительной форме, чтобы проповедь не была слишком увещательной и наставительной, и не в виде отрицания, чтобы проповедь не превратилась в запрет вместо провозглашения Благой Вести. Здесь надо подчеркнуть, что послание должно быть скорее простым предложением, чем сложным, чтобы сохранить единство и целостность направления. Если в предложении будет несколько союзов, одна или больше точек с запятой, и т. д., — что произойдет тогда? Фокус будет размыт, и трещины между плохо связанными, разобщенными частями этого слишком большого предложения расширятся так, что все в них пропадет, каждому вопросу будет уделено на кафедре мало внимания, и каждое утвер-

ждение будет с протянутой рукой молить о предоставлении ему нескольких строк проповеди. Все мы слышали такие проповеди: они затрагивают слишком много тем, комментируют, говорят о Боге и всех важных вопросах, обещают всем небесные блага, отдают должное Писанию, славят святых, но они неопределенны, в них ни альфы, ни омеги.

Некоторые проповедники признаются, что им трудно сформулировать послание одним простым предложением. Для некоторых трудность заключается в том, что здесь надо принять решение не только о том, что надо сказать, но и о том, чего говорить не надо. Чтобы сказать о чем-то, надо решиться не говорить о чем-то еще. Это значит смириться с выводом, что именно в это конкретное воскресенье многие чудесные христианские идеи не будут сказаны. Возможно, это вызывает примерно такую же боль, как сознание, что, когда вы попадаете в район бедствия, повернуться лицом к одному несчастному, значит отвернуться от другого. Другие жалуются, что тексты Писания слишком многогранны, слишком полны смысла, чтобы свести их к одному посланию. Это правда, что многие тексты имеют больше одного значения, но невозможно сказать обо всем сразу. Вы сможете вернуться к этим отрывкам снова и снова. Однако некоторые проповедники рассматривают многочисленные нужды собрания как общую тему. С точки зрения пасторской заботы, это неплохо, но, как довод в пользу разбросанности проповеди, неразумно и не подкрепляется опытом. Не иметь конкретной цели, значит ничего не добиться, а если вы ясно и конкретно будете говорить об одном вопросе, вы сможете вступить в контакт с людьми разных возрастов в разных обстоятельствах и с разными потребностями. Слушатели проповедей с ярко выраженной идеей прекрасно понимают, что проповедь готовилась лично для них.

Почему такое единство темы так важно для проповеди? Причин много. Среди них следующие: ясное представление о послании дает проповеднику уверенность при подготовке и изложении проповеди; когда слушатели видят, что проповедник хорошо подготовлен, они слушают более внимательно; точность фокусировки позволяет про-

поведнику вольно использовать воображение для создания и сбора обогащающего проповедь материала; общая тема дает уверенность при развитии послания, поиска ключевых моментов; если изложение ограничивается одной идеей, это усиливает интерес слушателя, энергия не рассеивается, он не отвлекается на случайные отклонения от темы; одна общая тема позволяет проповеднику помнить послание и меньше зависеть от рукописи или заметок; одна общая идея естественным образом контролирует отбор материалов для проповеди, тема служит магнитом, который притягивает только подходящее.

В процессе составления проповеди проповедник имеет несколько возможностей вновь пересмотреть или еще сильнее заострить общую тему. Например, попытка еще короче сформулировать идею проповеди — прекрасное упражнение, позволяющее удалить лишнее или избыточное. Идея проповеди должна быть краткой — обычно от двух до пяти слов — она должна передавать суть проповеди, быть выдержкой из найденной ранее темы. Идея эта может служить заголовком проповеди, но часто проповедник формулирует ее для себя, а не для публики. По этой причине заголовок — это идея, перефразированная так, чтобы привлекать внимание и вызывать интерес. При окончательной проверке на целостность и единство проповеди вам может помочь следующая простая процедура: как текст относится к теме, так тема относится к идее, а идея — к заголовку. Таким образом расположенные, они покажут вам наглядно, обладает ли проповедь единством и предостерегут от отклонений в сторону или включения в проповедь неподходящей истории. Достаточно привести два примера для объяснения процедуры.

А. Текст: Матфея 5:21-27.

Тема: В церкви отношения важнее, чем ритуалы.

Идея: Приоритет примирения.

Заголовок: Как уход ведет к благословию.

Б. Текст: Римлянам 13:11-14.

Тема: Чтобы стать христианином, надо вести себя как христианин.

Идея: Поступать, чтобы быть.

Заголовок: Хорошие слова о лицемерии.

Такая информация, написанная на карточке или листе бумаги и положенная в центр вашего стола, немедленно повлияет на ваши разрозненные заметки и создаст порядок из хаоса.

2. Память

Говоря, что проповедь должна обладать памятью, мы имеем в виду, что она должна находиться в рамках традиции верующих. Послание, которое готовится и излагается в таком контексте, окружено облаком свидетельств; его тема, борьба, утверждения, провозглашения веры и хвалы — все это сознательно связано с традицией. Под традицией здесь мы понимаем не только нормативную ее часть, Писание, но и продолжающуюся жизнь людей Божьих. Ни одно христианское общество, как бы оно об этом ни заявляло, не основано исключительно на Библии; оно основано также на бесконечной череде тех, кто пытался понять веру, полученную в наследство, и жить в соответствии с ней. Проповедь, обладающая памятью, не забывает о Гесеме, Иерусалиме, Назарете и Антиохии, но не забывает также о Халки-доне, Виттенберге, Лондоне и Плимуте; она помнит Авраама, Сарру, Марию и Симона, однако не забывает и про Фому Аквинского, Лютера, Весли и Терезу. Используя образ Павла, скажем, что такая проповедь прививает слушателей к оливковому дереву, корни которого — Авраам, Исаак и Иаков. Быть христианином, значит быть частью истории, которая дает каждому человеку и всей общине чувство общности и общей цели, которая простирается за пределы личного опыта верующих в данном месте в данное время. Вера, которая может свидетельствовать только о событиях, происходивших внутри рамок жизни человека, недостаточно сильна и имеет мало ресурсов.

Качество проповеди, которое мы рассматриваем здесь, — это не призыв к сентиментальному или некритическому следованию традиции. Нет, конечно. Память слушает, размышляет, делает выводы и учится; иначе мы приходим к отрицанию настоящего, пресечению пути в будущее и воспрепятствуем пути людей Божьих к зрелости. Но проповедь, обладающая памятью, не сможет впасть в заблуждение, когда Библия читается так, словно никогда раньше ее не читали, и проповедник выходит на кафедру так, словно никто никогда не стоял на этом месте. Сказать, что проповедь должна обладать памятью, не значит, что она должна быть полна древних историй и что слушатели по пути к земле обетованной должны нести с собой кости Иосифа. Есть много разных способов заставить слушателей ощутить соприкосновение с традицией.

Например, рассмотрите методы, с помощью которых библейский текст становится частью проповеди и, вследствие этого, частью мышления, чувств, решений и поступков паствы. Наиболее интенсивное и широко идущее использование текста — это его *разъяснение* в проповеди. Посредством этого слова, фразы, мысли и образы Писания становятся такой неотъемлемой частью послания, что слушатели слышат текст, думают о нем и переживают его. Менее интенсивное использование Писания в проповеди — это *цитирование* без комментариев. На многих кафедрах цитирование отрывков Писания находится в упадке. Вероятно, отчасти это вызвано упадком метода заучивания в публичном образовании, кроме того, это вызвано реакцией многих на бездумные проповеди с использованием симфоний, которые представляют собой немногим более, чем скопление не связанных между собой стихов. Такая реакция понятна, но вряд ли оправдывает то, что проповедник отказывает пастве в праве послушать хорошо подобранные и правильно организованные цитаты Писания. Конечно, немногие вспомнят потом эти тексты, и еще более немногие — их роль в проповеди, но цитаты внесут вклад в формирование внутреннего мира слушателей, в ту память, которая питает жизнь на более глубоком уровне, чем кто-либо способен воспринимать. Третий способ заставить слушателей соприкоснуться с Писанием — это *ссылка*. Намекая на персо-

нажей, истории, события или даже строки Библии, проповедник предполагает, что слушатели обладают определенным знанием, знанием о полном значении ссылки. Ссылки не теряются для тех, кто незнаком с Писанием, потому что обычно несут в себе свое самостоятельное значение. Например, человеку не надо быть знакомым с Даниила 5, чтобы понять слова проповедника: «Он увидел письмена на стене и отказался от посещения этой компании». Однако для тех, кто знаком с текстом, ссылка имеет более богатое значение, кроме того, они получают удовольствие от того, что проповедник считает их знающими людьми. И последний метод питания паствы — это *отголосок* Писания. Отголосок — смягченный вариант ссылки, когда проповедник не предполагает, что слушатель знает содержание отрывка, на который он намекает, и не зависит от этого знания. Служители, которые многие годы изучают Писание, часто почти бессознательно приправляют свои проповеди словами, фразами, именами и фрагментами библейских текстов. Это отголоски, которые, несмотря на нечеткий и фрагментарный характер, придают определенный тон и атмосферу посланию и его восприятию.

Эти четыре приема использования Писания показывают, как проповедник, избегая монотонности или тривиального повторения, может пользоваться памятью церкви для ее обогащения и питания веры.

3. Узнавание

Так как проповедь создается для церкви и обращена к ней, так как Благая Весть исходит от общества верующих так же, как и обращена к ним, прихожане должны узнать в проповеди свое собственное признание греха и покаяние, свое собственное утверждение веры, свои собственные видения и надежды, свои собственные восхваления. Если в самом послании не будет звучать «аминь», как люди смогут ответить «аминь»? Конечно, это звучит утомительно («Опять он за свое!»), но помнить об этом необходимо. Сила и эффективность любого публичного выступления, включая проповедь,

лежит в смешении старого и нового. Кое-какая содержащаяся информация должна быть новой, но обычно она должна составлять не больше 10 процентов послания. Устное сообщение не должно перегружать слушателей, иначе они почувствуют перегруженность и замкнутся для самозащиты. Большая часть новой информации лучше видна на фоне знакомой. Знакомая информация, изложенная по-новому, может быть интересной, как и новая, и приятной, как старая.

Формулируя иначе это требование к хорошей проповеди, скажем, что *шоку* узнавания должен предшествовать *кивок* узнавания. Фактически, если не будет кивка, то есть, если люди не узнают информацию и не согласятся с ней, шок узнавания, то есть, внезапное осознание факта своего призвания, вины, ответственности или обязанностей, невозможен. Только новое может просветить слушателя и даже заинтересовать его, но не сможет его убедить. В Библии есть много примеров этой техники кивка и шока. Именно потому, что Давид был полностью согласен, что богач поступил совершенно несправедливо, заколов овечку бедняка, Нафан смог с таким результатом сказать: «Ты — тот человек» (2 Цар. 12:1-15). Религиозные реформы царя Иосии были вызваны возвращением к книге закона, основывались на традиции (4 Цар. 22-23). Знакомый всем закон и завет, данный на горе Синай, заново формулируется (Второзаконие), чтобы изменить народ. Когда слушатели Иисуса говорят: «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?», они имеют в виду не совершенно новые истины, сошедшие с уст Иисуса, а то, как Он «изъяснял нам Писание» (Лк. 24:32). Авторы библейских книг не считали пересказы знакомых тем пустыми и скучными. Лука пишет: «Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (Лк. 1:4, курсив автора). Павел пишет: «Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли» (1 Кор. 15:1, курсив автора). Иоанн пишет: «Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее» (1 Ин. 2:21, курсив автора).

Мы здесь рассматриваем практическое значение узнавания, которое может применяться при составлении проповеди. Если бы мы

рассматривали этот вопрос с богословской точки зрения, мы, без сомнений, обсуждали бы природу человеческую и способность слушателей Благой Вести распознать ее, даже если они никогда не слышали ее раньше. Очевидно, Благая Весть вызывает во всех нас слабые воспоминания об Едеме, и при этом воспоминании, искаженном грехом, мы осознаем, кем на самом деле являемся. Однако, говоря просто об оформлении проповеди с точки зрения человеческой природы, никто не сможет отрицать того факта, что прихожане обладают определенным опытом, который можно заставить вспомнить с помощью проповеди. Хорошая проповедь учитывает это и запечатлевает изменения, если можно так сказать, в этих записях опыта и знаний. Проповедник не говорит об этом и не привлекает внимания к этому процессу во время проповеди, он просто это делает. В конце концов, некоторые истины и ценности выживают, только если их высказать в форме предположения. Если сосредоточить на них внимание и анализировать их, они умрут не потому, что были ложными, а от чрезмерного к себе внимания.

Некоторые проповедники, наверное, будут возражать, говоря, что в их ситуации узнавание не имеет ценности, потому что большинство их прихожан не знает Библии или традиции, поэтому ничего не узнает. На библейскую безграмотность церкви повсеместно жалуются, и не без оснований. Но мы говорим здесь об узнавании, не о сознательном воспоминании. Нет сомнений, даже некоторые из тех, кто с почетом закончил библейские занятия три года назад, сейчас оказались бы немало смущены, если бы сегодня им предложили тест на проверку знаний. Но этот факт не связан с тем, о чем мы говорим здесь. Мы говорим о таком способе проповеди, который заставит слушателей узнать большую часть материала. Как это предположение влияет на формирование проповеди? Во-первых, оно значит, что проповедник должен рассказывать детали, не опускать их. Например, есть распространенная ошибка проповедников: когда они считают, что фрагмент знаком слушателям, они опускают детали, возможно, чтобы не быть скучными. Принцип узнавания не приветствует подобную практику. Например, рассматривая историю воскрешения Лазаря, подробный рассказ сделает узнавание бо-

лее активным, вызовет кивок, необходимый для последующего шока. Если же кто-то из присутствующих плохо знаком с историей, они узнают ее, и это не будет бесполезно.

Во-вторых, имея в виду факт узнавания слушателей, вы сможете представлять знакомое с интересом и энтузиазмом. Опять же, некоторые служители полны энтузиазма, когда рассказывают новости дня или истории, но вяло продираются через библейское разъяснение. Почему? Одна из причин — предположение, что прихожане уже слышали это и им неинтересно. Когда проповедник думает, что что-то неинтересно слушателям, он неинтересно это излагает, и это ожидание становится пророческим: проповедник сам создает ситуацию, на которую потом жалуется. Возрождение библейской проповеди требует не только большего внимания к разъяснению и лучшего его проведения, но и отказа от отношения к слушателям типа: «Если вы будете терпеливы и внимательно выслушаете библейскую часть, я очень скоро расскажу вам очень интересную историю о том, как дядя Клайд выжил в авиакатастрофе». Принцип узнавания позволяет проповеднику более свободно двигаться по знакомой территории с убеждением и энтузиазмом.

4. Отождествление

Те, кто пишет пьесы и сценарии, знают: чтобы заинтересовать аудиторию и произвести на нее впечатление, надо, чтобы она могла отождествить себя с изображенными героями и событиями. Они также знают, что люди должны быть втянуты в это отождествление, их нельзя соответствующим образом наставить или призвать. Поэтому в сценариях нет указаний, что в определенный момент режиссер или продюсер должен выйти на сцену, прервать пьесу и обратиться к зрителям: «Разве не являются ли многие из вас, подобно Марии, жертвами домашних обстоятельств?» «Разве не переживали вы такой ситуации, как Гарри?» «Кто из вас не испытывал когда-то стремления во всем сознаться и начать новую жизнь, как Эдит?» «Будем же честны и признаем, что все мы — не менее претенциозны и лицемерны, чем Эдуард, о котором у нас сегодня пьеса!»

Хватит примеров. Те из нас, кто думает не о пьесах и постановках, а о проповедях, уже молят прощения, так как понимают: если бы пьесы ставились подобным образом, зрители скоро ушли бы из театра. Мы поняли тщетность и даже вредность попыток призвать к отождествлению, теперь остается задать вопрос: как же мы можем привлечь и удержать внимание слушателей, чтобы они отождествили себя с посланием, чтобы оно воззвало к их разуму и сердцу? Проповедь, способная так подействовать, должна обладать по меньшей мере шестью качествами.

А. Жизненная ситуация должна быть представлена с истинной прозорливостью. Журналистские проповеди, которые излагают текущие события и соотносят их с судом и обетованиями Благой Вести, имеют определенное влияние и ценность, но слушатели не сопереживают им, не отождествляют лично себя с их героями. Такое личное восприятие проповеди происходит, когда речь идет о человеческих отношениях и поведении, представленных с такой пронизательностью, что слушатели говорят: «Да, это именно так. Я не знаю никого, кто понял бы это лучше». Такая проповедь затрагивает в человеке такие чувства, как горе, радость, ревность, страх, стыд, гнев, любовь, веру, предательство, надежду и бесчисленное множество других граней человеческого опыта, представляя все это в свете благодати Божьей. Такие послания воспринимаются как личные и обычно приводят к преображению жизни.

Б. Основное внимание уделяется деталям и конкретике, а не общим местам. Проповеди, полные выражений типа: «современное общество», «сегодняшние ученые», сегодняшняя молодежь», «мировые конфликты», «многие браки», «европейцы считают» или «американский городок» не вызывают у людей волнения, не впечатляют их, ни один прихожанин не станет тянуться к кафедре, чтобы лучше слышать. Жизнь нельзя познать в общем. Слушатели смогут сделать правильные общие выводы только на основании опыта конкретных людей, участвующих в конкретных событиях в конкретном месте и конкретном времени.

В. Материалы проповеди должны быть реалистичны, а не подчинены гомилетическим целям. Не надо быть особенно проница-

тельным, чтобы заметить гомилетические искажения описаний, повествований и характеристик только для того, чтобы тема проповеди была жизненной. Материалы, подогнанные под требования иллюстрации или увещевания, лишь покажут слушателям, что они и проповедник живут в разных мирах. Они не могут отождествить себя с людьми и обстановкой такого мира. Иногда рвение проповедника, который хочет, чтобы идея подошла всем, или чтобы кто-то обязательно отождествил себя с ней, приводит к некоторой неестественности повествования. Например, предположим, что служитель хочет описать самый приятный отдых. Он берет пример из собственного опыта в студенческие годы. Студент сладко спит, будильник выключен. Вдруг он вскакивает, смотрит на часы: времени — без пяти восемь, а в восемь начинаются занятия. Он мчится в ванную, как сумасшедший, и вдруг вспоминает, что сегодня суббота и занятий нет. Он облегченно вздыхает и снова забирается в теплую постель. Каждый может узнать себя в этом примере, но наш беспокойный проповедник хочет быть в этом уверен. Поэтому он расширяет историю, проспавший у него восклицает: «О Боже, я опоздал на занятия, или на работу, или на встречу, или на автобус, или еще что-нибудь». Реальный рассказ о реальном опыте разрушен из-за гомилетической попытки охватить все возможности.

Нет большего препятствия для отождествления слушателя с проповедью, чем изображение в проповедях греха. Чтобы проповедь была эффективной, надо, чтобы слушатели идентифицировали себя, узнали себя в личностях, отношениях или поступках грешников. Однако, кто, слушая описание греха как чего-то неразумного, грязного, низкого, подлого, мерзостного и видного издалека, способен сказать: «Господи, да ведь это я»? Если вы берете в качестве текста обращение Иисуса к фарисеям и изображаете их карикатурно, никто из слушателей не скажет, что слова Иисуса обращены к *нему*. Никто не сможет отождествить себя с этим нереальным, преувеличенным, искусственным образом.

Г. Повествование и описание должны быть эмоционально сдержанными и точными. Мы советуем вам быть внимательными к реальности, но надо пояснить этот момент. Слушатели любят расска-

зы, обладающие эмоциональной силой, но сдержанные. Если говорящий пытается выжать из события все возможные чувства, эмоциональность становится чрезмерной, и это отталкивает слушателей. Сначала они отшатнутся инстинктивно, потом будут смущены, недовольны, рассержены. То же самое относится к описаниям. Слишком много прилагательных словно наставляет слушателя, что он должен видеть и слышать, и как ему реагировать на описанное. Сказать слушателям заранее, что шутка — замечательная, значит вызвать у них мысль: «Посмотрим, так ли это». Если синяя птица описана слишком подробно, ее не предлагают слушателям, а вручают силой. Если чересчур живо описать свисток паровоза, он не прозвучит, он будет навязчиво греметь в ушах.

Д. События должны рассматриваться с одной и той же точки зрения, если вы не предупреждаете слушателей об обратном. Лучше будет, если при рассмотрении события или повествования, библейского или иного, проповедник будет занимать одну и ту же позицию по отношению к посланию. Если истину лучше подать, заняв другое или третье положение, надо подготовить аудиторию к этому повороту точки зрения. Иначе они могут запутаться, эта путаница нарушит эффект отождествления, и слушатели будут разочарованы. Например, предположим, что вы рассматриваете притчу о рабочих в винограднике (Мф. 20:1-15). Проповедник может отстраниться и рассказать обо всех персонажах со стороны или же занять позицию хозяина виноградника или работников, которые пришли рано, или же тех, кто пришел поздно. Выбор точки зрения определяется желанием слушать и воспринимать историю, но, когда выбор сделан, оставьте взгляд с других позиций для других проповедей. Никто не может слушать концерт одновременно из амфитеатра, с балкона, из оркестровой ямы и с первого ряда. Никто не может отождествить себя с героем проповеди, если перспектива часто будет меняться.

Е. Насколько это возможно, материал проповеди должен переживаться вами в процессе рассказа. Другими словами, говорящий находится внутри проповеди, в результате слушатель будет пытаться тоже погрузиться в нее. Конечно, часть проповеди могут состав-

лять информация и историческое повествование, но даже и это можно подать с чувством и воображением. Иногда переживание проповеди во время изложения требует от проповедника усилий, поэтому каждый сам должен установить для себя эмоциональный порог. Однако великое преимущество такого способа изложения в том, что эмоции всегда соответствуют содержанию; не существует искусственных чувств. Если проповедник будет искренним в своей радости, гневе, скорби, негодовании или неприязни, слушатели естественно откликнутся и в какой-то степени отождествят себя с проповедью.

5. Ожидание

Учитывая тот факт, что слушание проповеди требует времени и немалых усилий и может потребовать также изменения жизни человека, как может проповедник ожидать, что люди будут слушать его с неизменным интересом? Если мы скажем, что преданность и привычка удерживают внимание многих слушателей в течение долгого времени независимо от качества содержания и изложения, это будет ответом лишь отчасти, и не всегда верным. Проповедники ожидают, что их будут слушать, и одна из основных причин этого — важность темы. Вторая же причина, поддерживающая многих проповедников: они усердно работали над таким оформлением проповеди, которое вызвало бы и питало определенные ожидания. Создать качественное предвосхищение — основная задача построения проповеди. Можно даже сказать, что, независимо от важности предмета, проповедь, построенная скучно и не вызывающая любопытства, не привлечет внимания даже самого преданного прихожанина.

Трудно переоценить важность ожидания в человеческой жизни. Надежда позволяет нам бороться со штормами, переносить периоды боли и лишений, справляться с неприятными и скучными задачами, терпеть разочарования и задержки в выполнении наших планов. Кроме того, вероятно, предвосхищение — величайший источник наслаждения для человеческого духа, даже больше, чем выпол-

нение ожидания. Проповедник понимает динамику ожиданий, поэтому строит проповеди так, чтобы в них рано появилось обещание, но выполнение этого обещания откладывает до момента, когда слушатель уже достаточно увлечен посланием и принял ответственность за то, что услышал. Проповедник использует кульминационное построение, чтобы уловить и удержать внимание слушателя, пока он не будет также увлечен посланием, как и говорящий. Все это призвано служить одной цели: чтобы слушатель изменил свое отношение или поведение.

Достаточно только раз прочитать рассказы, "чтобы понять, как можно расположить материал, чтобы он вызвал и поддерживал ожидание. Нервное напряжение и угроза для отношений рано или поздно приходят к кульминации, и наступает радость примирения. В другом случае великая несправедливость сердит читателя, который с нетерпением ждет восстановления справедливости. В третьем — накапливаются двусмысленности и непонятности, пока читатель не начинает требовать и молить о разъяснении. Возможно, невинный человек ждет оправдания или беспомощная жертва — окончания периода невезения. Эти примеры слишком драматичны, конечно, но принципы, с помощью которых писатели покоряют и удерживают читателей, доступны и проповеднику. Однако доступность — одно дело, а использование — другое. Часто проповедник сомневается, допустимо ли и нужно ли использовать художественные способности и воображение при подготовке проповедей. Жива еще древняя выдумка, что неуклюжее, грубое и безвкусное звучит более честно, пророчески и по-христиански, чем умелое, выверенное и актуальное; вероятно, она будет жива, пока существует лень, которой надо как-то маскироваться под религиозным убеждением.

Сейчас мы не говорим о литературном блеске и цветистом воображении. Для того чтобы проповедь вызывала ожидания, надо понять одну важную задачу кафедры: надо не сказать что-то, но заставить что-то услышать. Служитель изучает воскресный текст: Адам и Ева изгнаны из Едема, Иосиф прощает своих братьев, Давид оплакивает смерть Авессалом, Руфь любит Ноеминь, Иисус

изгоняет бесов, которые вселяются в свиней, Петр впервые проповедует перед язычниками, Павел прощается со старейшинами ефесской церкви, Иоанн видит Новый Иерусалим. Служитель стонет: «Опять? Как я буду снова рассказывать об этом?» Другой служитель сидит перед тем же самым текстом и думает: «Как мне привлечь и удержать их внимание в течение достаточного времени, чтобы они смогли услышать и ощутить текст?» Для второго проповедника достижение цели предполагает в основном два фактора: надо иметь послание — то есть, знать, к какой цели движется проповедь, — и уметь ограничить этот путь.

Так как в начале этой главы мы заявили, что послание было обнаружено в ходе исследования, давайте на мгновение обратимся ко второму фактору: ограничению. Если вы изложите всю суть вопроса во вступлении или в первых пяти минутах проповеди, кто будет продолжать слушать? Время проповеди будет тянуться, как мертвое тело, весь полдень, и неугомонные дети будут спрашивать, скоро ли конец. В чем проблема? Проповедь не правдива? Конечно, правдива. Писание не используется? В ней полно Писания. Проповедник, может быть, притворщик, шарлатан? Нет, конечно; никогда не было сомнений в его вере и душевных качествах. Что же тогда? Слушателям нечего ожидать.

В конце жизни Карлу Сэндбергу, историку и поэту, репортер задал вопрос: «Как вы думаете, какое самое некрасивое слово в английском языке?» Мистер Сэндберг нахмурился задумчиво и повторил фразу: «Самое некрасивое слово в английском языке». Репортер и телезрители ждали. Мистер Сэндберг изобразил на лице сосредоточенность и медленно произнес: «Самое некрасивое слово?» Все ждали. Мистер Сэндберг посмотрел в сторону, словно в поисках этого слова, написанного где-нибудь на стене, поджал губы и снова пробормотал: «Слово? Некрасивое слово?» Репортер и миллионы людей затаили дыхание. Пауза затянулась, но она была напряженной и многообещающей. Мистер Сэндберг обернулся к репортеру: «Самое некрасивое слово, — сказал он, — самое некрасивое слово (пауза) — исключительный». Он произнес это слово в атмосфере ожидания, созданного исключительно на основании ог-

раничения, и много лет спустя в памяти многих эта сцена осталась яркой, живой и сильной.

6. Близкие отношения

Группа слушателей никогда не бывает так велика, чтобы аудитория не ожидала установления неких личных отношений между слушателями и говорящим. Если спросить людей о природе этих отношений, скорее всего будут произнесены слова «внимание», «доверие» и «уважение». Эти ожидания не чрезмерны и вполне реальны. Говорят, что шум, который мы слышим в морской раковине, вызван пульсацией крови в держащей ее руке. Поэтому нельзя полностью разделить то, что человек слышит в проповеди, и того, кто ее излагает. Мы говорим здесь о таком качестве как близость.

Истинные близкие отношения не могут быть планомерно созданы проповедником, он не может в определенный момент подготовки сказать: «Теперь я должен как-то проявить свои близкие отношения со слушателями». Это качество связано со зрительным контактом, но не порождается им. Зрительный контакт переоценивают. Он должен соответствовать содержанию, форме и настроению проповеди. Но сам по себе зрительный контакт — это всего лишь glance на публику. Близкие отношения нельзя создать и историями из личного опыта. Многие прихожане приветствуют исповеди проповедника, если они коротки, не слишком часты и гармонично связаны с темой проповеди. Однако слишком частое упоминание о себе, о своей жене и детях может быть воспринято как эгоизм, призыв к одобрению или извинение: посмотрите, ваш служитель — тоже человек! Близкие отношения — не качество проповеди, это качество, на основании которого строится проповедь. Всегда остается некоторая дистанция. Говорящий и слушатель верны друг другу, но их близкие отношения должны быть здоровыми и несобственническими. Эмоции — неотъемлемое качество отношений, но они никогда не должны быть такими, чтобы ограничивать свободу, свободу принимать решения, придерживаться других взглядов, иметь иные мнения о толковании.

Основной вклад в установление близких отношений вносит тот факт, что проповедь — устное сообщение. То, что проповедь является устным сообщением, говорит не только о том, что она произносится, но и том, что она построена по принципу устного сообщения. Это качество существует, даже если служитель проповедует на основании рукописи, хотя заметим, что заметки часто препятствуют установлению близких отношений. Принципы устного сообщения и вопрос использования заметок или рукописи мы рассмотрим в двух следующих главах. Сейчас нас волнует психодинамика устного сообщения для установления общения и близости. Голос человека, обращенный к группе людей, жизни которых по-разному взаимосвязаны, имеет необычную силу. В отличие от читателей письменного текста, слушатели вынуждены участвовать в том, что говорит оратор в самый момент сообщения. Их бессознательная реакция проявляется в телодвижениях, движениях глаз, лица, губ, которые едва заметны, но могут указывать на степень участия. Когда проповедник и прихожане полностью отдаются содержанию и развитию проповеди, и говорящий, и слушатели очень хорошо ощущают друг друга. Близость возникает на основании восприимчивости. Кроме того, все это происходит в условиях общего пения, молитвы и ответов хором.

В отличие от текстов, устные сообщения способствуют возникновению близости, так как говорящий и слушатели чувствуют себя «внутри» очень важного события. Придите в церковь как-нибудь в воскресенье и понаблюдайте за тем, как проповедник и собрание участвуют, иногда шутливо, иногда серьезно, в общих шутках, решении внутренних проблем, понимании и даже заговорах против внешних сил зла. Эта близость, конечно, может быть создана искусственно, может эксплуатироваться и противоречить универсальной без ограничений любви Бога. Проповедники должны быть осторожными, работая в такой атмосфере, чтобы не создавать зависимости и подражания. Но, несмотря на злоупотребления, здоровая близость жизненно важна для проповеди, она способствует доверию и вниманию, которые важны для эффективного сообщения и слушания Благой Вести.

Говоря о процессе составления проповеди, мы не должны думать о том, как «получить хорошую проповедь», но о том, как заставить людей выслушать и усвоить послание. А для того, чтобы слушатели восприняли проповедь настолько, насколько мы можем дать ее им, она должна обладать этими шестью качествами: единством темы, памятью, узнаванием, отождествлением, ожиданием и близкими отношениями.

Глава девятая

Формирование проповеди

Различные функции формы

Не существует такой литературной формы, которую можно было бы определить как «проповедь». Говоря о романе, рассказе, сонете, шуточном стихотворении, поэме или басне, мы представляем себе вполне определенную форму, чего нельзя сказать о проповеди. Конечно, люди, которые много лет слушали проповеди одного и того же типа, думают, что знают, что такое проповедь как форма. Они могут даже полагать, что в семинарии всех студентов обучают именно так оформлять послание; в конце концов, это же проповедь. Однако это не значит, что в иудейских и христианских общинах был разработан новый жанр, который получил название проповеди. При подготовке письменных материалов церковь использовала и модифицировала разнообразные жанровые формы, такие, как послание, апокалипсис; Евангелие иногда даже принимало форму героического жизнеописания. Использовалась для провозглашения Благой Вести и греческая риторика. Хотя риторика доминировала в области гомилетики в течение многих сотен лет, даже этот шаблон устного сообщения нельзя назвать *единственно возможной* формой проповеди. В наше время проповедь по-прежнему определяется скорее замыслом и содержанием, чем формой.

Мы говорим это не для того, чтобы объявить о бесформенности проповеди. Какая бы конкретная форма ни доминировала в проповеди в течение какого-то времени, молодые проповедники всегда бунтовали, являясь сторонниками, а иногда открыто требуя упразднения формы. С конца 1960-х гг. и до конца 1970-х нередко можно было услышать проповеди, состоящие из скопления материала, от-

рицающего всякие каноны оформленности и развития, которые казались, скорее, коллажем или беглым обзором новостей, или же потоком сознания. Этот период бунта и эксперимента нельзя считать необычным; обычно между отказом от старой структуры и созданием новой образуется пустота. Эта революция затронула не только проповедь: музыка, архитектура, искусство, даже структура ценностей — все подверглось ее влиянию. Теперь, когда пыль осела, многие признают, что старая форма проповеди была не совсем адекватной, но никто не знает, чем ее заменить. Основная непреходящая ценность любого переходного периода — признание факта, заново проявившегося в проповеди, что поиск формы должен продолжаться, так же как и поиск новых способов, соответствующих не только Благой Вести, но и нашему восприятию, пониманию и усвоению реальности.

В ранней церкви устная традиция существовала раньше и развивалась параллельно традиции письма и чтения, тексты Нового Завета передавались в устной форме при передаче веры. В Евангелиях чудесные истории, притчи, поговорки, афоризмы, изречения и рассказы о воскресении несут на себе отпечаток устной традиции. В посланиях тоже видны фрагменты материала, извлеченного из устного общения, подобные гимнам, символам веры, формулам крещения, молитвам и славословиям. Кроме того, так как послания читались на собраниях, то есть писались скорее для слухового, чем для зрительного восприятия, в них также используются литературные приемы, обращенные к пониманию и памяти слушателей. Например, Павел часто использует обрамления (отрывки завершаются теми же словами, с которых начинаются), хиазмы (обратный параллелизм по типу «а-б-б-а»), списки обязанностей по хозяйству, противопоставления и другие заметные литературные приемы. В конце концов, чтобы послание сохранилось преимущественно в устной культуре, надо было обратить особое внимание на его форму.

Давайте рассмотрим, помимо запоминания, некоторые другие функции жанровых форм раннехристианской традиции и повествований. В обоих Заветах часто встречается такая форма как прощальная речь. Моисей, Иисус Навин, Павел, Стефан и Иисус — все

они обращаются с прощальными речами, и все эти речи имеют общую цель: связать традицию с современной жизнью общества, заставить прошлое воззвать к настоящему. Прощальные речи Иисуса (Ин. 14 — 16), например, связывают слова исторического Иисуса со словом живого Христа, Который продолжает говорить с церковью. Другая форма, которая часто встречается в четвертом Евангелии, — это диалог: Иисус говорит с Никодимом, с самарянкой, с Марфой и Марией. В каждом случае беседа, которая начинается, как частная, постепенно расширяется и начинает обращаться к чтецу и всем, кто его слушает, со свидетельством веры. С какой бы темы не начался такой диалог, в конце всегда присутствует откровение Бога, Который дает жизнь вечную тем, кто верит. Другими словами, диалог у Иоанна — форма провозглашения, одна из форм проповеди. В посланиях Павла рассказ о жизни апостола обычно облекается в форму, которую можно было бы назвать «раньше... а теперь». Резкий контраст между прошлой и теперешней жизнью Павла содержит мощный призыв благовествования, в то же время, оказывается наиболее популярной формой проповеди обращения. Любимый жанр Луки — рассказ о путешествиях, Иисуса — в Евангелии и Павла — в Деяниях. Форма рассказа о странствии не только создает образ жизни странника, но служит также средством для объединения отдельных и разнородных фрагментов традиции об Иисусе и Павле. До сих пор рассказ о путешествии остается вполне жизненной формой проповеди. Последний пример функциональной формы — сцены в суде в Книге Деяния. Там их много. Как можно было лучше провозгласить христианство законной верой, чем рассказом о решении «невиновен», вынесенном Римом? Если задействовать воображение, мы можем представить себе определенную тему и обстоятельства, которые и сегодня могли бы оправдать оформление проповеди как обращения к судье с просьбой о вынесении приговора на основании фактов.

Эти примеры привлекают внимание не только к разнообразию форм проповеди, использовавшихся в ранней церкви (в Новом Завете их гораздо больше, чем мы здесь перечислили), но и к способам их функционирования. Форма — это не просто некая подстав-

ка, опора, линия, вдоль которой должно развиваться повествование, она сама по себе активна, она вносит вклад в то, что говорящий хочет сказать и сделать, иногда она не менее убедительна, чем содержание. По мере того как общение становится все более сложным и умудренным, внимание к форме сообщения и к ее значению становится первостепенным для всех, кто хочет быть услышанным. Как рама для картины, форма для проповеди помогает задержать внимание, подчеркнуть, сфокусировать, помочь восприятию слушателем послания. Давайте будем помнить, что:

Форма создает и удерживает интерес. Например, если поместить кульминацию рассказа в его конце, интерес будет сохраняться до самого конца. Вспомним два примера. Притчи в Луки 15 посвящены теме утраченного и обретенного. В притче о блудном сыне эта общая тема подчеркивается словами «пропадал и нашелся» в самом конце речи отца, даже *после* более серьезных слов «был мертв и ожил». «Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадали нашелся» (стих 24, также смотрите стих 32). В Иоанна 19 солдатам приказывают перебить голени трем распятым. Иисус распят в середине, но, рассказывая историю, автор сначала говорит, как перебили голени первому, потом — третьему и, наконец, подошли к Иисусу. Причина этого, конечно, заключается в желании привлечь внимание к Иисусу. Кому было бы интересно слушать о третьем распятом *после* того, как они узнали, что стало с Иисусом? Драматический акцент становится важнее логической последовательности.

Форма заостряет восприятие материала слушателем. Человек, входящий в комнату, по расположению мебели может предвосхищать, что его ждет дальше, так и форма сообщения влияет на слушателя. Фактически, иногда достаточно услышать вступительную фразу, чтобы определить форму и ждать последующего сообщения. Вот фразы, которые явно сигнализируют нам о привычном опыте: «однажды давным-давно»; «жил-был один человек»; «возлюбленные братья, мы собрались здесь»; «жили два ирландца, Пэт и Майк»; «я, находясь в здравом уме и твердой памяти»; «согласно показаниям одной из сторон». Если формы смешиваются, например, если вы попытаетесь ввести исторический факт после

слов «однажды давным-давно», вы запутаете слушателей и впустую потратите информацию.

Форма оттачивает веру слушателей. Немногие проповедники осознают, насколько форма проповеди влияет на качество веры прихожан. Служители, которые неделю за неделей оформляют свои проповеди как доказательства, доводы в споре, придают ту же форму вере своих слушателей. Быть христианином значит доказывать свою правоту. Те, кто постоянно пользуются противопоставлением «раньше/теперь», создают у слушателей впечатление, что обращение — нормативная модель превращения в верующего. Проповеди, в которых неизменно собрание ставится перед выбором «или/или», заставляют людей видеть все перед собой в чрезмерно упрощенном, негибком виде, и считать, что вера всегда требует принятия немедленных решений. Напротив, проповеди типа «и/и» расширяют горизонты и симпатии, но никогда не ставят слушателей перед необходимостью принятия решения. Форма чрезвычайно важна. Независимо от рассматриваемого предмета проповедник может внушать людям строгость или терпимость, твердое следование закону или милосердие, замкнутость или открытость, воинственность или склонность к примирению, готовность к обсуждению или требование немедленных ответов. Служители, которые попадают на кафедру, долгое время занятую проповедником, оформлявшим свои проповеди всегда одинаково, вскоре обнаруживают, что люди не хотят слушать проповеди другой формы. Для большинства слушателей изменение формы эквивалентно изменению содержания. «Но это не похоже на проповедь», — говорят они о сообщении нового проповедника, которое не менее соответствует Библии, не менее актуально, не менее здраво с богословской точки зрения, чем то, к которому они привыкли.

Форма определяет степень участия слушателей. Некоторые формы его не требуют. Есть старый образец: заявить во вступлении о содержании проповеди, развить тему и подвести итог в конце. Напротив, построение типа: «Не это, не это, и не то, а вот это» заставляет слушателей думать и оставаться в напряжении до самого конца. Можно оформить одно и то же послание разными способами,

даже заставить одних слушателей работать больше, чем других. Загадка, например, слишком сложна и возлагает на слушателя чересчур тяжкое бремя, поэтому лишь очень редко соответствует природе проповеди. Притча требует от слушателя меньше усилий, но все равно слушатель несет ответственность за то, что слышит, и те ценности, которые воспринимает. Поговорка, как краткая формулировка мудрости, извлеченной из житейского опыта, обычно воспринимается без сопротивления, хотя некоторые поговорки несут в себе потенциал притчи. «На лжи можно уехать далеко, но до дома не доедешь», — по сути это поговорка, но воздействие ее на ум — почти воздействие притчи. Призыв прямо противоположен загадке, он не требует от слушателя никакой работы, но легко усваивается. Проповеднику надо быть мудрым, чтобы решить, насколько заставлять прихожан работать, для этого нужны не только гомилетические навыки, но и пасторская проницательность.

Мы сказали все это, чтобы раскрыть жизненную важность формы, теперь надо заметить: некоторые формы являются более или менее классическими, поэтому позволяют преследовать много разных целей и создавать много разных впечатлений. Давайте рассмотрим, сколькими разными способами можно использовать привычную ситуацию «царь и крестьянин» (в Новом Завете «хозяин и раб»). В эти рамки можно поместить послания о справедливости, несправедливости, кротости и замене ролей, благодати, прощении, обмане и так далее. То же самое относится к «хозяину, который на какое-то время уехал» — эта форма распространена в Новом Завете. В нее можно облечь много важных посланий, не искажая их.

Последний наш пример — это повтор, повторяющаяся фраза или строфа, более свойственная церковной музыке, чем проповеди, однако она может быть использована и в проповедях с реальной пользой. Повтор может функционировать как «аминь», слова подтверждения или согласия, произносимые как проповедником, так и соборанием. Он может также объединять ряд единиц материала с общей темой. Яркий пример этого — псалом 106:1-32, который начинается с повтора, затем следуют четыре эпизода, каждый из которых завершается этим повтором. Иногда в проповеди ключевая строка

текста используется как объединяющий повтор. Повтор может вызывать у слушателей сильные чувства как в пользу темы, так и против нее. Вспомним речь Марка Антония на похоронах Юлия Цезаря в *Юлии Цезаре* Шекспира — повторение слов: «а Брут — уважаемый человек» — порождает в толпе враждебное отношение к Бруту. С другой стороны, повтор может быть банальным и принизить значение темы, превращая ее в абсурдно очевидную. При совсем ином использовании повтор может создавать предвосхищение действия или открытия, которое еще не произошло. Светский пример этого — если вы позволите привести здесь пример из светской песни — баллада «Фрэнки и Джонни»:

*Фрэнки, она была хорошей женщиной, а Джонни,
он был ее мужчиной.*

*Каждый серебряный доллар, заработанный Фрэнки,
Попадал прямо в руки Джонни.*

Припев: *Он был ее мужчиной, но плохо с ней обращался.*

Уже в первой строке повтор предвосхищает проблемы, а повторение его ведет нас к кризису. В Новом Завете повторяющаяся фраза Луки: «Мария сохраняла все слова сии в сердце своем» — готовит читателя к каким-то важным, необычным и трагическим событиям. Можно только удивляться, почему эта очень гибкая форма не применяется в большем количестве проповедей.

Мы убедились, что форма многофункциональна, теперь надо ответить на вопрос: как выбрать форму проповеди в процессе подготовки?

Выбор формы

Некоторые предпочитают выбирать форму готовящейся проповеди из собрания определенных шаблонов. Некоторые проповедники, подойдя к вопросу: «Как же мне это сказать?», обращаются к собранию возможных форм и выбирают одну из них. Это довольно произвольная процедура, конечно, но невозможно возражать против нее, если выбранная форма адекватна и соответствует посла-

нию, не искажая ни его, ни опыт восприятия проповеди. Мы говорим об *адекватности* формы, имея в виду, что некоторые формы неадекватны. Например, форма вопросов и ответов, особенно обьективного характера, которая часто используется на занятиях, неадекватна для отражения более важных богословских истин и тем более для переживания их на опыте. Говоря о *соответствии* формы, мы имеем в виду, что некоторые формы таковым не обладают. Например, проповедь из трех пунктов не соответствует посланию, которое должно быть передано в форме решения «или/или», как: «Изберите себе ныне, кому служить» (Нав. 24:14-15), или тема широких и узких врат, предложенных как альтернативных в Нагорной проповеди (Мф. 7:13-14). Такое послание будет искажено любой другой структурой, кроме двухчастной.

Метод выбора формы из готового набора шаблонов, пусть не привлекательный из-за своей произвольности и некоторой искусственности, не может быть с легкостью и бездумно отвергнут. Бывает и хуже. Рассмотрим две его положительные стороны.

Во-первых, формы, о которых мы говорим, в течение веков использовались писателями и ораторами. Другими словами, они неоднократно доказывали, что способны нести бремя истины с ясностью, вдумчивостью и интересом, поэтому могут считаться стандартными. Из этого запаса шаблонов читатели узнали и, наверное, использовали многие:

Что это? Имеет ли это ценность? Как этого достичь?

Исследовать, объяснить, применить

Проблема и решение

Чем это является, чем это не является

Или/или

И/и

Обещание и его выполнение

Двойственность и ясность

Большее, меньшее, вывод

Не это, не это, и не то, а вот это

Экскурс в прошлое (из настоящего в прошлое и снова в настоящее)

От меньшего к большему

Значительную часть библейских, богословских и пасторских наставлений, увещаний и призывов можно оформить этими способами с минимальными искажениями, избегая сокращений и однообразия.

Другое положительное значение данного метода — он гарантирует разнообразие. Как бы форма ни была хороша, при постоянном использовании она утомляет и слушателя, и говорящего. В общении всегда случаются повторения из-за необходимости разъяснения и ограниченности общеупотребительного языка. Но даже такое повторение рискует быть вредным, надоест и привести к утрате жизненности слов и фраз. Поэтому проповедник старается передать истины как-то по-новому, найти новые формы и заменить ими знакомые. Только человек редкого дарования способен облекать послание неделю за неделей в одну и ту же форму так, чтобы слушатели не принимали «ту же старую форму» за «ту же старую проповедь». И даже такой талантливый проповедник может совершенствоваться и двигаться по направлению к разнообразию, используя дюжину или около того форм проповеди.

Число служителей увеличивается, и при выборе формы проповеди они обращаются не к запасу форм, которые обычно хранят проповедники и другие ораторы, но к Писанию, а именно, к библейскому тексту, на основании которого составлена проповедь. Внимание к форме отрывка давно считалось важным для тщательной экзегетики. Кроме того, форма библейского текста давала историкам ключи к разгадке жизни и деятельности израильтян и раннехристианских общин, так как форма отражает содержание; то есть, эти материалы были составлены для поклонения, дебатов, благоговения, инициации и наставления новых членов группы, а также для особых случаев. Однако до недавнего времени идентификация формы и функции таких единиц текста, как притчи, поговорки, диатрибы, изречения, благословения, благодарения, прощания и апострофы лишь минимально отражались на строении проповеди. Это показывает, до какой степени логическое строение речи Аристотеля оказало влияние на гомилетическую традицию и обучение ей. Лишь

немногие ставили под сомнение практику облечения библейских отрывков в одну и ту же форму, независимо от формы самого отрывка. Когда взаимодействие между библейскими и литературными исследованиями возросло, проповедники уделяют больше внимания тому, как текст подчеркивает свою идею и производит впечатление на читателя, в результате, они чаще смотрят на текст в поисках не только содержания, но и формы проповеди.

Ценность обращения к библейскому тексту в поиске не только содержания, но и формы проповеди, очевидна. Все преимущества разнообразия формы, которые перечислены ранее, относятся и к этой процедуре. Кроме того, целостность проповеди обеспечена, если и замысел, и суть ее почерпнуты из одного и того же источника. Мы не хотим сказать, что проповедь *должна* иметь форму текста: если текст имеет форму молитвы, не обязательно делать из проповеди молитву, или рассказывать о притче в форме притчи, об изречении — в форме изречения, и так далее. Иногда форма текста прекрасно подходит к проповеди, например, в случае с некоторыми притчами, или с обращением в Иакова 5:1-6. Однако важнее вникнуть в форму текста, чтобы понять, какую цель она преследует: хвалу, наставление, осуждение, ободрение, защиту, примирение, обучение — и затем иметь в виду эту цель при составлении проповеди. Если проповедник имеет в виду какую-то другую цель; то есть, если текст, изначально задуманный как осуждение, теперь, из-за изменившихся обстоятельств, читается и рассматривается как одобрение, проповедник принимает толковательное и гомилетическое решение и несет за него ответственность. Такое решение помогает нам не совершать ошибки, которая может произойти, если не обратить внимания на замысел текста и в неведении создать у слушателей впечатление, что цель текста и цель проповеди совпадают. Пристальное внимание к форме, как текста, так и проповеди, обычно вызывает вопрос у тех, кто следит за текстом в руках проповедников: не приведет ли изменение формы проповеди по сравнению с текстом к изменению значения текста для слушателей? Например, проповедь о том, что «блаженны нищие духом» (о блаженстве), превращаясь в «мы должны быть нищими духом» (при-

зыв), изменяет не только форму, но и содержание. Проповедь о блаженстве должна провозглашать блаженство.

Чтобы подкрепить наше понимание того, как текст питает и содержание, и форму проповеди, давайте вкратце рассмотрим два примера. Евангелие от Иоанна рассказывает нам о том, как арестованный Иисус предстал перед первосвященником Анной (18:12-27). Однако этот краткий рассказ дважды прерывается упоминанием о Симоне-Петре, который находился снаружи во дворе. Последовательность такова: Иисус перед Анной; Симон — снаружи, с рабами и служителями; Иисус утверждает истину даже перед лицом наказания и смерти; Симон отрицает истину, чтобы сохранить себе жизнь. Камера перемещается от Иисуса к Симону, что усиливает контраст. Должен ли проповедник отказаться от этой формы ради какой-нибудь другой? Прием, часто используемый Марком, — раскол истории. Один такой раскол мы видим в 5:21-43. Между двумя частями рассказа о том, как Иисус воскресил дочь Иаира, вставлен эпизод исцеления другой «дочери» (стих 34). Одна история помогает толковать другую, а строение придает повествованию драматичность и напряженность. В конце рассказа автор придает событию симметричность и завершенность. Во владении этой формой Марк показал себя проповедником, достойным подражания. Иногда автор в малом объеме текста сочетает много разных форм, указывая на то, что единицы, которые когда-то существовали порознь в церковных проповедях, теперь собраны по темам. Рассмотрите, например, Луки 16:10-13. Стихи 10-12 оформлены в знакомом и распространенном виде аргумента от меньшего к большему (любимый пример автора к Евреям), но в стихе 13 происходит переход к форме «или/или». Проповеднику следует сохранить форму Луки в обоих подпунктах, но рассматривать все четыре стиха в рамках одной проповеди не рекомендуется. Иногда вы можете обнаружить очень простой и прямолинейный текст, но незаменимо важный по строению. Такова ситуация с 1 Коринфянам 11:17-34. Христиане Коринфа писали Павлу о своих проблемах в поклонении, особенно связанных с вечерей Господней (проблема), а Павел отвечает им ясными напоминаниями и указаниями (решение). Форма отрывка оста-

ется до сих пор такой же полезной, как и содержание. Проповедник должен быть осторожен, сохраняя равновесие между двумя частями; многие более живо и внятно представляют проблему, чем ее решение. Другие отрывки — драматичны, но их строение не менее адекватно и полезно. Например, Иоанна 9. История об исцелении слепого заключена в рамки богословского постулата. Обратите внимание: Иисус исцеляет слепого и исчезает со сцены. Человек, который был слепым с самого рождения, оказывается один на один с враждебным и неприятным миром. Его ближние не верят, родные — боятся, религиозные вожди попались в ловушку собственного богословия, они высмеивают и гонят его. В заключительной сцене Иисус возвращается и вознаграждает человека за веру. Какой прекрасный пример обращения к церкви, которая существует в мире, между первым и вторым пришествием Христа. И последний пример: 2 Царств 7:1-16. История основана на перестановке: Давид живет в доме, Бог живет в шатре, и Давид хочет построить Богу дом. Желание Давида осмысленно и хорошо. Но Бог отвечает на него, говоря, что Давид не построит дома для Бога; это Бог построит дом для Давида. Переход от человеческого усилия к божественному дару — основная форма, в которой оба Завета представляют неожиданность Божьей благодати. Проповедник может научиться от их авторов, что проповеди об этом и подобных текстах не просто должны описывать и объяснять эту перестановку, они сами должны быть задуманы как перестановка, чтобы слушатели заново испытали неожиданность благодати.

Таким образом, мы обсудили форму проповеди с точки зрения ее источника: собрание испытанных и стандартных шаблонов или библейский текст. Есть еще один фактор, который должен действовать в момент составления проповеди, — понимание пастором нужд собрания. Имеется в виду не конкретная тема, проблема или текст, а уважение к общему состоянию собрания, их мировоззрению, отношению к себе и их окружению. Другими словами, хочет ли пастор поддержать или изменить текущее отношение и поведение прихожан? Пастор знает, какое крупное событие или ряд мелких событий может перевернуть с ног на голову, изменить и пере-

ориентировать отношения, веру и ценности собрания. В такой ситуации пастор как проповедник может предпочесть поддержать паству, укрепить ее, создать у нее ощущение, что она «как дома» в мире, в любви и божественном провидении. Этого можно добиться многими путями. Например, могут быть выбраны особые тексты ободрения и уверенности. Но может отчасти быть использован и выбор формы проповеди. Никто не будет каждый день переставлять мебель в комнате пожилого человека, недавно покинувшего дом и перебравшегося в дом престарелых. Никто не будет произносить на похоронах новой, остроумной, необычной проповеди с неожиданным концом. Такая попытка не сделала бы чести интеллекту проповедника и сбила бы с толку его слушателей. В таких обстоятельствах форма послания должна быть привычной, предсказуемой, естественной, не требовать многого и завершаться ясным выводом. Эта форма должна вызывать у слушателей согласие, а не изумление и не шок. Достаточно трудно двигаться в полной темноте, не испытывая боли и смятения.

С другой стороны, проповедник может знать, что его слушатели закоснели и заскучили без вопросов, сопротивления, вызова, возможно, без информации, привычка мешает им слышать Благоую Весть. В такой ситуации пастор как проповедник будет, несомненно, пытаться прогнать эту апатию и равнодушие, и есть немало средств для этого. Пророки и Иисус дали немало подобного содержания, но, повторяем, сейчас нас волнует прежде всего форма. Если проповедник обычно использует конкретное строение проповеди, которая стала знакома слушателям, любое значительное изменение шаблона вызовет дискомфорт, необходимый для того, чтобы услышать Слово по-новому. Все мы защищаемся от посланий, которые не хотим слышать. Некоторые проповедники, знающие об этом, предпочитают говорить одно и то же, так же, надеясь, что баррикаду, возводимую слухом, можно сокрушить с помощью громкости, частоты, гнева и угрозы. Но они недооценивают упорства тех, кто сознательно глух. Однако то же самое послание, оформленное иначе, может проскользнуть мимо бдительного стража, достичь слуха и завоевать сердце. Многие из притч Иисуса, очевидно, служили этой

цели; фактически, они делают это до сих пор. Слушатель, который решил отвечать на проповедь только зевотой, оказывается увлечен рассказом о блудном сыне, рабочих на винограднике или талантах. Как только он увлекся, обычный метод согласия или несогласия с проповедником больше не действует; вовлеченность в притчу затрагивает ценности, веру и страхи человека. Однако проповедник, который решился изменить форму, должен быть осторожен, чтобы не злоупотреблять ею и она не утратила эффективности. В конце концов, даже притчи Иисуса отличаются друг от друга по форме. Некоторые рассказывают о неожиданной благодати, как истории о рабочих на винограднике, другие более предсказуемы в своем заключении, как истории о неразумных девушках. Изменение формы удерживает внимание слушателя.

Создание формы

К данному моменту, как мы предполагаем, у проповедника есть послание, результат исследования слушателей и текста, и для того, чтобы это послание было услышано, ему нужно придать форму, соответствующую содержанию, замыслам проповедника и способностям слушателей. Для выполнения этой задачи мы предлагаем процедуру для выбора одной из возможных форм проповеди и соответствующих источников. Мы уже рассмотрели плюсы и минусы процедуры и источников. Остается поговорить о создании, а не выборе формы проповеди в процессе ее подготовки.

Чтобы создать, а не выбрать форму, надо отказаться от поиска структуры или плана проповеди, который волнует каждого проповедника. Точнее, надо подчинить этот поиск иным интересам, более важным для жизненности и эффективности проповеди. Вместо того чтобы задать вопрос: какой хороший план я могу использовать для передачи этого послания? — надо задать другой вопрос: Какова основная смысловая нагрузка этой проповеди? Другими словами: Что нужно сделать, чтобы это послание было услышано? То есть ответить на вопрос: Как отнесется слушатель с его знаниями, отношениями, чувствами и предыдущим опытом к сегодняшнему тексту и

посланию? Проповедник читает в своем кабинете вслух текст готовящейся проповеди и представляет себе, как он подействует на ум, чувства, память и опыт слушателей. Проповедник произносит вслух тему или предмет так, словно он объявляется собранию (объявление темы заранее или хотя бы непосредственно перед проповедью — обычная практика), и представляет себе лица тех, кто слышит это объявление. Загорелись ли у них глаза, волнуются ли они, наклоняются ли они поближе в ожидании? Или же они настроены враждебно, руки сложены на груди в знак недоверия, или лица ясно выражают смирение и терпение?

Эффективность будущей проповеди в значительной степени зависит от двух факторов: 1 — способности проповедника предугадать реакцию слушателей и 2 — способности проповедника оформить проповедь так, чтобы создать нужную ему реакцию. Если ожидаемая реакция явно положительна, не надо расслабляться и прекращать подготовку на том основании, что более интересные темы требуют меньших усилий при изложении. Можно сказать, что, когда интерес к теме высок, готовиться надо еще лучше, потому что больше вероятность разочарования. Тот, кто рано встает из-за стола, говоря: «Им всегда нравится такое», — неправ и слишком полон самомнения. Проповедник должен стараться привлечь максимум доброжелательного интереса и сделать все, чтобы дать готовым к восприятию умам как можно больше материала по теме. Если же, с другой стороны, проповедник имеет основания полагать, что тема или предмет будут приняты с равнодушием, без интереса или же враждебно, на него возлагается обязанность так построить проповедь, чтобы пойти навстречу, преодолеть и по возможности изменить первоначальный отклик. Обратите, пожалуйста, внимание: мы говорим об оформлении проповеди, а не о ее *содержании*. Ожидаемый отклик не должен влиять на *содержание* проповеди. Послание уже найдено с молитвой, пасторски, пророчески, оно здраво с точки зрения Библии и богословия. Но ожидаемая реакция является основным фактором для определения формы, в которую проповедник облечет свое послание.

Мы повторяем, что ответственность проповедника за послание проявляется в момент принятия послания слушателем. Особенности этой ответственности зависят не только от аудитории, но и от послания. Например, если слушатели ничего не знают или неправильно информированы о чем-то, задача ясна: просветить. Послание будет оформлено так, чтобы обучить. Имея в виду эту цель, можно придать проповеди определенные черты: она должна содержать информацию, но не быть ею перегруженной, чтобы не подавлять людей; метод и настрой сообщения информации должен напоминать людям о том, что им уже известно; информация должна быть легко запоминающейся, что достигается посредством повторений, аллитераций, резких противопоставлений, нумерации пунктов (их не должно быть больше трех); информацию можно расцветить в помощью сравнений и конкретных примеров. Евангелия, учат об Иисусе посредством историй о том, что Он сделал; и это неплохой образец. Служитель не имеет права быть педантом или снисходительным. В конце концов, его задача — не показать, сколько он знает, но объяснить другим. Как и во всех других задачах служения, как проповедник и наставник, он является слугой. Мы должны особенно остерегаться оправданий в высказываниях и манерах: «Я знаю, это неинтересно, но, пожалуйста, послушайте меня; я обещаю, что буду краток». У всех нас когда-то бывали скучные учителя, но все же мы знаем, что учение интересно и полезно. Проповедь, предназначенная прежде всего для обучения, может быть изложена страстно и с энтузиазмом, потому что проповедник знает, что в ситуации дезинформированноеTM или неведения знание может быть искупительным и освобождающим. Но слушатели не ощутят это возбуждение, это освобождение познания, если просто подталкивать их к груде фактов, побуждая и требуя большую часть времени. Даже если начать все с шутки, это не поможет, разве что можно предупредить заранее, что в ходе проповеди им придется пройти по безводным и безжизненным местам.

Рассмотрим пример. Текст воскресной проповеди — 1 Коринфянам 11:23-34, рассказ Павла о том, что он называет «вечеря Господня» (стих 20). Предположим, тема будет: «Не жизнь участников, а

способ участия имеет значения». Предположим, что послание обращено к собранию, в котором преобладает неправильное понимание вопроса. Практика и общение выявили, что паства путается в этом тексте и в вопросе вечери Господней. Согласно местной устной традиции, Павел предупреждает недостойных, что они не должны участвовать, чтобы не навлечь на себя осуждение Господне. Наречие «недостойно» (стих 27) они приняли за прилагательное (недостойный). Задача проповедника ясна: объяснить, что за евхаристией Благая Весть может быть провозглашена заново. Его в основном волнует эта задача, а не строение проповеди. Воспитывать значит вести. Поэтому не следует начинать с упрека («Вы неправильно понимаете этот текст») или мини-лекции об истории Коринфа («Павел учредил церковь в Коринфе, городе в современной Греции, во время второго миссионерского путешествия»). Чтобы вести кого-то, надо взять его или ее за руку и пуститься в путь. Почему бы не так: «Есть ли здесь кто-нибудь, кто не колебался перед евхаристией Господней, думая, достоин ли он принять хлеб и чашу? Нет, наверное. В самом деле, некоторые из нас не только колеблются, но испытывают искушение отказаться от приглашения. Почему? Потому что мы слишком высоко чтим этот священный ритуал. Кто я такой, чтобы сидеть за столом Господним?» После такого начала можно указать, что такое отношение не редкое и не частное дело, иногда оно поддерживалось практикой церкви. Можно привести в пример моральные испытания, которые некогда предназначались для определения, кто чего достоин. Почему бы нет? Разве Библия не предупреждает нас неоднократно, что недостойные не должны касаться священных предметов? Опять же есть примеры из Ветхого Завета. Фактически, разве Павел не говорит здесь об этом? Теперь служитель может перейти к тексту, говоря, что в таком предупреждении нуждалась коринфская церковь. Он быстро перечисляет массу проблем, которые существовали в этой общине. И что говорит им Павел? Он не прогоняет никого от стола, как Иисус не прогнал ни Иоанна, ни Иакова, ни Петра, ни Иуду. Какая поразительно радостная весть: для всех есть место за столом. Что же так обеспокоило Павла? Теперь следует обсуждение, напоминающее,

славящее и провозглашающее Благою Весть. Таким образом можно провести слушателей через опыт, историю церкви, Ветхий Завет, евангелия и текст проповеди. Многие заново осмыслиют этот текст и вечером Господню, а те, кто понимал все правильно, утвердятся в своем мнении. Был ли у этой проповеди план? Конечно; но его никто не искал.

Все, кто уже проповедуют и кто только собираются проповедовать, знают, что не все ситуации позволяют облечь проповедь в форму наставления, хотя в каждой проповеди есть нечто обучающее. Иногда проповедник предвидит, что паства отнесется к теме или посланию равнодушно, и не более того. Возможно, это равнодушие связано с конкретной ситуацией. Например, рассмотрим традиционную службу в День благодарения. Во многих местах, независимо от того, происходит это вечером накануне или в сам День благодарения, присутствует относительно маленькое Тело Христово, и оно еле живо. Богослужение екуменическое, что очень подходит для свидетельства общины, но это не сказывается на посещаемости, и оно людей не волнует. Пастор, который будет проповедовать, подготовил послание из Филиппийцев 4:10-20, о благодарности, которую Павел выражает филиппинской церкви. Тема оформлена интересно: «Отдавать приятнее, чем принимать, — но и проще». Но энтузиазм самого проповедника не спасает ситуацию; случай привычен, в церкви только ответственные постоянные посетители. Ситуация предсказана годы тому назад. Единственное сомнение — это подаст ли проповедник в этом году пять зерен паломникам в покаянии, предшествующем благодарению, или напомнит всем, что Иисус исцелил десять прокаженных, но только один вернулся, чтобы поблагодарить. И опять будет задан вопрос: «Где были остальные девять?» Проповедник не хочет просто прочесть проповедь и покончить с этим; он подготовил важное послание, которое стоит внимания. Важно не поддаться апатии и не напроорочить самому себе, что проповедь будет безрезультатной. С каким же настроением надо выйти к людям? Не надо жаловаться на апатию присутствующих; вообще не надо обсуждать мотивы поведения тех, кто *пришел* («Действительно ли мы благодарны, или это просто

привычка?»). Текст из Послания филиппийцам такой сильный, что можно начать так: «Представьте, что вы получили письмо с благодарностью за подарок, где сказано: "Спасибо за подарок, но я хочу, чтобы вы знали: он мне не нужен. Мне ничего не нужно. Искренне ваш". Как бы вы почувствовали себя? Конечно, необычно; и так почувствовала себя церковь, получив подобную записку от Павла». Служитель потом может рассказать отрывок, обсудить его трудные места, все сложности, шероховатости и красоты подобного выражения благодарности. Если он предпочитает начинать не с текста, он может сказать: «Часто мы говорим: "Господь, сделай нас благодарными"». Разве это не странно? Бог должен давать нам не только дары, но и чувство благодарности за них. Разве мы сами не можем быть благодарны? Разве детей нельзя научить благодарности? Это так трудно?» Потом приступайте к тексту. И те, кто не собирался слушать, будут слушать.

В этой гипотетической ситуации апатия вызвана привычкой, и проповедник может справиться с ней, используя необычный текст. Но если сам текст, когда вы его читаете, вызывает чувство: «О нет, только не это опять!»? Такой может быть первая реакция на Иоанна 15:1-6, на образы лозы и ветвей в прощальной речи Иисуса. Большая часть верующих может прочесть этот текст наизусть или хотя бы рассказать своими словами, они слышали массу проповедей, не раз встречали этот образ и, вероятно, думают, что ничего нового здесь сказать нельзя. Во многих традициях проповеди порождают новые проповеди, а изначальный текст оказывается забытым. В таком случае лучше всего вернуться к тексту. В приведенном выше примере с Иоанна 15:1-6 самое мощное, самое трудное, самое важное утверждение автора редко рассматривается в проповеди. Христос — это лоза, и этот образ вызывает утешительные и бодрые мысли. Мы — ветви, и этот образ призывает нас к покорности и преданности. Но весь этот отрывок начинается с упоминания о Боге как виноградаре, том, кто приходит в виноградник с острым лезвием. Некоторые ветви он отсекает, а некоторые — прививает. В греческом тексте слова, обозначающие отсечение ветвей, которые сжигаются, и присоединение их обратно (прививку) для увеличения

урожая обозначено тем же корнем, только приставки разные. Иногда все мы ощущаем прикосновение ножа, который, по словам автора, является рукой Божьей, но наказание это или прививка для рождения заново? Страдающие хотят знать это, если возможно: наказывают их или готовят к лучшему? И так вы привлечете их внимание к тексту, который больше не кажется мертвым и похороненным под грудой полузабытых проповедей.

Очень вероятно, что к этому моменту мысли читателя устремились вперед, к текстам и темам, которые вызывают другой отклик у слушателей. Например, есть ряд текстов, которые вызывают горечь, обиду, ощущение несправедливости. Есть тексты, которые объявляют о радикальности Божьей благодати. Когда Бог «передумал» и пощадил Ниневию, Иона говорит, что Бог полон сострадания и любви. Иисус у Матфея объявляет о беспристрастности Бога, который посылает солнце и дождь добрым и злым в равной мере и платит дневную плату тем, кто работал один час. «Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» — спрашивает владелец виноградника в притче. У Луки Иисус славит доброту Бога к неблагодарным и эгоистичным, рассказывая истории о крестьянах за царским столом и пирах в честь блудных сыновей. У Иоанна Иисус исцеляет хромого и слепого, которые даже не знают, кто Он, не говоря уже о вере. Павел проповедует благодать, чтобы никто не хвалился. Для проповедника рассматривать эти тексты, значит бороться с представлением слушателей о справедливости, утверждать терпимость к злу, если не его прощение, подрывать принципы усердного труда и определения своего пути в жизни, не говоря уже о том, что люди перестают понимать, где враг, и обнаруживают себя на одной скамье с теми, против общения с кем предостерегали своих детей. Многие хотят благодати, но не такой странной, и проповедник, который действительно хочет, чтобы слово о благодати было услышано, не станет бить и убегать. Проповедь должна быть задумана так, чтобы он занял место среди слушателей, выразил их чувства, вызванные объявлением Бога о всепрощении и свободе. Это будет болезненно, вне всякого сомнения, как всегда бывает при столкновении греха с благодатью, но это будет нужная боль в нужном мес-

те, а не попытка отвлечься на размеры Ноева ковчега, чтобы забыть о действительной теме разговора.

Когда проповедник таким образом обдумывает свою задачу, обычно он не составляет незрелого плана и не перечисляет «пункты». Такие вопросы, как: сколько пунктов надо освещать в проповеди? — его не занимают, потому что он думает не как составитель речей, а как пастор и пророк. Перед тем как первое слово проповеди произнесено, он ясно представляет себе реакцию слушателей, состояние их ума и сердца по отношению к посланию. Чтобы оформить послание в виде проповеди, он ставит перед собой задачу дня: сегодняшний текст встретит непонимание, равнодушие, недостаточную информированность, сознательное избегание, горечь, апатию, недоверие, несогласие, полное одобрение, слишком легкое согласие или какую-то еще реакцию, которых бесчисленное количество. С этого пересечения послания и слушателя проповедь начинает развиваться, движется через текст, использует сравнения, примеры, образы, даже приятные сноски или намеки на дороги, которые будут пройдены в следующий раз, пока проповедник и собрание не будут знать, что послание произнесено. Независимо от того, прозвучит ли оно с кафедры точно в тех же словах, проповедник может выразить послание в одном предложении, которое является плодом исследований, до начала проповеди.

Если, когда процедура оформления проповеди завершена, получается форма, похожая или даже идентичная одной из распространенных, входящих в дежурный набор, это неважно. Важно, чтобы подготовка следовала определенной задаче послания перед конкретными слушателями по конкретному тексту или теме. Форма такой проповеди — часть самой ткани послания, она не навязывается извне, чуждая и взятая из другого источника. Как мы заметим, рассматривая изложение, соответствие формы и содержания — необыкновенное преимущество для запоминания, ибо некоторые в противном случае жалуются на трудность составления плана и рукописи.

Иногда таким образом найденная форма не будет иметь четко выраженного плана как такового, во всяком случае, его не запомнит

слушатель. Так, возможно, оно и должно быть. Очень часто план послания похож на строительные леса, которые после того, как строение завершено, не имеют никакого значения. Или, скажем по-другому, форма может уничтожить саму себя, когда послание достигает цели. Для слушателя, даже для другого проповедника, заметность плана может быть лучшим комплиментом энергичности, интересное, динамичности и призывной силы проповеди. Однако, если ваше намерение — заставить слушателей помнить некоторые утверждения, как может быть в случае с проповедью-наставлением, построение должно быть заметным и привлекать к себе внимание посредством повторений и подведения итогов.

Наконец, пусть проповедник, который занимается этим процессом, как бы занят он ни был, посвящает ему всю свою энергию и не боится, что нарушил наставления старых учебников по гомилетике и заставил старых преподавателей переворачиваться в могиле. Важнее всего — проповедовать Евангелие, и все должны радоваться этому умению.

Запись проповеди

Мы еще ничего не говорили о записях, и сознательно. Было бы ошибкой думать, что задача всей этой работы — написать проповедь; это не так. Задача — проповедовать, записи же — вспомогательны, не больше и не меньше. Если проповедник будет думать, что задача подготовки — написать воскресную проповедь, это будет иметь ряд негативных последствий. Во-первых, написанная проповедь — это некий итог работы, который не только дает чувство удовлетворения (спасибо Господу, я закончил с этим!), но и прекращает процесс рождения идей и труда, что преждевременно. Мысль о том, что работа сделана, можно уйти и заняться другими вещами, так привлекательна, что она может повлиять на процесс осмысления, прочувствования, воображения и формирования и побудить поставить точку там, где еще действуют запятые, тире и вопросительные знаки.

Во-вторых, если задачей процесса станет написание проповеди, во время подготовки вы станете думать о написании, а не произнесении. Проповедь — устное сообщение, чтобы она прошла наиболее успешно, проповедник должен представлять себя разговаривающим с прихожанами, когда составляет проповедь. Выберите представителей собрания: пожилых, молодых, активных, пассивных, образованных, необразованных, консерваторов и либералов — и, думая об их взглядах, подбирайте слова проповеди. Поймет ли она это? Интересно ли это будет ему? Смогут ли они следить за развитием этой истории? Разница между устным сообщением и текстом будет очевидна служителю, когда он станет готовиться как оратор, а не как писатель. В тексте часто встречается перегруженность информацией, в то время как устное сообщение тяготеет к краткости, приспособляя количество информации к хрупкости момента сообщения. Устное сообщение использует блоки идей и образов по ассоциации; в письменном — идеи и примеры выстраиваются в линейной последовательности, как слова на странице. Письменное более абстрактно; в конце концов, читающий может перечитать текст во второй и в третий раз, у него есть время подумать. Устное сообщение достигает слуха сразу, у него нет второго шанса, поэтому его фразы должны быть ясными, а образы — конкретными. Писатель будет стараться соответствующим образом завершить каждое предложение; говорящий иногда может произнести несколько слов и видеть при этом, что слушатели поняли мысль. Когда вы пишете, вы стараетесь описывать беседы или обобщать их, избегая частого использования кавычек, при устном сообщении можно воспроизводить прямую речь, и это часто делается. Цитаты из прямой речи придают большую живость сообщению, приближают рассказ к настоящему; при описании беседа оказывается удаленной от читателя во времени и пространстве. Этих различий между устной и письменной речью достаточно, чтобы убедить вас: при подготовке проповеди и самого проповедника надо иметь в виду изложение.

Третий отрицательный результат превращения написания проповеди в цель подготовки — то, что перед проповедником теперь сто-

ит сложная задача извлечения послания из текста и его произнесения. Подготовка, которая ведется *по направлению к* записи, потом должна пройти тот же путь в противоположном направлении: *от* записи к устному сообщению. Как мы уже говорили, эти два метода сообщения весьма различны, чтобы с легкостью перейти от одного к другому. Некоторые проповедники, которые записывают проповедь, а потом кладут ее перед собой в субботу вечером и в воскресенье утром, кажется, не очень-то хотят к ней возвращаться. Они кладут рукопись на кафедру, словно она написана другим человеком. О самом использовании рукописи говорится как о слабости или нарушении правила, в тоне извинения. Некоторые кажутся неуверенными, как всегда случается при отсрочке принятия важного решения. Должен ли я учить это наизусть? Должен ли я читать, стараясь скрыть, что читаю? Или же просто читать открыто, не приносясь? Сейчас мы забегаем вперед и говорим уже об изложении, к обсуждению которого еще перейдем, но надо сказать сейчас, что в значительной степени эти смущение и неуверенность, вызванные записью текста и последующим его произнесением, могут быть устранены, если с самого начала вы будете готовить устное сообщение.

Однако многие проповедники — и среди них есть очень умелые — протестуют: «Я всегда записываю проповеди полностью. Меня так учили, и без этого я буду сбиваться». Возражая на это, мы хотим сказать три вещи. Во-первых, мы не собираемся выступать против тщательно продуманной рукописи в пользу торопливо и плохо приготовленной проповеди без заметок. В такой ситуации рукопись является преимуществом, спору нет. Несомненно, некоторые проповедники поддались обаянию популярного предпочтения проповеди без заметок, и это заставило их мало внимания уделять подготовке и поступиться дисциплиной. Мы призываем к тщательной подготовке, но при ней надо иметь в виду устное сообщение, подчинять заметки разговорному слову. Во-вторых, мы не отрицаем значения записей для служения. Записи помогают вам улучшить владение грамматикой и синтаксисом, добиться большей ясности в выражении идей. Более важно, что записи могут обога-

тить ваше служение посредством переписки, написания статей для церковной газеты через специальные издания и местную прессу. Письменное общение обладает своим значением, и надо воспитывать в себе навыки письменной речи. Но пишут для читателей, а говорят — для слушателей. И то, и другое — общение, но этого родства недостаточно, чтобы сказать, что, готовясь к одному, можно посвятить себя другому.

Наконец, в настоящий момент, говоря о записи проповеди, мы не рассматриваем еще, что человек будет брать с собой на кафедру. Существует много средств, чтобы помочь в изложении, которые мы обсудим, но то, что вы пишете в процессе подготовки проповеди, следует отличать от любых бумаг, которые вы будете, если будете, использовать в момент изложения. Например, некоторые проповедники пользуются полной рукописью, но никогда не берут ее с собой на кафедру.

Что же следует записывать, если прежде всего мы нацелены на устное сообщение? Записи могут помочь нам следующими пятью способами.

Во-первых, запишите в центре листа текст, формулировку темы и идеи проповеди. Это поможет вам зрительно сосредоточиться. Чаще всего, причем оправданно, проповеди без заметок критикуют за их тенденцию сбиваться с пути и отвлекаться от темы.

Во-вторых, мысленно вспоминая послание, запишите основную информацию и идеи. Большинство из них может быть переписано из заметок, сделанных при чтении и исследовании, в результате которого вы получили данное послание. Не старайтесь сформулировать все окончательно. Будьте готовы поменять местами и преобразовать пункты на листе. В данный момент мы делаем заметки с одной-единственной целью: чтобы упорядочить материал. Другими словами, обращайтесь внимание на развитие темы, при устном сообщении оно особенно важно.

В-третьих, задавайте вопрос о каждой фразе или идее, ясна ли она; то есть, нужно ли ее разрабатывать дальше, нужны ли примеры, сравнения, иллюстрации. Обычно предпочтительно бывает рефразировать идею знакомыми словами, а не сопровождать непо-

нятное заявление ясным примером. Фотографии оживляют скучные страницы учебника, но вряд ли проясняют запутанный и непонятный текст.

В-четвертых, запишите в виде полных фраз или даже кратких параграфов те конкретные места проповеди, где мысль развивается сложно, связана с напряжением, сильными чувствами или может быть неправильно понята. Это не относится ко всем частям проповеди. Фактически, некоторые проповеди не требуют никаких точных, тщательно продуманных формулировок, но есть и такие двусмысленные места, которые даже самый одаренный оратор не может осветить спонтанно, под действием вдохновения. Записи в такой момент должны привлекать внимание и служить устному изложению. Проповедник может записывать все возникающие варианты, пока не найдет самый точный способ выражения.

Наконец, обдумайте все, что у вас получилось в результате записей, организации и перемещения материала, снова просмотрите текст, формулировку темы и идеи, и спросите: действительно ли эта проповедь отражает содержание текста, передает эту тему, соответствует идее?

Любые записи, сделанные в этом процессе, даже если вы захотите полностью записать проповедь, должны быть нацелены на нужды устного сообщения. Конечный продукт должен быть совершенно отличным от результата желания написать воскресную проповедь. Как мы увидим, изложение будет отличаться от него еще более разительно.

В этой главе мы говорили о форме, замысле, шаблонах, строении и границах, обсуждая процесс составления проповеди на основании послания. Это слишком общие слова, они не передают в полной мере ожиданий слушателя от проповеди. Теперь надо обратить внимание на те элементы, которые обогащают и оживляют форму.

Глава десятая

Обогащение формы

Важно сразу же сказать, что элементы проповеди, которые служат ее «обогащению», — не избыточные, они не добавляются произвольно, это не предметы роскоши, без которых можно и обойтись. Мы рассмотрим здесь неотъемлемые элементы проповеди, а не украшения. Живой язык, ясные описания и подходящие примеры *составляют* проповедь, так же как ее форма. Но при подготовке проповеди надо соблюдать естественную последовательность, поэтому поиск формы предшествует работе с данными элементами. Если бы вопросы образного языка и описаний не были так важны для проповеди, мы просто печатали бы в виде плаката тему послания и поклонялись ему, а проповеди бы вовсе не было. Таким образом, смысл проповеди — не просто высказаться и покончить с этим. Проповедь должна увлечь слушателей, нести ответственность за то, что они услышат, заставить их воспринять послание и принять решение. Сам по себе план проповеди не может добиться этой цели.

Однако проблема многих проповедников состоит в противоположном подходе; то есть, они сначала занимаются обогащением, а на форму обращают внимание только потом. Давайте подчеркнем еще раз, что наш порядок отражает не приоритет и большую важность того или иного момента, но лишь последовательность процесса подготовки. Проповедник, нашедший послание, затем переходит к обнаружению или составлению плана проповеди, который будет способствовать восприятию послания. В некотором смысле, между проповедником и слушателем существует соглашение, и форма проповеди должна отражать это.

То же самое уважение к данному соглашению или заветным отношениям должно преобладать при выборе и создании обогащающего материала. Мы должны не только стараться быть интересными, но и говорить правду. Существует этика договора между проповедником и слушателем, который мы должны стараться не нарушать. С одной стороны, проповедник не должен быть жестоким, он не должен создавать у слушателей ложные ожидания или оставлять их наедине с таким запутанным посланием, что оно породит только неуверенность, слушатели будут разочарованы и почувствуют себя обманутыми. Конечно, небольшая запутанность в начале проповеди может быть оправдана; в конце концов, задача последующей проповеди — все разъяснить. Но оставить все идеи в зачаточном или смешанном состоянии, даже когда вы убеждены, что все эти люди обязаны прийти к самостоятельным выводам, — спорное поведение как с гомилетической, так и с этической точки зрения. Действительно, некоторые из сидящих перед кафедрой слушателей всегда настороже, даже подозрительны, но есть и другие, не менее нуждающиеся, которые сидят тихо и доверчиво слушают вас. Трудно сказать, что из этого предпочтительнее, но присутствует и то, и другое. Скорее всего, покорные составляют большинство. С течением времени, когда способ обращения проповедника с деликатными, неполными, скрытыми вопросами станет знаком слушателям, даже покорные будут более активными, будут принимать больше участия. Тем временем, они нуждаются в гомилетической помощи, чтобы обрести свободу и ответственность. Это пасторская и этическая проблема, от которой не надо прятаться.

С другой стороны, проповедник не должен нарушать соглашение между ним и слушателями, оскорбляя слушателей, не воспринимая их как равноправных участников проповеди, не давая им возможности самостоятельно работать, не принимая их альтернативных мнений. Большинство слушателей хочет не только соглашаться с точкой зрения проповедника (аминь), но и делать собственные открытия во время проповеди (ага). В то же время каждый слушатель обладает естественным ходом мыслей и некоторой пред-

сказуемостью, это очевидно, как то, что после полудня солнце клонится к закату. Если все время утолять предполагаемую жажду ясности и завершенности, это может не только сделать проповедь скучной и неинтересной для пытливого ума, но и приведет к тому, что значительная часть проповеди не будет услышана за ненадобностью.

Сейчас мы обратимся к рассмотрению обогащения формы проповеди, связанного с тремя моментами: языком проповеди, описанием и примерами.

Язык проповеди

Давайте подумаем о языке, словах и фразах проповеди, всей проповеди, а не отдельной истории или описательного фрагмента внутри нее. Если обращать пристальное внимание на язык, вам понадобится очень мало примеров, хотя слушатели, скорее всего, будут довольны, если проповедник приведет полезные примеры. То, что и так ясно, не нуждается в дополнительном пояснении. Основная задача при выборе слов и фраз — они должны не изрекать, но пробуждать; не отражать ваше образование, ценности, жизнь или взгляды на текст, но выражать значение текста, послание. Этот принцип обращен к слуху аудитории, а язык проповедника — только раб этой задачи. Важно иметь это в виду, хоть и очевидно, что именно проповедник оформляет послание в определенные слова.

В проповеди используются в основном предложения двух видов: передающие информацию и пробуждающие переживания, чувства, воспоминания.

Первый тип обладает своей силой и ценностью постольку, поскольку передает информацию словами. Например, предложение: «В пять часов тридцать минут вечера двухмоторный самолет "Сессна", летящий из Луисвилля в Шривпорт, потерпел крушение в горах Лорел, шесть человек, находившихся на борту, погибли», — содержит информацию. Оно не привлекает никакого внимания к себе, выделяя свое смысловое содержание. Точно, прямо и непо-

средственно оно достигает слуха и исчезает, оставив груз информации. Слушатель получает информацию, ему некогда и не интересно обращать внимание на слова и словосочетания. Некоторые проповедники испытывают трудности с предложениями такого типа. Вероятно, причина в их тяготении к призывам и увещаниям. Возможно, трудность заключается в неумении оценить важность информации, самой по себе, в чистом виде, для проповеди, и интерес слушателей к простому, точному и фактическому материалу. Какова бы ни была причина, трудность обычно проявляется трояко: информация сообщается как срочная сводка новостей; информация смешивается с фразами морализаторского характера, дающего ей применение; и информация передается не как информация, предложениями, рассчитанными на эмоциональный отклик. Если проповеднику не удастся четко и ясно формулировать информационные предложения, ему может помочь чтение лучших сводок новостей и статей репортеров.

Другой тип предложения, который призван возбуждать переживания, чувства или воспоминания, имеет ценность и силу именно в этом: способности породить, пробудить, создать эмоциональный отклик. Поговорка: «На лжи можно уехать далеко, но до дома она не доведет», или поэтическое: «Моя жизнь подобна опавшему листу», — предложения такого рода вызывают совершенно разные мысли и чувства. В этих примерах нет лишних слов, которые могли бы отвлечь на какие-то другие идеи. Нет здесь и информации, которая могла бы быть выделена или требовать чего-то от слушателя. Каждое из выражений обладает своим центром, образ служит магнитом, привлекающим к себе размышления и эмоции. Действительно эффективная проповедь, которую прихожане продолжают обсуждать после выхода из церкви, должна содержать ряд таких выражений. Мы призываем вас использовать их не только для цитирования, но и для выражения собственных чувств и мыслей. Чтобы быть жизненным и результативным, образный язык не обязательно должен запоминаться. Основное требование к такой фразе — она не должна быть побудительной и перегруженной чрезмерным количеством прилагательных и наречий. Основное требование

к тому, кто использует такой язык, — естественность. Пусть фраза складывается сама, без насилия со стороны говорящего. Образную речь надо лишь выпустить на свободу.

Не так уж просто позволить словам делать свое дело; фактически, для проповедников это — реальная проблема. Причин на это в основном две, одна заключается в контексте проповеди, а другая — в самом языке. Что касается контекста, регулярность и привычность проповеди обычно перед одними и теми же людьми мешает уделять большое внимание словам и тому, что они могут сделать. Если проповедник не будет принимать меры против этого постепенного упадка, кафедра может пострадать, причем служитель сам не замечает, как и когда ее значение так упало. Что же касается самого языка, то процесс упадка продолжается постоянно, острота и жизненность слов утрачивается. Хорошие слова, богатые значением и волнующие, теряют гибкость, когда их слишком часто используют, и вскоре становятся достоянием комиков, которые высмеивают проповедника. Некоторые слова просто изнашиваются, другие — изменяют значение, третьи становятся банальными, некоторые огрубляются.

Этот упадок языка волнует не только служителей; многие писатели тоже жалуются на это, а некоторые пытаются отсрочить, если не остановить этот постепенный упадок. Например, Гертруда Штейн, писатель и литературный критик, пыталась вернуть словам их жизненность, отказываясь от привычных правил использования прописных букв и пунктуации. Читатель вынужден или быть внимательным, или потеряться среди не связанных фраз. Ту же цель преследуют нескончаемые повторения: «Роза это роза, это роза, это роза». Какие меры, шаги, упражнения могут помочь проповеднику в постоянной борьбе за живость языка? Мы предлагаем список стимулов и предложений. Если ничто из этого не кажется вам полезным, может быть, вы сможете найти другие способы, более соответствующие потребностям и обстоятельствам.

1. Помните о важности и силе слов, прочтите труды опытных авторов, которые могут оказаться полезны. Среди них Макс Пикард,

Дж. Л. Остин и Уолтер Онг. Не пренебрегайте и обширным свидетельством Писания (Ис. 50:4-6; 55:10-11; Мф. 12:33-37; Рим. 10:14-17 и многие другие места).

2. Говоря о своей работе проповедника, используйте более сильные и образные выражения, чем привычные «беседа», «обращение» или «проповедь». Например, почему бы не подумать о выходе на кафедру, чтобы «поделиться словом» или «нарушить молчание»?

3. Каждый день по пятнадцать — двадцать минут (перед завтраком или перед сном) читайте очерки, пьесы, рассказы, поэзию и романы авторов, которые признаны великими. Вы должны делать это не для подражания и не для поиска полезного материала, но чтобы слушать мастеров языка и учиться у них.

4. Пишите частные письма друзьям и родственникам. Частные письма из всех письменных упражнений ближе всего к устной речи.

5. Раз в пять или шесть недель пересматривайте свои проповеди на предмет слишком частого использования каких-нибудь слов или фраз. Они просачиваются в проповедь, иногда незаметно. Обнаружив такие слова, отложите их на время. Если дать им отдых, они могут снова ожить.

6. Слушайте разговоры людей друг с другом не с целью подслушивания, но чтобы уловить настроение. Вам может представиться такая возможность в аэропорту, автобусе, самолете, парке, спортплощадке, ресторане. Такой опыт может быть особо полезен, когда вы оказываетесь в других районах страны. Другой акцент, диалектные выражения, новые высказывания обогащают речь.

7. Пользуйтесь возможностью поговорить с людьми из других стран, которые учат английский. Никто уже нынче не живет в местах столь отдаленных, чтобы у него не было возможности встретить человека, для которого английский — не основной язык. Такие беседы заставят вас не только прислушиваться к каждому слову, но и тщательно подбирать свои выражения, искать синонимы и другой способ выражения мысли. По иронии судьбы люди, не говорящие по-английски, могут помочь нам овладеть своим родным языком.

8. Говорите с маленькими детьми, от трех до пяти лет. Дети в этом возрасте не просто повторяют то, что слышат, они создают свои собственные фразы и предложения. Они наслаждаются этим процессом и могут утомить слушателя бесконечной болтовней. Но проповеднику, словарный запас которого истощился, полезно будет послушать впервые произнесенные слова и по-новому оформленные предложения. Проповедник может даже получить новое удовольствие от таких слов, как щенок, утка, зоопарк, желе, Эшли и Кевин.

9. Регулярно прочесывайте свои проповеди в поиске непонятных идей и представлений, которые слушателям, обладающим меньшим опытом, трудно будет воспринять. Постарайтесь облечь эту идею или понятие в форму, которая будет вызывать к одному из пяти чувств. Мы не имеем в виду, что все истины должны восприниматься посредством органов чувств, но некоторые — могут. В других случаях органы чувств могут помочь людям понять, отобрать и пережить истину. Это упражнение требует усилий, но слушатели будут благодарны проповеднику, который возьмет на себя труд поразмышлять о тяжести недоброжелательства, прикосновении дружбы, запахе смерти, звуке юности, вкусе сожалений, цвете радости.

10. Играйте со словами. Если вы не знакомы с такими играми, придумайте несколько. Это может быть семейным развлечением и спасти от скуки во время долгих путешествий. Например, вы говорите: «Она спит», — а другие пусть угадают по тому, как произнесена фраза, в каком контексте это происходит: в больнице, классе, театре, за столом, на вечеринке. Количество таких фраз и возможных контекстов неограниченно. Или начните рассказывать историю, в какой-то момент передайте эстафету другому, который тоже расскажет немного и передаст дальше. Или повторите фразу три раза, изменяя предлог, и спросите: что медленнее? Например, что медленнее: из дерева, с дерева, под деревом? Или день за днем, день ото дня или изо дня в день? Достаточно, такие игры могут настолько оживить усталые слова, что в следующей проповеди они предстанут как новенькие.

Если, когда вы читаете эти предложения, вам придет на ум что-нибудь полезное, попробуйте сделать это. В конце концов, каждому из нас приходится пройти через многие километры слов в своей жизни, и, если наши существительные утратили достоинство, глаголы бессильны, а причастия безвольно болтаются, как утомительно будет это для прихожан, сопровождающих нас в пути.

Описания

Трудно воспринимать проповедь, которая не содержит описаний людей, событий, отношений или мест. Но почему именно описания? Какое значение для провозглашения Благой Вести имеет описание какого-то эпизода из древней или современной жизни? Конечно, задача описания — не доказать, что проповедник обладает богатым воображением. Было бы более точно сказать, что задача — активизировать воображение слушателей, но это тоже не все. Основная цель описания — заставить слушателей переживать. Эта задача основана на убеждении, что проповедь должна не только что-то *сказать*, но и что-то *сделать*.

Предположим, например, что вы проповедуете притчу о талантах (Мф. 25:14-30), и особое внимание уделяете третьему рабу, который ответил хозяину: «Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и убоившись пошел и скрыл свой талант в земле; вот тебе твое» (стихи 24-25). Вместо того чтобы высечь этого бедного раба и потребовать от прихожан не зарывать таланты в землю, но стараться учить, приносить пожертвования, петь в хоре, приносить дары и заниматься прочей деятельностью, проповедник должен помочь слушателям поставить себя на место этого раба. Он знает своего хозяина, он боится и действует под влиянием этого страха. Слушатели должны проникнуться этим страхом, и этого можно добиться с помощью описания: чего здесь бояться? Он боится человека, который властен распоряжаться его жизнью? Он боится предстать перед этим человеком и объяснять свое поведение? Только когда слушатели поста-

вят себя на место раба и поймут его страх, они смогут услышать обращение хозяина к рабу. В данном случае описание — это проповедь, и ясное представление деталей этой ситуации позволяет присутствующим непосредственно в их собственном положении.

Описание порождает образы, а образы необходимы для того, чтобы предотвратить неадекватное, ошибочное, неправильное отношение и поведение. Наш разум полон образов, они прочны и оказывают влияние, они основаны на опыте, образовании, ассоциациях, прочитанных или услышанных историях и прочих более незаметных, но не менее эффективных моментах. Когда произносится какое-то слово, в нашем сознании возникает яркий и четкий образ: монахиня, служитель, немец, коммунист, мессия, африканец, школьный учитель, продавец автомобилей, юрист. Если какие-то из этих образов противоречат Благой Вести и мешают принять ее, что может сделать с этим проповедь? Идеи и понятия мало влияют на образы, увещевания — еще меньше. Образы могут быть лишь постепенно вытеснены другими образами. В служении проповедника многое зависит от описания. Другими словами, сейчас мы говорим не об украшении проповеди, но о ее сути.

Описанием в проповеди трудно управлять. С одной стороны, есть проповедники, которые недооценивают роль описания и свою способность использовать его, они говорят: «Это ерунда, мы с этим справимся». Поэтому их проповеди всегда полны таких общих мест, как человечество, служение, ответственность, возможность и современное общество. На самом деле они теряют большинство слушателей. С другой стороны, некоторые служители обнаруживают в себе умение и тягу к описанию, и в их проповедях техника начинает преобладать над содержанием. Иногда в истории проповеди описания были популярны, как в Америке в 1950-е гг. Всенародно известные проповедники описывали каждую тарелочку на пиршественном столе Валтасара, каждую соломинку в яслях Вифлеема, осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим, и потертую древесину креста. По прошествии времени эти великие полеты во-

ображения оказались для жаждущих и алчущих подобны ношению воды в корзине: процесс приятен, а домой приходишь ни с чем.

Опять же не надо забывать о правиле: описание должно быть слугой, а не господином послания. Как подушечка может подчеркнуть цвет ковра и обивки, но не привлечь внимания к себе, так и описание в проповеди. Надо стремиться к равновесию двух видов. Одно из них касается описываемых предметов. В определенном периоде проповеди все персонажи, действия и обстоятельства должны заслужить одинаковое внимание. Такое равновесие не только препятствует развитию гомилетических увлечений, но все три элемента нужны для живости и реалистичности сообщения. Другое равновесие связано с двумя типами описания: точным воспроизведением, как на фотографии, и передачей впечатления, как на портрете. Какой тип вы будете использовать, зависит от послания и задачи в каждом случае, но оба нужны для проповеди, так как портрет невозможно выдать за фотографию. Если проповедник хочет изучить прекрасные примеры описаний разных предметов и разных видов, полезно будет обратиться к романам Томаса Гарди и Джеймса Эйджи *Смерть в семье* и *Сейчас давайте славить знаменитых*.

Готовясь к описанию, важно экономно расходовать слова, используя прилагательные только тогда, когда это необходимо. Причины для этого три.

Во-первых, такие описания более реалистичны. Слишком обширные описания искусственны, потому что они заставляют видеть и слышать одновременно больше, чем возможно. Никто не может сразу воспринять *все*, идет речь о еде, слушании оркестра или созерцании вазы, поэтому зачем описывать все сразу?

Во-вторых, набросок, состоящий из нескольких черт, вызовет у слушателя больше отдачи, чем полный образ с тщательным описанием, которое сначала перегрузит слушателя, а потом ему больше не останется возможностей для самостоятельной работы.

И наконец, лишние прилагательные ничего не добавляют к образу, но, скорее, внушают слушателю определенную реакцию. Говоря, что роза «великолепна, невероятно прекрасна и неувядаема», вы ничего нового не говорите о размере, цвете или аромате розы, но

внушаете слушателю, как к ней относиться. Лучше описать ее просто, и пусть слушатель сам скажет: «Какая красивая роза!» Многие из нас могут быть назидательными тысячей разных способов, включая в проповеди наставления для тех, кто их слушает.

Есть служители, которые говорят: «Я не силен в описаниях», — но им не верят, пока определенный период времени не показывает, что они правы. Чтобы узнать, силен ли ты в этом, предлагаем вам три варианта проверки. Во-первых, проверьте, восприимчивы ли вы к образам и звукам окружающего мира. Видите ли вы и слышите окружающих людей, флору и фауну? Можете ли вы указать путь только с помощью описаний, без названий улиц и цифр? Образность выражений начинается с впечатлительности, и проблема с описаниями может заключаться не в неумении «найти слова», но в неумении видеть и слышать. Во-вторых, тренируйтесь, составляя устно и письменно описания, вне связи с конкретной проповедью. Описывайте громадное и крохотное, громкое и тихое, знакомое и незнакомое, комическое и трагическое. Если ваши намерения серьезные, вы неизбежно усовершенствуете свои навыки. В третьих, воспользуйтесь возможностью, чтобы вставить описание в проповедь на свой страх и риск. Для этого, конечно, нужна отвага, она нужна даже для того, чтобы рассказать анекдот, но, если у вас есть послание и вы убеждены в его истинности и важности, эта уверенность поможет вам довести до конца описание. Если даже сначала вас постигнет разочарование, свобода от уверенности в своей правоте ободрит вас в дальнейшем; вы улыбнетесь и пожмете плечами — и это будет значить не: «Какая разница?», но: «Может быть, в следующий раз».

Примеры

Пример в полном смысле этого слова должен объяснять или иллюстрировать некую иначе выраженную истину. Например, вспомните иллюстрации в учебнике средней школы. Присутствие картинок значит, что без них текст не был бы достаточно ясен. Однако

проповедь может и не нуждаться в примерах. Если она обладает единством мысли, движется к определенной цели, если язык ее — живой и образный, прихожане могут воспринять ее как проповедь с примерами, в то время как ни одного примера в ней нет. Вся проповедь была ясной и понятной. Как некоторые люди с прекрасным чувством юмора шутят редко, как хорошие рассказчики не все время рассказывают истории, так и проповедник, который ведет слушателей интересными и светлыми путями, не обязательно должен нагружать проповедь примерами.

В хорошей проповеди примерами считаются истории или анекдоты, которые не иллюстрируют некую тему; они сами ею *являются*. Другими словами, история несет внутри себя послание, а не поясняет послание, которое уже произнесено, но менее ясно. Убрать историю, значит не просто убрать картинку из учебника и оставить текст; это значит убрать целую страницу. История — эта картинка текста. Рассмотрим два примера. Нафан не произнес перед Давидом проповедь о лишении ближнего его имущества, а привел пример с богачом, отобравшим у бедняка овечку. Сама история *была* проповедью. Иисус не обсудил связь праведности с прощением, а привел в пример притчу о любящем отце, у которого было два сына. Притча сама *была* проповедью, которая утверждала необходимость прощения. Слушатели, которые обычно считают истории или анекдоты иллюстрациями к некой истине и ждут поэтому, что обсуждение их значения будет предшествовать им или последует потом, часто оказываются оставленными наедине с собственными мыслями и решениями. История существует сама по себе.

Часто, однако, случается, что проповедник представляет такой сложный вопрос, что некоторые или все его части нуждаются в разъяснении с помощью примеров. Когда служитель готовится к проповеди, он должен задавать себе вопрос: «Например?» Ответ должен браться не из книг с примерами для проповедей, купленных на распродаже, но из наблюдений и опыта, из подходящих к случаю сравнений. Принципы поиска примеров просты, но важны. В-первых.

для представления чего-то незнакомого надо использовать нечто знакомое. Во-вторых, аналогия между мыслью и примером должна быть понятна. Если история, подобная притче, несет в себе смысловую нагрузку проповеди, то примеры должны быть однозначными и не вызывать затруднений. Многоуровневые рассказы служат разным целям, кроме той, для которой они введены в проповедь. Вместо того чтобы разъяснять текущий вопрос, они имеют тенденцию создавать другие проблемы и отвлекать слушателей. В-третьих, примеры, даже простые, не должны быть глупыми и банальными. Как и материал проповеди, они должны быть достойны своего использования. Чрезмерные упрощения, типа «солонки и лампочки», не проясняют важного момента; они принижают его значение. В-четвертых, примеры не должны навязываться слушателю. Преимущество данного материала должно состоять в том, что он позволяет расслабиться говорящему, а значит, и слушателю. Нет сомнений, одна из причин, по которым примеры запоминаются лучше, чем другие части проповеди, — то, что они имеют разговорный характер; защита аудитории ослабевает, и она — более внимательна. Ничто не является лучшей карикатурой на проповедника, чем рассказ истории-примера в напыщенном, возвышенном тоне. «Когда я был ребенком, помню, что Хэлоуин доставлял нам громадное удовольствие», — вряд ли эта фраза должна произноситься с нажимом; она должна призвать слушателей обратиться к воспоминаниям и получить удовольствие. В-пятых, когда пример приведен, оставьте его, если он послужил своей цели, это хорошо, если нет, этому уже не поможешь. Пример используется для разъяснения, поэтому объяснять его не надо; это не тема, поэтому не надо искать ему применения. Как шутка, он живет или умирает в зависимости от собственной ценности. В-шестых, наконец, пример, как и описание, должен внушать доверие, поэтому он должен быть представлен без извинений и словесного насилия. Три наиболее распространенных способа насилия в этом случае: «хочу вам привести такой пример» (иначе: «не принимайте этого всерьез, это только пример»); «мы видим» или «мы обнаруживаем» (иначе: «я хочу, чтобы вы увидели или обнаружили то, что вижу я»); «часто рассказывают такую ис-

торию» (иначе: «я прекрасно знаю, что это история затертая и изношенная»).

Дальше об историях в проповедях и их функциях примера надо сказать еще кое-что, что относится и к процессу изложения. Истории вообще являются более насыщенными эмоционально, чем материалы, составляющие обсуждение, разъяснение и описание. Под эмоциями мы понимаем здесь весь спектр чувств от смеха и радости до скорби и печали. Проповедник должен осознавать степень и природу эмоциональной нагрузки истории, это полезно как для говорящего, так и для слушателя. С точки зрения проповедника, надо решить, передаст ли он конкретное чувство в рассказе. Никто не хочет останавливаться на полдороге, чувствуя себя покоренным рассказом. Мы обладаем разными способностями сдерживать себя эмоционально и должны знать эти свои способности. Лучше отказаться от рассказа прекрасной истории, чем позволить ей завладеть собой. Мы поговорим об этом еще в следующей главе. С точки зрения слушателя, он приветствует материал с эмоциональной нагрузкой, ему нравится это, если он не подозревает в таком материале уловку с целью манипуляции. Это значит, что эмоции проповедника должны сдерживаться, а история соразмерна общему объему проповеди и своевременна. Например, материал, который вызывает глубокие чувства в самом начале проповеди, воспринимается как неудобный и неэффективный, если не как оскорбительный. Между проповедником и слушателями должны установиться отношения доверия и уюта, чтобы такой материал был введен в соответствующий контекст. Есть смысл в том, что тема, которая обычно поднимается в разговоре между друзьями и в кругу семьи, для незнакомых людей окажется неуместной.

При изучении материалов проповеди, обладающих описательными и иллюстративными чертами, обычно возникают четыре вопроса, которые здесь надо рассмотреть.

1. Как подавать при изложении тот материал, который бы в письменном труде сопровождался сноской? Прежде всего, основной принцип тот же, что для речи, что для письма: *Не укради*. Слушателей надо уведомить, что то, что принадлежит перу других (ци-

таты, истории, идеи), не придумано самим проповедником. При соблюдении этого принципа вам могут помочь три замечания. Во-первых, используйте минимум цитат. Несмотря на количество фрагментов, которые могут произвести впечатление на проповедника, слушатели обычно не так вдохновляются эмоционально и интеллектуально прочитанными словами, как словами самого проповедника. Во-вторых, если вес заимствованного материала действительно зависит от известности и авторитета его автора, укажите имя и полностью источник. Не опускайте имен. В-третьих, если суть материала — в его содержании, а это предпочтительно, достаточно только бегло сослаться на источник. Например, «как сказал один известный историк» или: «как сказал историк Тойнби». Те, кто хочет более подробно узнать об источнике, могут задать вам вопрос потом.

2. Могут ли служители использовать в проповедях события или разговоры из своей пасторской практики? Часто возникает сильное искушение так сделать, потому что актуальность материала очевидна. Однако частная" жизнь — это частная жизнь, а доверие — это доверие. Никто не будет доверяться служителю, если существует возможность, что разговор прозвучит на следующей воскресной проповеди. Прихожане будут остерегаться делать это, если проповедник делится опытом общения с предыдущей паствой, боясь, что рассказы о них появятся в проповедях перед будущими прихожанами. Однако в церкви и обществе случаются и события, которые носят не частный и конфиденциальный, а общий характер. Если никто не будет смущен этим или огорчен, можно говорить о таких событиях. Если у вас есть сомнения на этот счет, воздержитесь. Может возникнуть так, что проповедь, ставшая конкретной и частной из общей и абстрактной, вызовет у слушателей ощущение, что «служитель обращается ко мне». Это хорошо: актуальность предпочтительна. Если кто-то, слушая проповедь, говорит, что послание обращено лично к нему, служитель не должен поддаваться искушению извиниться.

3. Хорошо ли с этической точки зрения сочинять истории для проповеди? Да, притчи Иисуса — выдуманные истории. Некото-

рые, возможно, спрашивали потом Иисуса: «Это на самом деле произошло?», — но скорее всего, не спрашивали, потому что такие ситуации были типичны для их общества. В нашем обществе так заботятся о фактической достоверности, что вопрос: «Действительно ли это произошло?» — единственный способ заставить мозг человека работать. Однако в любом обществе проблема этики существует, и она может быть лучше всего разрешена, если вы поместите в выдуманную историю некий намек на ее истинную природу. Это не должна быть яркая надпись на весь экран: «То, что я расскажу вам, придумано, этого не происходило, это неправда, я это выдумал, чтобы привести пример». Нет, это должен быть не отвлекающий от содержания намек, типа тех, что использовал Иисус. «Жил один человек» или «когда-то давным-давно» — этого будет достаточно. Альтернативный метод — поместить внутрь истории нечто невероятное, что немедленно укажет на ее выдуманный характер, но не лишит ее сути. «Во время полета из Сент-Луиса в Ситл одному пассажиру рядом со мной стало плохо и он вызвал стюардессу и попросил воды». Но будьте готовы, что кто-нибудь невнимательный может спросить вас после проповеди: «А это на самом деле было?»

4. Уместны ли в проповеди рассказы о себе? Здесь мнения практикующих проповедников и советы гомилетов сильно расходятся. Конечно, сам голос, жесты, выражение лица и многое другое раскрывает личность проповедника. Однако, что касается намеренных исповедей, они могут упоминаться в учебниках и трудах практиков иногда слишком часто или вообще не упоминаться. Исповедь проповедника — это не история из его личного опыта, которая на самом деле ничего не рассказывает о нем. Рассказ, который начинается словами: «Когда мне было десять лет, в соседнюю квартиру вселился инвалид на коляске», — может быть полностью посвящен соседу, а говорящий может в нем больше не упоминаться.

Исповедь занимает в Писании заметное и почетное место. Иеремия, Амос, Исайя и Павел рассказывают о том, как были призваны Богом, чтобы выработать символ веры для служения, не пользовавшегося большой поддержкой в обществе. Осия и Павел провоз-

глашают могущество и благодать Бога на основании собственного опыта. Павел, который настаивает на том, что «мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа» (2 Кор. 4:5), так обращается к церкви, где царят раздоры, связанные с посланиями и способами служения: «Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас» (Флп. 3:17). Мы можем разумно подражать такого рода библейской исповеди, не считая ее нескромной.

Бывают, конечно, времена и ситуации, когда рассматриваемые проблемы заставляют лично участвовать в проповеди («что касается меня и моей семьи»). Тему можно сделать более конкретной и личной посредством исповеди. Кроме того, прихожане имеют право знать, что служитель — такой же человек и верующий, как и они. Однако, если кафедра превращается в исповедальню, если опыт проповедника представляется как норма поведения, или если исповедь превращается в средство привлечения внимания или симпатии, это слишком. Часто попытки доказать, что проповедник — тоже человек, тяготеют к изображению человеческой природы в тоне извинения, а не как отражения образа Божьего.

Чтобы использовать исповедь умеренно, надо помнить о следующих нескольких моментах. Говоря о себе, предпочтительно употреблять недвусмысленное «я» вместо редакторского и якобы искреннего «мы». Форма первого лица единственного числа не обязательно эгоистична, а форма множественного числа — не обязательно свидетельствует о кротости. Важно избежать поэтического обмана; то есть, больше думать о чувствах по поводу события, чем о событии как таковом. Джон Мильтон не стал писать стихотворения о распятии, потому что не мог преодолеть скорби и слез, вызванных рассказом о смерти Иисуса. Важно помнить, когда настанет момент обратить взор на более широкую тему. «Магнификат» (Лк. 1:46-55) — прекрасный пример здоровой исповеди. Сказав о нескольких проявлениях милости Божьей в своей жизни, Мария переходит от собственного опыта к восхвалению Бога всех людей и поколений. И наконец, выбирая эпизод своей жизни, о котором вы

расскажете с кафедры, вы должны говорить о событиях и отношениях, с которыми слушатели смогут себя отождествить. Если опыт проповедника необычен и уникален, помещен в экзотическую обстановку и окружен замечательными персонажами, прихожане будут лишь слушать, рассказ либо развлечет их, либо нет; они или поверят, или не поверят ему. Если же история связана с настоящим моментом или опытом, о котором слушатели помнят, прихожане бессознательно смогут изменить имена и место действия и воспринять историю как свою.

Глава одиннадцатая

Изложение проповеди

Вероятно, будет противоречием *говорить о предположениях*; в конце концов, их надо сделать, а обсуждение уводит нас в сторону от этого. Однако некоторые предположения так важны, что будут лучше поняты, если сначала кратко заявить о них, а затем приступить к теме. Убежденные в этом, мы предлагаем вам три предварительных замечания.

1. Предполагается, что при мельчайшей проблеме, связанной с речевым аппаратом (голосовыми связками, легкими, гортанью, носом, языком, зубами), проповедник тут же отправляется к профессионалам, занимающимся речью и слухом. В большинстве семинарий не выявляют, не говоря уже о том, чтобы устранять, физические дефекты, мешающие публичным выступлениям.

2. Предполагается, что проповедник регулярно выполняет речевые упражнения. Недостаточно приходить в церковь рано утром в воскресенье, чтобы прорепетировать речь. Профессиональные пианисты продолжают играть гаммы; теннисисты, выигравшие Уимблдон, продолжают тренировки. Есть ли причина, по которой проповедник не должен регулярно работать над дыханием, тоном, громкостью голоса, произношением и прочим? Учитель или хотя бы учебник речи даст вам все необходимое, кроме, конечно, желания работать.

3. Предполагается, что тексты Писания читаются вслух. Несмотря на шум, который служители поднимают вокруг центрального положения Библии в церкви, отсутствие публичного чтения Писания во многих общинах свидетельствует об обратном.

Давайте теперь вернемся к конкретной проповеди, которую вскоре придется читать. Каким будет впечатление слушателей от этой проповеди? Или, если быть более точными, каково будет впечатление слушателей от изложения проповеди проповедником в данном случае? Несколько минут подумайте об этом. Думайте о конкретном изложении проповеди как об игре на музыкальном инструменте: будет это скрипка, барабан, труба, флейта или орган? Или с точки зрения движения: это прогулка, гонка, быстрая ходьба, парад, марш или танец? Или с точки зрения света: это свеча, вспышка, неон, лампа, настольная лампа, восход солнца или полная луна? Воскресное утро все ближе, и надо обратить внимание на ряд факторов, влияющих на впечатление слушателей.

Что надо принять во внимание до изложения

Есть по меньшей мере четыре фактора, которые оказывают заметное влияние на проповедь и должны быть внимательно рассмотрены перед ее началом.

1. *Место.* Проповедник будет читать послание в конкретном помещении с конкретной обстановкой. Если она вам незнакома, рекомендуется зайти в нее до проповеди, чтобы ознакомиться с ее размерами, атмосферой и акустикой. Проверьте высоту кафедры, насколько легко на нее подниматься, как соотносятся хоры и аналой. Внимание к этим вопросам поможет вам не беспокоиться о них потом и всю энергию направить собственно на проповедь. Даже если пастор чувствует себя как дома в этой церкви и на этой кафедре, он может заранее уделить несколько минут проверке, все ли готово. Проповедь слишком важна, чтобы во время ее изложения сражаться с мебелью и плохой акустикой. Например, при плохой акустике и шуме в помещении становится невозможной проповедь с нюансами интонации, паузами и голосовыми вариациями. В таких условиях послание вынуждено принять форму публичного объявления. Слушатели церкви, которые следят за тем, чтобы места

наших сборов подчинялись Слову и свидетельствовали о нем, оказывают неоценимую услугу.

2. Богослужение. Проповедь — не просто событие, происходящее по воскресеньям; она происходит в рамках богослужения, которое задумано как восхваление Бога. Проповедник может руководить службой или не руководить, но в любом случае, подготовка проповеди включает в себя подготовку ко всему акту восхваления. Поэтому вечерняя репетиция службы очень важна для проповедника. Вдумчивое и сопровождающееся молитвой повторение богослужения — не просто репетиция, но поклонение.

3. Материалы, которые вы возьмете с собой на кафедру. Если этот вопрос кажется вам незначительным, вспомните, какое неприятное чувство вызывает ситуация, когда служитель пытается открыть Библию так, чтобы не столкнуть на пол сборник гимнов, качающийся на узком краю, в то время как заметки с планом проповеди соскальзывают с кафедры. Некоторые проповедники умудряются произвести впечатление, словно им только несколько минут назад сказали, что сегодня — воскресенье. Все, что вам нужно, — это решить, что понадобится вам на кафедре, положить все эти материалы на стол и подумать, можете ли вы с ними управляться. Если проповедь содержит цитаты из книг, рекомендуется выписать их на карточки или лист бумаги, а книгу оставить дома. Конечно, это не относится к цитатам из Писания. Библия — это не просто слова; это символ авторитета и богодухновенности. Отрывки Писания, выписанные на карточки, даже если цитируются верно, производят совершенно другое впечатление на слушателя. (Если кто-то возразит против символизма как защитник «неприкрашенной истины», попробуйте заменить в церемонии венчания обручальные кольца на роликовые коньки.) Когда служитель читает Библию, должно быть ясно, что он читает Библию. Даже если он помнит весь текст наизусть, предпочтительно читать его. Чтение приобщает текст к Библии, тому самому источнику, из которого любой прихожанин может читать на скамье и дома; цитирование наизусть делает текст

достоянием проповедника и незаметно смещает центр авторитетности послания.

4. *Проповедник.* Послание и посланник воспринимаются слушателями вместе. Поэтому нет сомнений, что личность проповедника может соответствовать или не соответствовать, даже противоречить проповеди. Поэтому человек должен не только готовить проповедь, но и готовиться сам. Умственно служитель готовится, когда ищет, что сказать, и верит в важность темы. Духовно служитель готовится в ходе исследований и размышлений о проповеди, а также в молитве. Молитва — это не просто «Сделай так, чтобы моя проповедь была хорошей», это поиск и восхваление Бога, молиться надо о том, чтобы Слово явилось среди слов, чтобы прихожане приняли Его. Служитель обретает дополнительные духовные силы, когда слушает проповедь. Мы не можем сказать, что служитель должен быть образцом, который утверждает послание, но он слышит послание, воспринимает его и откликается на него. Произнося проповедь, он должен прежде всего ее слышать. Эмоционально служитель готовится, отстраняясь на некоторое время и глядя со стороны на те моменты проповеди, которые требуют проявления чувства. Он может слишком увлечься, позволить себе поддаться подъемам и спадам эмоций других и в результате быть настолько эмоционально истощенным, что не сможет больше смеяться или плакать. Паруса опали, и нет ни ветерка. Если это произошло, не надо считать себя виноватым, лучше немного отдохнуть. Хотя бы вторая половина субботы должна быть посвящена отдыху. Конечно, служитель не может полностью посвятить это время себе; паства не может гарантировать, что в субботу вечером ничего не произойдет. Но служитель должен претендовать на такую возможность. Каждый сам должен решить, как проводить время перед воскресеньем. Например, для одних полезен отдых, для других — нет; одни встречаются с друзьями, другие — нет. Служитель должен познать себя и вести себя соответственно. Если при посещении вечеров и спортивных событий вы участвуете в этом так эмоционально, что чувствуете потом себя измотанным, вам лучше проводить субботний вечер в

покое, готовясь к тому, что потребуется от вас в воскресенье, тому, что вы можете предугадать, и чего не можете.

Все эти формы подготовки связаны с физическим состоянием проповедника. Очень немногие служители с богословской или философской точки зрения отрицают важность человеческого тела, но многие производят подобное впечатление. Имеется в виду, конечно, не самобичевание, а пренебрежение. Мы призываем не к фанатичному следованию диете или упражнениям, но к здравому смыслу, который нужен для понимания природы жизни и быта служителя. Плохое физическое самочувствие обычно влияет на исследование и изложение, и, даже если ваша постоянная изможденность и вызовет у людей симпатию («бедненький проповедник!»), обычно результатом является недостаточная подготовленность, недостаток интереса или недостаток убежденности в важности темы. Болезнь и прочие неожиданности, конечно, подстерегают нас на каждом шагу, но вообще физическое здоровье должно быть проповеднику свойственно. Тело — инструмент проповедника для провозглашения Благой Вести, который надо не демонстрировать, а использовать. Серьезный музыкант не будет оставлять скрипку под солнцем и дождем, бросать ее небрежно в угол и использовать для перевозки контрабанды.

Само изложение

Вероятно, наиболее важная забота проповедников, связанная с изложением, — это что взять с собой на кафедру: рукопись, заметки или вообще ничего. Это правильный вопрос, но часто к ответу на него подходят неправильно и преувеличивают его важность. Четыре предложения помогут опытным утвердиться в своем мнении, а неопытным — составить свое.

1. На любой стадии составления проповеди уместно делать заметки, но они имеют разные функции на каждом этапе. При изучении в поиске послания делается много записей результатов размышлений и исследований. На основании этих записей сначала по-

лучается тема послания, а потом — сама проповедь, так как многие идеи и мысли из них непосредственно переносятся в нее. Если слушатель сохранит эти заметки в специальной папке до того момента, когда этот текст, это чтение из лекционного, эта тема будут рассматриваться снова, в следующий раз ему будет с чего начать. Как правило, никому не удастся использовать плоды исследования в одной проповеди. На следующем этапе, при переходе от послания к проповеди, записи делаются для определения порядка идей и некоторых точных формулировок, если это необходимо. В этот момент надо помнить об устном характере будущего сообщения, что влияет на тип заметок. На конечном этапе, при изложении, заметки играют совершенно иную роль. До сего момента записи были призваны запечатлеть и сохранить результаты развивающегося процесса; теперь все записи, которые берутся с собой на кафедру, являются не результатом, а причиной, призваны освободить, а не удерживать, подстегивать, а не хранить. То, что писалось на этапе два, может быть взято на кафедру, но это необязательно. Рукопись послужила своим целям, теперь ее можно отложить в сторону. Заметки, которые проповедник берет на кафедру, могут быть модификацией рукописи второго этапа. Некоторые проповедники вообще откладывают в сторону записи и проповедуют без них. Многие из тех, кто так делает, говорят, что перед проповедью проводят какое-то время с блокнотом в руках и, мысленно проговаривая проповедь, делают беглые заметки, чтобы лучше запоминать ход мыслей; потом эти заметки выбрасываются. Если проповедник берет с собой на кафедру заметки или рукопись, они должны быть составлены *для устного выступления*. Имеется в виду, что их форма должна позволять с легкостью находить нужное место при беглом взгляде и как можно меньше препятствовать общению говорящего и слушателей. Для этого можно пользоваться чернилами разного цвета, разными масштабами, подчеркиваниями и расположением на листе. Единственный критерий — не то, что об этих заметках подумают другие, а их помощь в свободном и беспрепятственном изложении послания.

2. Разные точки зрения об использовании или неиспользовании рукописей и заметок могут быть скорее вредны, чем полезны. На-

пример, давайте рассмотрим популярное мнение, что проповедь, основанная на рукописи, плоха, а проповедь без заметок, напротив, хороша. Те, кто пользуется рукописью, помнят об этом, поэтому изредка или регулярно имеют тенденцию заглядывать в нее вскользь и даже с извинениями, словно говоря: «Пожалуйста, простите, что я не в состоянии помнить свою проповедь». Кроме того, чрезмерное желание проповедовать без заметок может заставить жертвовать содержанием ради показухи. Чем думать, что лучше, что хуже, проповедникам следовало бы работать над наиболее эффективным методом, который подошел бы и ему, и слушателям.

3. Неразумно было бы неизменно пользоваться одним и тем же методом в каждой проповеди по каждому случаю. Разнообразие в использовании и неиспользовании рукописи может оказаться ценным, привлекая и поддерживая интерес. Однако разные методы действительно больше подходят к разным проповедям, в зависимости от случая, цели и темы. Было бы печально, если бы то, что проповедник иногда не использует рукописи или заметок, воспринималось слушателями как его неподготовленность. В таком и подобных случаях проповедник сам должен принимать решения, не попадая под власть стереотипов. Например, бывают ситуации, в которых цели лучше добиться, говоря без заметок и рукописи, и эффективность этого метода может возрасти, если проповедник не всегда так делает. Таким же образом проповедник, который известен своими импровизациями, может выйти на кафедру с папкой заметок, открыть ее и откровенно читать. Зачем? Чтобы поразить людей? Нет, за подобные попытки на кафедре обычно приходится слишком дорого платить. Возможно, тема так сложна или деликатна, но точность выражений важнее, чем свобода речи. Или же в данной эмоциональной ситуации и говорящему, и слушателю нужна та отстраненность, дистанция, которую дает чтение. Или же просто настало время рукописи и чтения; послание существует само по себе и не нуждается в присутствии слушателя или говорящего.

Конечно, у каждого метода есть свои защитники и противники, и каждый метод обладает недостатками, так же как и преимущества-

ми. Те, кто предпочитает свободу и близость с людьми, доступную проповедующему без замечаний, обычно не обращают внимания на точность формулировок и богатство содержания. Те, кто предпочитают искусное плетение рукописи, должны — за исключением особо одаренных — признать тот факт, что рукопись делает общение менее тесным и участие слушателей — менее непосредственным.

4. При конечном анализе адекватность подготовки не зависит от количества бумаги, которую проповедник выносит на кафедру. Готовность проповедовать проявляется в уверенном представлении темы, задачи и четкого достижения цели с серьезностью и удовольствием. Слушатели хотят ощутить, что послание важно для них и для проповедника, но им не нужна суперсерьезность служителя с замашками мессии и требованиями судии. Служитель, который хорошо подготовлен, должен проповедовать в благодати.

Проповедник выходит на кафедру, вооруженный несколькими серьезными убеждениями, связанными с этим моментом. Первое — самое важное — эта вера в способность послания что-то изменить. Может быть, изменения, вызванные ею, не будут соответствовать цели, намеченной проповедником, они могут быть неочевидны, их нельзя будет измерить, они произойдут не мгновенно. В определении эффективности проповеди есть всегда какая-то неуверенность, неудовлетворенность, иногда даже кажется, что она была бесполезна. Усталые и разочаровавшиеся служители обычно придают слишком большое значение семенам, упавшим на тропу, на скалу и среди терниев, забывая об обещании тридцати, сорока и стократных урожаев. Если служитель не будет верить, что Слово не может звучать впустую, бесы жалости к себе, отчаяния и цинизма завладеют кафедрой и будут кричать о бессмысленности проповеди. Второе убеждение — это, что слушатели *за* проповедника, а не против него. Если служитель начинает сомневаться в любви и доверии своих прихожан, он начинает отрицательно воспринимать каждую гримасу, каждый шепот, каждое движение. В такой ситуации проповедник ищет глазами нахмуренные лица тех, кто несогласен; замечает критическое ворчание, а не согласные «аминь»; принимает за тайный заговор собрание людей, которые обсуждают, как его поздра-

вить с пятилетием работы в приходе. Один служитель, когда кто-то выходит из церкви во время проповеди, думает, что человек опаздывает на самолет или почувствовал себя плохо. Другой в такой ситуации думает, что человеку не понравилось что-то из сказанного, что он расстроен, в гневе, больше никогда не вернется. Обе эти безмолвные сцены — порождение отношения проповедника к слушателям.

Эти соображения подводят нас к третьему убеждению, с которым проповедник выходит на кафедру: проповедь не должна зависеть от непредвиденных или сомнительных изменений, происшедших во время богослужения. Конечно, существуют экстренные исключения (землетрясение, потоп, выстрел в окно), но обычно хорошо подготовленный служитель может воспринять неожиданное и отвлекающее событие, даже сделать паузу в знак осознания, но не стать его жертвой. Рано или поздно каждому проповеднику приходится иметь дело с забежавшей в церковь собакой, воробьем, севшим на люстру, непокорным органом, шумными подростками на балконе, обращением полиции по громкоговорителю. Вероятно, еще труднее проповедникам, которые *зависят* от обстоятельств, чтобы начать проповедь. Некоторые находятся в почти рабской зависимости от своих собственных чувств, словно могущественное Евангелие должно подождать, пока послание не будет одобрено внутренностями проповедника. Конечно, хорошо, когда во время проповеди все способности тела, разума и чувств действуют в согласии, но существуют головные боли, проблемы с пищеварением, отвлекающие телефонные звонки, иногда — семейные проблемы. Это неизбежная реальность, и проповедник всегда должен помнить, что то, что происходит во время проповеди, намного важнее, чем его собственные чувства.

Другие проповедники чрезмерно зависят от реакции слушателей. Один начинает проповедь с неформальной дружеской беседы, но не получает на нее отклика. Другой имеет обыкновение рассказывать шутку-другую, но сегодня никто не смеется. У третьего есть любимая группа слушателей, а сегодня никто из них не пришел. Кто-то зависит от органной музыки или от особого освещения, создающего

атмосферу, а сегодня другой органист, а тот, кто следит за светом, в игривом настроении. Конечно, все мы в какой-то степени зависим от обстоятельств, но чрезмерная зависимость может превратить проповедь в жалкое зрелище.

Поэтому важно точно знать, как вы начнете и завершите проповедь. Определенное начало позволяет проповеднику реагировать или не реагировать на неожиданные происшествия во время богослужения. Если это необходимо, несколько вступительных замечаний могут открыть дорогу для запланированного начала проповеди. Если вы приглашены на незнакомую кафедру, несколько кратких и хорошо сформулированных замечаний послужат не только для соблюдения общественных условностей, но и дадут вам возможность понять настроение аудитории и акустические условия. Эти замечания никоим образом не заменяют продуманного вступления к проповеди. Если же вы точно знаете, как будет заканчиваться проповедь, у вас, помимо цели, есть еще два преимущества. Проповедник приобретает уверенность в том, что проповедь имеет завершение, цель, которую он ясно видит. Неуверенная концовка может придать оттенок сомнения всему посланию. Второе преимущество в том, что завершение проповеди не теряется в последующем богослужении. Заканчивается ли проповедь утверждением веры, молитвой, гимном или призывом к ученичеству, она не должна теряться в других моментах службы. Чтобы быть целостной, проповедь должна иметь свое собственное завершение. Потом следует молчание, органная музыка, слово передается пресвитеру, служба продолжается.

Что касается самой проповеди, то наиболее эффективное изложение — это переживание послания заново по мере того, как оно произносится. Все, кто проповедует таким образом, понимают, что цена такой проповеди — физическая и эмоциональная нагрузка, которой она требует. Это значит не только заново пережить старые чувства, в них уходят так глубоко, что нелегко потом перестроиться, чтобы поприветствовать верующих у выхода или за чашкой кофе во время перерыва. Тело покидает кафедру раньше, чем душа. Родственники и прихожане обычно понимают и уважают потребность проповедника в небольшом отдыхе.

Если вы готовились к устному сообщению, метод «разворачивания» послания по мере изложения кажется вполне естественным. Память ваша не несет чрезмерной нагрузки. Напротив, память способна очень хорошо работать, даже если вы ничего не заучивали. Этот опыт подобен легкому запоминанию слов песни, сопровождающихся музыкой, когда без музыки вы не можете запомнить ни куплета. Память лучше работает в сотрудничестве с ритмом и мелодией песни. Проповедь такого рода можно описать как достижение созвучия с посланием. Когда это созвучие достигнуто, с запоминанием не возникает проблем, и , когда кто-нибудь спрашивает: «Как вы это выучили?», следует ответ: «Я не учил». Сказители так могут рассказывать истории, не заучивая их. Некоторые великие негритянские проповедники проповедовали под музыку и так могли произносить проповеди почти десятилетней давности, не записывая их и почти без изменений. Собрание запоминало их тоже и в полной мере участвовало в событии.

Тот, кто никогда так не проповедовал, по крайней мере, не произносил всю проповедь по такому принципу, вероятно, когда-то все равно заново переживал послание, поэтому понимает положительные черты такого метода. Проповедник, полностью доверившийся посланию, движется в проповеди, или, иначе говоря, проповедь сама произносит себя через проповедника. Жесты проповедника, вошедшего внутрь послания, соответствуют его содержанию, естественны и сдержаны. При переживании материала заново возникают подлинные, порождаемые им чувства, они непритворны, не предназначены для манипуляции и убеждения. Их проявление не отталкивает слушателей, они выражены в меру, слушатели доверяют им и могут тоже полностью отдаться посланию. Юмор в таком случае будет юмором, а не рискованными шутками, которые могут уничтожить проповедь. Юмор, гармонично сочетающийся с природой проповеди, чувствует себя в ней как дома, поэтому свободно резвится, смеется и славит благодать Божью. Юмор должен присутствовать неизбежно в хорошей проповеди, потому что для того есть все необходимые предпосылки: конкретность и специфичность, ни-

кто не смеется над общим и абстрактным; забота о важном и священном, почему же смешные вещи кажутся еще более забавными в классах и церквях, на свадьбах и похоронах; ощущение свободы, Бог единственный, Кто освобождает нас от притворства и позы. Поэтому юмор — искренний отклик на благодать; благодать проявляет в нас наиболее прекрасную добродетель, благодарность; а благодарный человек признает, что обычно происходит на задворках его сознания. Все это, конечно, не имеет смысла для расчетливого человека без чувства юмора, который аккуратно вставляет шутки тут и там, чтобы нарушить монотонность проповеди, и вызывает улыбки и скрытый смех своими усилиями сохранять полную серьезность.

Наконец, последняя положительная черта проповеди, во время изложения которой послание переживается заново, — связана со зрительным контактом. Учебники ораторского искусства, в которых рекомендуется поддерживать зрительный контакт, правы; смотреть на людей лучше, чем на потолок или свои шнурки. Однако слишком интенсивный зрительный контакт может быть неоправданным, если не нескромным; он лишает сам себя силы. Чтение не требует зрительного контакта. Беглые взгляды на людей поверх священного текста каждые три секунды — неестественны. При смешивании в лекции или проповеди чтения и нечтения может возникнуть естественный и личный зрительный контакт. Однако проповедник, который пользуется лишь краткими заметками или вообще не пользуется записями и обладает поэтому возможностью полного зрительного контакта, может счесть таковой слишком близким, граничащим с глазением на слушателей. Переживание заново материала в момент изложения неизмеримо помогает в этом вопросе. Разное строение и настрой послания позволяют взгляду двигаться естественно, если проповедник еще не приобрел дурных привычек. Например, при прямом вопросе человек смотрит прямо на того, к кому обращается; когда он сомневается, что-то ищет, находится в затруднении или беспокоится, взгляд быстро движется по комнате; когда рассказываются истории, взгляд смягчается, кажется, что проповедник смотрит сквозь окно, пол, заднюю стену; при

увещевании он смотрит в глаза собеседнику. Взгляд проповедника может эффективно помочь его голосу, способствовать явлению Слова, побудить слушателей к участию различной степени, но только само послание способно заставить взгляд выполнять свои функции уместно, правильно и вовремя.

Последнее слово, которое должно быть сказано об изложении, — «страсть». Трудно поверить, что можно проповедовать послание благовествования, данное в Писании и порожденное в результате усердного исследования, работы воображения и молитвы, так, словно оно ничего не значит. Когда такое случается, это *кажущаяся* бесстрастность. Фактически, некоторые проповедники по разным причинам отвергают проявления страсти. Некоторые хотят, чтобы проповедь существовала независимо от ораторского искусства. Как картина в художественной галерее производит впечатление на зрителей, даже если художник неизвестен или не присутствует, возможно, уже мертв, так и проповедь выполняет свое дело независимо от энтузиазма проповедника. Приятно думать так: Благая Весть привлекает к себе заслуженное внимание и прокладывает себе путь в мире. Другие считают страсть чем-то вроде биологического недостатка человечества, который исчезнет, когда род станет более зрелым, а пока сохраняется в недостойных. Для таких людей страстность противопоставлена спокойным достижениям умелых. Другие, сознательно воспитывая в себе подобные навыки, заняли положение слушателей в своем служении, они внимательно слушают, но остерегаются изменять общество и людей. В последние годы среди служителей распространена борьба с демагогией, с попыткой увлечь ум и чувства слушателей и манипулировать ими во имя религии. Понятно, что страстная речь находится под подозрением, особенно если страсть эта подогревается неприязнью, враждой и ненавистью. Однако будет неплохо, если слушатели научатся вслушиваться в шум и распознавать, какие выражения уверенности не несут в себе по-настоящему уверенного отношения. Иногда случается, что тот, кто яростно защищает свои позиции и нетерпимо относится к другим, провозглашает слушателям свою пустоту.

Поэтому кажется только справедливым, когда говорят, что кажущееся бесстрастным изложение — это лишь метод, менее подверженный тем опасностям, которые таятся в страстной проповеди. С другой стороны, надо указать также и на практическую опасность спокойного стиля. Когда чувства слушателей, их эмоциональная жизнь не получают должного питания от проповедника, они легко могут стать жертвами страстного пропагандиста. Люди не могут жить только идеями; идея должна восприниматься всем их существом. Мы называем это страстью. Строгая диета из сдержанно и объективно предлагаемых идей может заставить слушателей мечтать о когда-то отвергнутом энтузиазме. Сейчас те, кто залезал на столики в кафе и агитировал против уважаемых учреждений в шестидесятых, кажутся им более привлекательными, чем холодные хранители идей, аккуратно взвешивающие все за и против.

Все это сказано не для призыва к яростному стилю изложения или возвращению к фанатичным проповедникам. Мы просто хотим сказать, что страстность соответствует важности и срочности Благой Вести, и нет уважительной причины скрывать это чувство. Сдерживать, да; но позволить нашей реакции на карикатурную и преувеличенную страстность определять наши методы, значит позволить, чтобы то, чего мы избегаем, формировало нашу проповедь. Мы не имеем в виду, что надо вырабатывать страстность, чтобы наши слушатели могли перенять ее, подражая нам. Мы осознаем тот факт, что иногда человек выходит на кафедру без дрожи сердечной, учащенного пульса и жара в груди. Но и тогда страстность не должна отсутствовать. Фактически, акт проповеди — неотъемлемая часть более обширного послания, которое мы передаем. Мы учимся, когда учим других, рассказывая Благую Весть, мы заново слышим ее и воспринимаем. Все мы знаем, что, проявляя доброту, мы становимся добрыми, ведя себя по-христиански, становимся христианами. Разве неразумно тогда верить, что, слушая свои собственные проповеди, мы обретаем более страстную уверенность? Если мы будем в этом убеждены, при переживании заново послания в момент изложения мы не сможем не говорить страстно.

И, если вы не можете придумать лучшей мотивации для проповеднической деятельности, то мы считаем лучшей эту: в церкви есть по крайней мере один человек, которому проповедь даст более ясное видение, более живую надежду, более глубокую веру, более полную любовь. Этот человек — проповедник.

Рекомендуемые источники для проповедника

Следующие предложения помогут двум видам проповедников: тем, у кого нет под рукой хорошей библиотеки и кого беспокоит недоступность источников, и тем, кто имеет доступ к источникам, но не знает, что выбрать из множества.

Задача проповеди. Чтобы приобрести свежий взгляд на служение кафедре и оценить его важность, вряд ли можно найти лучшую книгу, чем «Служение Слова» Р. Е. К. Брауна, которое продолжает переиздаваться (R. E. C. Browne. *The Ministry of the Word* [Philadelphia: Fortress Press, 1976]). Эта книга заслуживает того, чтобы ее перечитывали раз в три — четыре года.

Исследования Библии. Комментариев очень много, они так дорого стоят и так отличаются друг от друга по качеству, что перед приобретением проповедник нуждается в совете. Что касается Ветхого Завета, тут будет очень полезен труд Бреварда Чайлдса «Книги Ветхого Завета для пастора и преподавателя» (Brevard Childs, *Old Testament Books for Pastor and Teacher* [Philadelphia: Westminster Press, 1977]). при том условии, что вы дополните ее новым материалом. В 1984 г. в том же издательстве вышла «Книги Нового Завета для пастора и преподавателя», автор Ральф Мартин (Ralph Martin, *New Testament Books for Pastor and Teacher*).

Толкование Писания для проповеди. В процессе перехода от текста к проповеди вам может помочь серийное издание под заглавием Толкование библейских текстов (Interpreting Biblical Texts [Nashville: Abingdon Press. 1981-84]), где предлагаются методы толкования и примеры из обоих Заветов. В 1982 г. издательство John Knox Press (Atlanta) начало публикацию нового комментария для исследователей и проповедников под названием *Толкование (Interpretation)*. Уже увидели свет тома, посвященные Бытию, Галатам. Марку, Римлянам и Филиппинцам. Две прекрасные книги, которые могут вам помочь в обращении с ветхозаветными текстами: *Ветхий Завет и провозглашение Евангелия* Элизабет Ахтемейер (Elizabeth Achtemeier, *The Old Testament and the Proclamation of the Gospel* [Philadelphia: Westminster Press, 1973]) и *Возвращение Ветхого Завета на христианскую кафедру* Дональда Гоуэна (Donald Gowan, *Reclaiming the Old Testament for the Christian Pulpit* [Atlanta: John Knox Press, 1980]).

История проповеди. Краткий обзор можно прочесть у Ингва Брилиота, в *Краткой истории проповеди* (Yngve Brilioth, *A Brief History of Preaching* [Philadelphia: Fortress Press, 1965]), хотя приложение к этой книге весьма специализированное и уже не актуально. Более актуальный обзор проповеди от древности до современности можно прочесть у Клайда Фэнта и Уильяма Пинсона, *Двадцать веков великих проповедей* (Clyde Fant and William Pinson, *Twenty Centuries of Great Preaching*, 13 vols. [Waco, Tex.: Word, 1971]).

Богословие проповеди. Две маленькие, но полезные книги: Ричард Лайшер, *Богословие проповеди* (Richard Lischer, *A Theology of Preaching* [Nashville: Abing-

don Press, 1981]) и Карл Рахнер, *Пробуждение проповеди* (Karl Rahner, *The Renewal of Preaching*, vol. 23 Concilium [Ramsey, N. J.: Paulist Press, 1968]).

Проповедь и богослужение. Начиная изучение этой области, рекомендуется прочесть *Слово в богослужении* Уильяма Скадла-река (William Skudlarek, *The Word in Worship* [Nashville: Abingdon Press, 1981]). Для тех, кто пользуется лекционным или собирается это делать, издательство Fortress Press (Philadelphia) продолжает выпускать пользующиеся спросом серии *Провозглашение: пособие для толкования уроков церковного года* (*Proclamation: Aids for Interpreting the Lessons of the Church Year*). Недавно издательство Abingdon Press (Nashville) начало выпускать *Проповеди по Новому общему лекционарию* (*Preaching the New Common Lectionary*), где на каждый год трехлетнего периода запланирован трехтомный лекционарий.

Проповедь и пасторские обязанности. В этой области многие служители благоприятно отзываются о книгах Дэвида Суитцера, *Пастор, проповедник, личность: глубины пасторского служения* (David Switzer, *Pastor, Preacher, Person: Developing a Pastoral Ministry in Depth* [Nashville: Abingdon Press, 1979]) и Гари Стрэтмена, *Пасторская проповедь* (Gary Stratman, *Pastoral Preaching* [Nashville: Abingdon Press, 1983]).

Периодические издания. Помимо периодических изданий, где сообщаются религиозные и экуменические новости, стоит также подписаться еще на два издания, которые оправдывают свою стоимость. Одно из них — *Толкование, библейско-богословский журнал* (*Interpretation, A Journal of Bible and Theology* [Richmond: Union Theological Seminary]), он выходит четыре раза в год и освещает вопросы Библии, богословия и проповеди помимо прекрасных обзоров выпускаемой литературы. Другое издание, *Гомилетик* (*Homiletic*), выходит два раза в год и содержит обзор книг и статьи о проповеди. Это самый полезный и весьма экономичный журнал. На него можно подписаться по адресу: 3510 Woodley Road, N. W., Washington, D. C. 20016.

Кроме того, предлагаем вам написать на отделения повышения квалификации нескольких семинарий, чтобы вам посылали литературу. Кроме того, каждый год проходит множество семинаров и конференций, посвященных проповеди.

Оглавление

Предисловие	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I Проповедь: общий обзор

<i>Глава первая</i> Вступление	7
Задача и форма	7
Основные предпосылки, связанные с обучением проповеди	11
Основные убеждения, связанные с проповедью	18
<i>Глава вторая</i> Проповедь в ее контексте.....	27
Исторический контекст	29
Пасторский контекст	34
Литургический контекст.....	38
Богословский контекст	44
<i>Глава третья</i> Богословие проповеди	49
Исходит из молчания	50
Шепот откровения	53
Провозглашение на кровлях	59

ЧАСТЬ II Проповедь: поиск содержания

<i>Глава четвертая</i> Исследование	69
Важность исследования	69
Что мешает исследованиям	71
Советы, связанные с исследованием	76
<i>Глава пятая</i> Истолкование: слушатели	86
Слушатели как аудитория	88
Слушатели как паства.....	92
<i>Глава шестая</i> Истолкование: текст	103
1. Выбор текста	105
2. Первое чтение текста	110
3. Установление точности текста	112
4. Определение границ текста.....	115
5. Рассмотрение текста в нескольких его контекстах	118
6. Осознание точек соприкосновения с текстом.....	124
7. Пересказ текста своими словами	128
<i>Глава седьмая</i> Истолкование: между текстом и слушателем.....	133
Задача проповедника как толкователя Писания	135
Методы истолкования, доступные проповеднику	145

ЧАСТЬ III Проповедь: оформление послания в виде проповеди

<i>Глава восьмая</i> Какими качествами должна обладать проповедь	165
1. Единство темы.....	167
2. Память	170
3. Узнавание	171
4. Отождествление.....	175
5. Ожидание.....	179
6. Близкие отношения	182
<i>Глава девятая</i> Формирование проповеди	185
Различные функции формы.....	185
Выбор формы	191

Создание формы98

Запись проповеди206

Глава десятая Обогащение формы 212

 Язык проповеди 214

 Описания..... 219

 Примеры 222

Глава одиннадцатая Изложение проповеди 230

 Что надо принять во внимание до изложения 231

 Само изложение 234

 Рекомендуемые источники для проповедника 245

- 85 **Крэдок, Фред Б.**
Проповедь: Пер. с англ. — СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 2007.
— 249 с.

ISBN 978-5-7454-0846-5

Эта книга — учебник гомилетики нового поколения. Написанная преподавателем и проповедником, книга особенно ценна тем, что история, богословие и герменевтика переплетаются в ней с практическим, понятным и совершенным текстом. Книга свободна от старых гомилетических предписаний, которые часто ограничивали написание проповеди. Как учебник, она охватывает все аспекты подготовки, написания и изложения проповеди. Ненавязчиво изложенный материал позволяет более вдумчиво и творчески подойти к его освоению. Книга будет полезна не только учащимся духовных учебных заведений, но и тем, кто готовит и излагает проповедь не впервые.

.0403000000-846 £
' 47A(03Ь-07 ^оБьям.

ББК 86.376

Редактор *Т. В. Тимофеева* Технический редактор *Д. Б. Тишоев*
Корректор *П. И. Ярмалъ*

Религиозное издание

Подписано в печать 09.03.07. Формат 84 х 108 Vзз. Объем 8 п. л. Тираж 2000 экз. Зак. № 3930
Издание религиозной организации «Христианское общество "Библия для всех". Российского Союза
евангельских христиан — баптистов».
195009, Санкт-Петербург, ул. Лебедева, 31. Отпечатано с диапозитивов в ГУП «Типография "Наука"».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

Мы предлагаем вам этот долгожданный труд одного из наиболее одаренных проповедников и преподавателей гомилетики в Америке, новое слово, в котором история, богословие и герменевтика переплетаются с практическим, понятным и современным текстом о подготовке и изложении проповеди.

В основном предназначенная для студентов семинарии и служителей. *Проповедь* отвечает на основной вопрос: как надо готовить проповедь? Эта книга — ясный учебник подготовки проповеди, позволяющий проводить дополнительное исследование каждого конкретного этапа этого процесса.

Выход книги вызвал мгновенные отзывы. Ричард Лайшер, преподаватель гомилетики университета Дьюк, утверждает:

«*Проповедь* Фреда Крэддока — книга, полная житейской мудрости. Она свободна от старых гомилетических предписаний, которые часто ограничивали творчество проповедника. Крэддок не навязывает своим читателям правила, но приглашает поучаствовать вместе с ним во всем процессе подготовки и изложения проповеди, причем так, чтобы читатель мог дополнить идеи автора на основании своего собственного опыта и проницательности. Что лучше всего, так это то, что книга свободна от жаргона и технического языка гомилетов и богословов. *Проповедь* — освобождающая книга, которую давно ждали проповедники и преподаватели проповеди».

ФРЕД Б. КРЭДДОК преподает проповедь и Новый Завет в Богословской школе Кэндлера и в аспирантуре факультета религии Университета Эмори, Атланта. Он автор книги *Евангелия* и один из соавторов *Проповеди по Новому общему лекционарию* из серий издательства Abingdon Press.